

Лааль Джандосова

Volume I

АРВЕАРТ

Верона и Лээст. Том I

Лааль Джандосова

Арвеарт. Верона и Лээст. Том I

«Издательские решения»

Джандосова Л.

Арвеарт. Верона и Лээст. Том I / Л. Джандосова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835317-8

У Вероны — студентки медицинской Академии «Коаскиерс» — удивительные способности, которые усиливаются с каждым днём, но в жизни её, напротив, возникает всё больше проблем. Пытаясь разобраться с ними, юная героиня окончательно запутывается в реальностях. Сможет ли она спасти тех, кого любит, зная, что уготовано им в будущем? Сможет ли пожертвовать настоящим ради того, кто ждёт её в прошлом? В Арвеарте ни в чём нельзя быть уверенным, поскольку всё, что там происходит, скорее всего — иллюзия.

ISBN 978-5-44-835317-8

© Джандосова Л.
© Издательские решения

Содержание

Августовские хроники	6
Том I	7
Краткие пояснения к некоторым терминам	7
Главные персонажи земного происхождения	9
Пролог	11
Часть первая /вводная/	13
I	13
II	37
III	56
IV	77
V	96
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Арвеарт
Верона и Лээст. Том I
Лааль Джандосова

© Лааль Джандосова, 2017

ISBN 978-5-4483-5317-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Августовские хроники

Том I

Краткие пояснения к некоторым терминам

АРВЕА́РТ – страна с однатисячатрёхсотлетней историей и гораздо более долгой предысторией;

КОА́СКИЕРС – в общем значении Высшая арвеартская медицинская академия, в узком – название Замка тысячелетней давности;

ИГЕВА́РТ – белобашенный город, на который обычно смотрят со стороны;

МЕДИТЕРА́ЛЫ – люди, чьи биосенсорные способности позволяют им мысленно воздействовать на другие живые организмы;

АЛЬТЕРНАТИВЩИКИ – медитералы из нашего измерения;

БАЛЛ ПО ЭЙВЕРУ – уровень, определяющий медитеральные способности;

ЭРВЕ́Р – представитель «Братства эрверов» – сообщества медитералов;

ВРЕТГРЕ́ЕН – арвеартский город, крупный научный центр;

ДЕКВИА́НТЕР – многофункциональный прибор частого пользования;

ТОГГЕРСВУЛТ – боевое искусство;

ЯСТРЕБ – летательный аппарат в виде парусной лодки;

СУГГЕ́СТИЯ – в общем смысле – внушение, в узком – медитеральное терапевтическое воздействие;

КЕРАТОМИЯ – искусственно вызванное нарушение временных корреляций;

ИРТАР – страна с трёхсотлетней историей;

РЕЕВА́РД – столица Иртаря;

ГОЭР-ДВЕР – иртарская школа для юных медитералов при Реевардском центре практической медитации;

АТРЕТИВНАЯ МЕДИТЕРА́ЦИЯ – дисциплина в общем и целом близкая к астрологии;

ЭКДОР – обращение к старшему или равному по положению. Мн. число – **ДОРВЕ́РЫ**;

АРДОР – обращение старшего к младшему по положению. Мн. число – **АРВЕ́РЫ**;

Содержание прочих терминов выясняется по контексту.

Главные персонажи земного происхождения

ВЕРОНА БЛЭКУОТЕР АВЕЙРО – прекрасная альтернативщица, выпускница иртарской школы, увлечённая биохимией и мечтающая о Коаскиерсе;

ЭРТЕБРА́Н – проректор Коаскиерса, выдающийся биохимик, автор труда под названием «*Квантовое излучение как физическая основа суггестии и телепатии*»;

НЕВАРД – отец Эртебрана, человек с либеральными взглядами;

ЭЛИЗА – супруга Неварда;

МАКЛОХЛАН – альтернативщик, куратор седьмого курса, преподающий в Коаскиерсе атретивную медитацию;

ТАФФА́ОРД – профессор Коаскиерса, куратор пятого курса, неврастеник с различными комплексами, включая суицидальные;

АКРОЙД – альтернативщик, профессор саматургии, представитель оккультных знаний, человек с объективным мышлением;

ХОГАРТ – альтернативщик, профессор токсикологии, куратор второго курса, отдающий свободное время занятиям пиротехникой и профессору мистеру Джонсону;

ДЖОНСОН – альтернативщик, человек с утончёнными вкусами, куратор первого курса, профессор фармакологии;

БРАВЕРАН – молодой профессор, человек с радикальным мышлением;

ДЖИНА – альтернативщица, нерадивая пятикурсница, постоянно курящая *Vogue* и склонная к опозданиям;

ВИРГАРТ – альтернативщик, большой противник курения, голкипер футбольной сборной, староста семикурсников;

ЛИРГЕРТ – приятель Виргарта, талантливый изобретатель, главный хакер Коаскиерса;

ДЖИММИ – альтернативщик, первокурсник, личность без комплексов;

ТОМАС – альтернативщик, тоггерсвултец, талантливый юноша;

ГЕРЕТА – поклонница Томаса;

АРРИГО – альтернативщик, флейтист, одарённый парень с артистическими способностями;

ЭАМОН – застенчивый юноша, «доблестный сын Ирландии»;

ТРИВЕРА́Н – прогрессивный политик, бизнесмен, один из сенаторов, основатель компании «Зэ́двear», человек с большими возможностями;

РЕЙВЕРТ – отчаянный малый, контрабандист из Иргара;

ТА́ЕРД – иргарский физик, руководитель Центра практической медитации;

ГРЕНАР – директор школы, в которой Верона Блэкуотер получила образование;

ТЕРВИ – шеф-повар Коаскиерса;

РЕЖИНА АВЕЙРО ЛЕДО – символистка, живущая в Гамлете – географическом пункте на севере Калифорнии;

ГЕНРИ – отец Вероны, бесследно пропавший в Лондоне ещё до её рождения;

ТРАРТЕСВЕРН – глава отделения Департамента по охране общественных норм и порядка, известный всему Арвеарту, как выраженный поборник репрессивного законодательства;

Пунктуация авторская

Пролог

Гамлет, тихое место на севере Калифорнии, укрыли синие сумерки – тёплые и глубокие. Простившись с доктором Смитом и допив остаток шампанского, Режина прошла с веранды – через кухню – в комнату дочери, и, подойдя к кровати, прошептала: «Уснула, по-моему». В комнате было душно. Свет – приглушённый – мягкий, высвечивал книжки на столике, карандаши, тетрадки и конверт – запечатанный, с марками, подписанный: «*Генри Блэкуотеру, Лондон, Великобритания*». Режина вздохнула горько, тихо покинула комнату, села за стол на кухне, раскрыла дневник, закурила, написала: «*Двадцатое мая 2005 года*», – вытерла слёзы салфеткой и продолжила запись следующим:

*«Джон наконец объяснил мне... И это никак не укладывается. Впрочем, я всё это чувствовала, словно ждала заранее, словно знала, чем всё это кончится. И, может быть, это и к лучшему – Иртар, Реевард, Академия, чем здесь, в этом чёртовом Гамлете, в соседстве с этими Робинсами. Лишь бы она была счастлива... А с ним она будет счастлива. Одним словом, случилось главное... Верона проснулась в девять. Мы с ней быстро позавтракали, взяли энциклопедию, сели в саду, под яблоней, и какое-то время читали – до половины одиннадцатого. В течение этого часа наша старушка Робинс наставляла на нас бинокль раз шесть или семь примерно, а затем известила Маггуйера, что я «заставляю ребёнка рассматривать порнографию». Сержант прикатил не задерживаясь. На момент его появления я уже занималась текстами, а Верона сидела с учебниками по итальянской грамматике, и когда он возник на веранде, она тут же с ним поздоровалась: «*Buon giorno! Come sta Lei?!*» Фергюс не отреагировал и поставил в известность о жалобе. Я сунула ему книгу и сказала: «*Мистер Маггуйер, данная «порнография» – это детская энциклопедия: «Как Я появляюсь на свет», поэтому все претензии не ко мне, а к её издателям, и если вы не согласны с такой научной концепцией и находите иллюстрации неприемлемыми для использования, то сами тогда объясняйте любознательному ребёнку, что является яйцеклеткой или как происходит зачатие!*» Фергюс смутился страшно, а Верона успела вставить: «*Или что есть сперматозоид и как он перемещается!*» Понятно, что после этого вопрос был исчерпан полностью и сержант поспешил ретироваться. Верона взялась за краски, а я занялась готовкой: почистила лук с картошкой, а когда перешла на рыбу, то порезала палец нечаянно и отправилась в ванную комнату – за йодом и лейкопластырем. Верона там мыла кисточки. Она убрала их в сторону, затем взяла меня за руку, попросила крепко зажмуриться и секунд через двадцать сказала: «*Вот, мама смотри, пожалуйста!*» Я смотрю на порезанный палец, а от раны следа не осталось – ни следа, ни шрама какого-нибудь.*

Я позвонила Джону – в состоянии полной паники. Он приехал, когда мы обедали. Я пошла заваривать кофе, а Верона спряталась где-то – то ли в детской, то ли в сарайчике. Джон пояснил мне сходу, что всё это обусловлено её редкостными способностями и такого рода способности называются «медитеральными». Измеряют их «*Баллом по Эйверу*», и способности у Вероны оцениваются в полтысячи, и они у неё «прогрессируют», и, согласно его объяснению, в силу этих самых способностей, ей сейчас по силам воздействовать на физические процессы в любых живых организмах, начиная от одноклеточных и заканчивая *Ното Сарпиенс*. Далее Джон сообщил мне, что дети с такими способностями обучаются в *Гоэр-Двере* – школе первой ступени при Реевардском центре практической медитации, и что этот Центр и школа находятся не в Америке, а в Рееварде, в Иртаре, – совсем в другом измерении. Тогда я сразу подумала, что либо он болен психически, либо это я – сумасшедшая, и что всё это – просто иллюзии, а Джон подождал немного, пока я над всем этим думала, и сказал: «*Это всё – реально, это всё происходит в действительности, и я не являюсь „психологом“ в вашем земном понимании. Я как раз из того измерения, о котором я начал рассказывать,*

и я у вас оказался только по той причине, что способности твоей дочери более чем уникальные, и если бы я в своё время не выдал себя за „доктора“, за ней бы сейчас наблюдали „настоящие психиатры“. Её бы держали в клинике, использовали бы для опытов и калечили бы безжалостно. И подобное может случиться, если она здесь останется, так что школа первой ступени – лучшее из желаемого...»

Мы с ним допили кофе. Я чуть-чуть успокоилась и Джон рассказал мне дальше, что в этом их измерении – иная цивилизация. И там лишь два государства. Одно он назвал «Арвеартом», а второе назвал «Иртаром» и сказал, что Иртар был создан в результате оттока раскольников, лет триста назад примерно, и два этих государства – в состоянии конфронтации, и Арвеарт занимает, в отношении территории, всю островную Британию, Бельгию, часть Голландии, Францию и Швейцарию, Италию, часть Испании и вдобавок к тому – Ирландию, а Иртар занимает «Штаты» – восточное побережье, и в этой их цивилизации медицина как раз и основывается на биосенсорном воздействии и растительной фармакологии. И у них там давно уже принято привлекать людей со способностями из нашего измерения. И сам он как раз является особого рода посредником. Он назвал себя «Наблюдателем», а таких людей, как Верона, называют «Альтернативщиками». И в самом конце он добавил, что занятия в Гозр-Двере начинаются с августа месяца, но детям начальной школы даются большие каникулы, плюс каждое воскресенье я смогу сама навещать её. После этого я спросила: «А как у вас осуществляются переходы сквозь измерения?» Джон пояснил: «Очень просто», – и предложил представить два расположенных рядом четырёхмерных пространства, расстояние между которыми в идеале равно нулю и оба этих пространства образуют подобным образом пространство уже восьмимерное, в виде единой сферы, в одной половине которой не существует времени, а в другой – расстояния, и в любой существующей точке ненулевого радиуса можно открыть переход, создав в ней магнитное поле определённой мощности, и это у них практикуется уже десять веков без малого. Я поставила новый кофе и, пока этот кофе заваривался, Джон сообщил вдобавок, что ближайший портал находится в двух милях от нашего Гамлета и что утром мы можем поехать туда и посмотреть, как всё выглядит.

Затем к нам пришла Верона. Он стал читать с ней книжку – сборник Аполлинера – «Мост Мирабо», по-моему, а я пошла делать пиццу – примерно в таком состоянии, словно меня заморозили. После семи мы поужинали, и Верона пошла в свою комнату, а Джон предложил мне выпить и принёс из машины «шампанское» – бутылку синего цвета – ярко иллюминирующую и с пробкой из чёрного дерева. Мы выпили с ним «за будущее», и потом я спросила: «Простите, но, может быть, вы представитесь? Как вас зовут в действительности?» – а он говорит: «Представлюсь, но только сперва Вероне и только когда она вырастет, а сейчас представляться бессмысленно. Имя «Джон» меня в целом устраивает». И тогда я потом спросила: «И чем это может закончиться?» – на что он сказал: «Ты знаешь. Тем, чем должно закончиться. Однажды мы с ней поженимся, и со мной она будет счастлива...»»

Часть первая /вводная/

I

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Утром, двадцатого мая, Верона проснулась поздно, примерно в начале одиннадцатого, от трели дрозда с планшета – сигнала звонка будильника. Трель продолжалась долго – до вербальной команды: «Достаточно!» Мелодия прекратилась. Глядя в окно на тучи, Верона спросила:

– Что нового?

«Новым», помимо прочего, оказалось одно сообщение – от экдора Гиварда Таерда, руководителя Центра практической медитации:

– *«Надеюсь, не отвлекаю. Хотелось удостовериться – Ардевир передал тебе копию эртебрановской монографии? „Квантовое излучение как физическая основа суггестии и телепатии“. Если нет, то пойдти и возьми у него. Работа феноменальная».*

Отправив ответ – вербальный: «Нет, мне не передали. Сегодня возьму обязательно», – Верона прошла в душевую, где достаточно долго красилась – больше по той причине, чтобы занять себя чем-нибудь, затем возвратилась в комнату и раскрыла *Volume Двенадцатый* – объемную папку с рисунками и разного рода бумагами, в том числе – дневниковыми записями, к которым добавилась новая:

«Двадцатое мая, пятница.

Сегодня у нас исполняется одиннадцать лет с момента, когда мама узнала «главное». Это – её выражение. Вот так пролетело время. Хорошо бы отметить как-нибудь. (Посидеть и подумать о Джоне. Это смешно, конечно, но это уже традиция. Это – день, когда я пытаюсь оправдать его всякими способами и уверить себя в той мысли, что когда-нибудь он появится).

У наших сегодня экзамен по растительной фармакологии. А мне – красота! Отдыхаю! Таерд прислал сообщение, что у Гренара есть монография по «квантовому излучению» – последняя эртебрановская. Странно, что мне не сказали. Ардевир утаил – это ясно, но Картина? Не понимаю. Интересно, с чем это связано? Раньше мне сообщали о каждой работе заранее...»

Ещё с полчаса примерно Верона делилась с папкой разного рода мыслями – и по части директора школы, и по части Гиварда Таерда, который ей покровительствовал, и по части экдора проректора, на чьих трудах она выросла, говоря о научных пристрастиях, но когда за окном засверкали яркими вспышками молнии, она поставила точку и опять подошла к подоконнику. Гроза отгремела быстро. Дождавшись её окончания, Верона надела куртку, взяла со стола тот сборник, что был ей подарен Джоном в памятное «двадцатое», и отправилась на прогулку, погружённая в воспоминания.

Вернувшись из сада к часу, она поднялась в свою комнату, оставила сборник на тумбочке и поспешила в столовую, где села за стол с одноклассниками и пару минут, не меньше, провела в интенсивном общении, после чего наконец-таки направила взгляд на директора. Он двинул тарелку в сторону, расстегнул на рубашке пуговицу, вытер лицо салфеткой и уткнулся глазами в столешницу.

– Так-так, – прошептала Верона. – Теперь вы, экдор, не отвертитесь...

Их разговор состоялся через двадцать минут, в «директорском», где Ардевир, ожидая её, решил для себя, во первых, начать разговор с монографии, а, во вторых, повторно объявить

запрет на Коаскиерс. В результате он вспомнил о Таерде. «Какого, простите, чёрта он стал измерять её данные?! Этот прибор – откуда он?! И, больше того, заявить ей: „Экдор Эртебран – единственный, кто имеет право учить тебя!“ Экдор Эртебран – арвеартец! И пропади он пропадом со всеми своими талантами!»

Когда створка двери приоткрылась и Верона спросила: «Можно?» – Гренар поднялся с кресла, повернулся к окну – приоткрытому, и произнёс:

– Ты в курсе? Таерд уже известил тебя?

– В курсе чего конкретно?

– Эртебрановской монографии. Вышла в начале месяца.

– Говорят, у вас есть одна копия?

– Распечатка, – сказал директор. – Но сейчас ты её не получишь. Я должен с ней ознакомиться. И, кстати, хочу информировать. Я ухожу в Академию. У них там открылась вакансия. Предлагают возглавить кафедру, так что в августе мы с тобой встретимся...

После короткой паузы разговор, не успев начаться, подошёл к своему завершению. Верона слегка прищурилась:

– Экдор, на что вы рассчитываете?! Возглавьте хоть десять кафедр, но я буду учиться в Коаскиерсе!

Ардевир произнёс невнятно: «На то, что твоё обучение обошлось Реевардскому центру в четырёста тысяч с копейками».

– Буду знать, – усмехнулась Верона. – Средств вы не экономите! Спасибо за информацию!

Решив не спускаться на лифте, она сбежала лестнице – в большой вестибюль с картинами – семью морскими пейзажами, и подошла к одному из них – озвучить происходящее и обсудить ситуацию. Картина была прекрасной – шторм у высоких клифов и белая башня со шпилем, изливающим в небо сияние.

– Гренар назвал мне стоимость! Это слишком большая сумма! Никто никогда не станет!.. Поэтому всё напрасно! У меня ничего не получится!

Ответ был весьма обнадеживающим:

– Нет, не надо расстраиваться. Не думай больше о Гренаре. Ты знаешь его отношение и оно уже не изменится. Постарайся найти возможность как-то связаться с Лээстом. Объясни ему всю ситуацию, включая проблему с финансами. Поверь мне, он будет счастлив получить от тебя сообщение. После этого все вопросы уже будут в его компетенции...

Простившись с Картиной книксеном, Верона покинула здание и минут через пять оказалась за пределами ограждения – со стороны океана, у дока со старыми лодками. Дойдя до конца причала, она села на край – взбудораженная, и сидела так очень долго, пока не продрогла полностью и не пришла к решению: «Я знаю, чем я воспользуюсь. Симпатическими чернилами по составу Элона Бессмертного. Напишу, передам через Таерда, оформлю, как поздравление... сошлюсь на Элона как-нибудь... через стихи Дривара... экдор Эртебран догадается...»

* * *

Гренар всё это время пытался сосредоточиться, работая с документами – отчётами по экзаменам, проходившим у старшеклассников, но мысль о том, что Верона где-то сидит в одиночестве и думает о единственном – как оказаться в Коаскиерсе, была в нём как гвоздь – торчащий и цепляющий за сознание. Ненависть к Эртебрану, так долго в нём вызревавшая, достигла момента кипения и бурлила, ища себе выхода. Накрутив себя окончательно, Ардевир обратился к изданию «Тысяча Лет Коаскиерсу», что Гивард успел передать ему в начале апреля месяца, пролистал до той фотографии, что являла лицо проректора, выдрал страницу из книги и изорвал от отчаяния.

Появившись в учебном секторе за десять минут до ужина, Верона, хоть и голодная, отправилась в лабораторию – ту, что была при классе по растительной фармакологии, нашла себе

всё, что нужно, села за стол с пробирками и приступила к синтезу. Состав был готов к одиннадцати. Через четверть часа по времени она уже открывала папку *Volume Двенадцатый*. Ручка с пером – чернильным, погрузилась в жидкость – оранжевую.

Письмо получилось долгим – почти до рассвета по времени. После бессонной ночи Верона, вместе с приятельницами, появилась в столовой на завтраке, быстро перекусила – крепким чаем и свежим рогаликом и – с рюкзаком за плечами – покинула школьное здание. Добравшись до Рееварда на большом маршрутном автобусе, и дальше – уже от станции – на подвесном трамвайчике, она появилась у Таерда, в Центре медитации, в самом начале одиннадцатого, когда Гивард как раз закончил утреннее заседание. Секретарь доложил директору, что «рэана Верона Блэкуотер просит аудиенции», на что Гивард отреагировал согласно обыкновению:

– Будь добр, нам кофе и сладкое. И пока она здесь находится, для всех остальных я отсутствую.

Встретив её в кабинете, Таерд – очень обрадованный – сразу начал расспрашивать о школьных делах, о Гамлете, о планах и настроениях. В результате возникла тема, что касалась его сообщения и вопроса о монографии: «*Квантовое излучение как физическая основа суггестии и телепатии*». Узнав о реакции Гренара, физик вручил ей книгу – настоящую, а не копию, и сказал: «Читай в удовольствие! Эртебран переслал нам несколько, так что можешь держать в своём пользовании!» После слов глубокой признательности, Верона, недолго думая, достала конверт с посланием:

– Эктор, взгляните, пожалуйста. Я знаю, что вы с ним обмениваетесь письменной информацией. И я бы просто хотела... Просто его поздравить с этим последним изданием, от лица своих одноклассников...

Гивард кивнул с улыбкой, взял в руки письмо – коротенькое – несколько строчек текста, написанных с явной старательностью, изучил его содержание и с согласием резюмировал: «Да! Идея прекрасная! Я перешлю, разумеется!» – а затем спросил неожиданно:

– Гренар успел показать тебе? «Тысяча Лет Коаскиерсу» – большой альбом с фотографиями. У нас он в одном экземпляре. У Ардевира он временно, где-то с апреля месяца.

– Нет, – сказала Верона, – мне его не показывали.

– Тогда попроси сегодня же! Ардевир, вероятно, запомнит. Эктор Эртебран, скажу я тебе... – физик хотел продолжить: «красавец, каких я не видывал», – но поскольку Верона нахмурилась, воздержался от комментария.

Вернувшись в школу к двенадцати – на служебной машине Гиварда, что отправил её с водителем, она взбежала по лестнице, ворвалась в кабинет директора и заявила сходу:

– Я была у эктора Таерда! Где «Тысяча Лет Коаскиерсу»?!

Гренар поднялся с кресла, процедил: «Боюсь огорчить тебя, но портрет твоего проректора был изъят из неё за ненадобностью...» – взял в руки корзинку с мусором, где обрывки портрета Лээста мешались теперь с окурками, и швырнул – над столом – через комнату:

– Вот! Если нечем занять себя, поройся в своё удовольствие!

* * *

Через несколько дней после этого – утром, тридцатого мая, среди прочей корреспонденции на имя администрации, эктор Эртебран – проректор – человек очень жёсткий, властный, обладавший железной волей и непоколебимым правом брать на себя решения по всем проблемам в Коаскиерсе, обнаружил в одном из конвертов два очень разных послания: одно от эктора Таерда – научного содержания, а второе – совсем иное:

«Эктор Эртебран,

Позвольте нам – почитателям Вашего Гения – выпускному классу учащихся гоэр-дверской Центральной школы при Реевардском центре практической медитации, – выразить Вам поздравления в связи с выходом в свет Вашей новой, актуальнейшей монографии...»

Эртебран, не сдержав улыбки, подумал: «Ну школьники – ладно уж, им это всё простиительно. Но как, интересно, Гивард согласился им посодествовать?»

«...Мы хотели бы Вам признаться, что мы с чрезвычайным вниманием наблюдаем из Рееварда за Вашими достижениями в далёком от нас Арвеарте и разделяем мнение всех Ваших здешних коллег – профессоров нашей школы и сотрудников нашего Центра, что Вы, как сказал в своё время магистр Элон Бессмертный в своём последнем Трактате, – „Та таинственная звезда, что вспыхивает на небе прекрасным и ясным светом единственный раз в столетие, возвращая надежду томящимся...“»

– Ясно! – сказал проректор. – Послание засекречено! Симпатические чернила по составу Элона Бессмертного. Только одно непонятно – взяли Дривара, «Лурнию». Но где они его выискали? Его же не издают у них.

Размышляя на эту тему, он вышел из кабинета, быстро спустился по лестнице до нужного ему уровня, заглянул в кабинет токсиколога – профессора Саймона Хогарта, попросил раствор аммиака, вернулся обратно в «проректорский» и, смочив аммиаком вату, приступил к обработке бумаги – глянцевого, тонкой работы, обрамлённой серебряным кантиком. Буквы – ярко-оранжевые – проступили мелкими крапинками:

«Экдор Эртебран, простите!

Мне, конечно, нельзя рассчитывать, что если Вы вдруг прочитаете – то, что здесь будет написано, Вы сочтёте, что это заслуживает и времени, и внимания, но, с учётом всех обстоятельств, я просто должна сказать Вам – я хочу учиться в Коаскиерсе! Это глупо, по всей вероятности, потому что это – безнравственно...»

Лээст невольно хмыкнул: «Дривар – это плюс, конечно, но что у нас с баллом по Эйверу? Если пятьсот или около, то ей надеяться не на что».

«...потому что это безнравственно! Я имею в виду, разумеется, не саму учёбу в Коаскиерсе, а тот факт, что я сделала выбор, не считаясь ни с „конфронтиацией“, ни с теми большими надеждами, что на меня возлагаются, ни с теми большими затратами, что на меня потратили, и единственное, что хоть как-то и хоть чем-то меня оправдывает, это – то, что я понимаю, что здешняя Академия не даст мне тот уровень знаний, который мне даст Коаскиерс».

«Да, – усмехнулся Лээст. – Баллов семьсот, наверное, с подобной самоуверенностью. Семьсот пятьдесят, возможно. Это уже получше, но всё равно недостаточно. На восьмистах я б задумался, но Гивард бы нас информировал... Впрочем, у них, в Иртаре, оценивают не по Эйверу. Да и есть ли резон делиться столь редкостным достоянием?»

«Экдор Эртебран, Вы знаете... Я прошу Вас, экдор, не думайте, что это – мои амбиции или просто большие фантазии. Я пытаюсь найти своё место и прихожу к пониманию, что мне нечего делать в Иртаре. То есть я постоянно чувствую, что всё, что там есть – неправильно. У них там масса законов, основанных на „равноправии“, и я в результате этого

не смогла поступить в Академию после седьмого класса, когда в частном порядке освоила всю программу и хотела учиться дальше. Они меня протестировали, поставили высшие баллы, и на этом всё и закончилось. А теперь, накануне выпуска, ситуация повторяется. Я знаю, что знаю теорию и отдельные спецпредметы не на уровне средней школы, а на уровне пятого курса или, может быть, даже шестого. Наш директор в апреле месяце отправил письмо министру – с просьбой о новом тестировании, а министр ему ответил, что „все мои достижения просто дискредитируют существующие программы, и что я должна успокоиться и держать себя в рамках дозволенного“».

Проректор вспотел от волнения: «Здесь девятьсот, как минимум...»

«Я, конечно, могла бы вернуться – из Иртарра обратно в Америку, но то, чем я занимаюсь, для меня сейчас – всё, понимаете? И дело даже не в этом. Дело в том, что мне объяснили, что в случае отчисления я обязана компенсировать расходы на образование – четыреста тысяч с лишним. А у мамы нет таких денег. Она работает в школе – не учителем, а ассистентом, и получает две тысячи. А эти „четыреста тысяч“ в пересчёте на наши деньги – уже восемьсот примерно, то есть сумма вообще запредельная. Поэтому я не знаю, для чего я сейчас пишу Вам. Просто, знаете, как случилось? Я уже в третьем классе стала снимать себе копии с „Медитерального Вестника“ – с Ваших статей и заметок; Вы печатались в каждом выпуске. Я почти их не понимала, но читала их постоянно и работала с терминологией, и всё прояснилось как-то, а в конце четвёртого класса... У нас в вестибюле – картины – ранние тервинисты (не подлинники, а копии). И у меня там любимая – „Бресвиарский Маяк“ Бекри-вара. Она меня просто притягивала, с той самой первой секунды, когда я её увидела. И вот, я упала с дерева – прыгнула неудачно и повредила коленку, но никому не сказала, потому что мне было стыдно. И было ужасно больно. И ночью, когда все спали, я подошла к Картине... – знаете? – так – припрыгала; стою перед ней и плачу, и вдруг у меня в сознании появляются чьи-то мысли... то есть – буквально вспыхивают... возникают целыми блоками: „Успокойся. С этим ты справишься. Это – простая травма. Сядь на пол и сконцентрируйся“, – и далее – шаг за шагом, пока я её не вправила. И после того момента я стала с ней разговаривать. Я имею в виду – с Картиной. Разговаривать мысленным образом. И я начала приходить к ней с вопросами по биохимии. И Картина мне всё разъясняла. И с другими предметами тоже. Мы могли общаться часами. В основном по ночам, конечно, и на самые разные темы – от теоретической физики до арвеартской поэзии. Но с Вами эту Картину я пока что никак не связывала. То, что Вы к ней причастны, я поняла в девятом. Я готовила лабораторную по „воздействию на поведение...“ и мне не хватало данных по всяким несчастным планариям, а времени было мало и я обратилась к Картине, и она мне продиктовала кое-какие цифры по мышечной стимуляции, и всё обошлось на ура. А через месяц примерно, в октябрьском выпуске „Вестника“, я увидела Вашу заметку, приводившую разные данные, которые Вы получили в ряде экспериментов, проводимых дистанционно. И в том, что касалось планариевых, все результаты совпали. А Вы эти опыты ставили за месяц до публикации. Это значит – Вы были единственным, обладающим этими данными. И я до того обрадовалась, Вы даже не представляете! И потом я пришла и спрашиваю: „Вы – экдор Эртебран, получается?“ А „Вы“ тогда засмеялись и сказали: „Да нет, Верона! Я – часть твоего подсознания!“»

– Верона, – сказал проректор. – Прекрасное имя – Верона, и ты – под опекой Кураторов. Нет ничего удивительного, что ты напрямую связалась со мной. Они тебе в этом способствуют. А как тут не поспособствовать? Ребёнка с такими данными нельзя оставлять без внимания. И ты пока не догадываешься. «Бресвиарский Маяк»... символика... Во всём сплошная символика – что в имени, что в названии.

«А потом, уже после каникул, „Вы“ мне сразу сказали, чтобы я попросила у Таерда рукопись под названием „Структурно-функциональные парадигмы работы синапса“. Я отправила сообщение, эктор Таерд прислал мне файл и приписал в комментарии: „Завтра по ней защита. Тема, конечно, мелкая, но методика интересная. Можно сказать – уникальная“. Ну и вот, я сижу и читаю и выясняю сразу, что „автор“ этой методики утверждает в самом начале, что „разработал способ прижизненного анализа деднитритных шипов в гиппокампе посредством локальной инфузии красителя кальцеина“. А Вы, насколько я знаю, говорили о том же самом в заметке „Проблемы исследования...“ в приложении к выпуску „Вестника“ девятилетней давности. Вы в этой заметке рассматривали несколько вариантов и от этого отказались (в пользу белковой экспрессии). И Экорен – этот „автор“ – позаимствовал Вашу идею без малейшей доли стеснения. Тогда я связалась с Центром и спросила его напрямую, когда он подошёл к экрану: „Почему у вас в диссертации нигде не упоминается, что идея такого анализа принадлежит на деле профессору Эртебрану и что вы её позаимствовали самым бессовестным образом?“ Экорен, конечно, задёргался и сказал, чтобы я не вмешивалась. А я ему отвечаю: „Простите, но вам придётся объясняться с эктором Таердом“. И Таерд с ним разобрался: работу с защиты сняли, а Экорена уволили. Ну так вот, и затем, после этого, было несколько разных случаев и все они были как-то напрямую связаны с Вами. То есть я понимаю, конечно, что это не Вы, к сожалению. Это кто-то, кто связан с нами – буквально теплестически. Хотя в подобных масштабах представить себе немисливо. И только по этой причине я решила на это безумие...»

– Нет, не только по этой, – прошептал Эртебран напряжённо. – Нет, моя золотая, здесь дело в другом, мне кажется...

«И ещё я должна отметить, что мой результат по Эйверу – тысяча сто одиннадцать. Эктор Таерд меня протестировал в самом начале месяца и потом он сказал мне сразу, что они не имеют права обучать меня в их Академии. Он сказал, что при этих данных мной должны заниматься в Коаскиерсе – именно Вы непосредственно. Теперь мне не просто стыдно оттого, что я всё это высказала, а стыдно просто смертельно, поэтому я заканчиваю. И простите меня, пожалуйста, что я ещё не представилась. Я – Верона Блэкуотер Авейро. Я родилась в Калифорнии и мне восемнадцать в августе. Мне действительно очень стыдно. И страшно, что Вы откажете. Этого я не вынесу. Эктор Эртебран, умоляю Вас...»

Эртебран дочитал послание и с минуту сидел, не двигаясь. Затем он плеснул себе виски, выпил, сказал: «Надо действовать!» – достал деквиантер из кармана и вызвал линию ректора:

– Эктор Креагер, простите... У меня на руках заявление... от Вероны Блэкуотер Авейро. Это – девушка-альтернативщица... Она обратилась с просьбой... Из Иртарра... Сама непосредственно... Её результат по Эйверу – тысяча сто одиннадцать. Нет, я не ошибся, поверьте... Не боюсь ли я конкуренции? Нет, не боюсь, разумеется. В нашем случае это преимущество... Да, уникально, естественно... Да, совершенно верно. Отправим Виргарта Марвенсена. Мы должны утрясти вопросы с документами и финансами... Немного, несколько тысяч... Пусть лучше летит на Ястребе... Если возникнут проблемы, мы обратимся к Кураторам... Да, конечно, я всё понимаю... Я беру на себя всю ответственность... Пусть вылетает немедленно... Спасибо, эктор... До свидания.

Завершив разговор с Креагером, Лээст связался с Маклохланом и обратился с просьбой прислать к нему Виргарта Марвенсена. Виргарт, поднявшись в «проректорский», узнал о своём поручении и кинулся собираться – в лихорадочном состоянии, а Лээст в первую очередь наведёлся в банк за финансами, причём, финансами собственными – в необходимом коли-

честве, следом, вернувшись в Коаскиерс, заглянул на кухню к шеф-повару, оставил распоряжения и сел за письмо к Вероне – более чем спонтанное и совсем не официальное. Затем, всё с тем же Маклохланом, он вывел из грота «Ястреб», поднялся над крышей Замка, приземлился во внутреннем дворике и там, поджидая Марвенсена, посвятил своего приятеля в известную ситуацию. Когда Виргарт возник – с вещами, готовый к дальнему странствию, Эртебран передал ему деньги в алюминиевом чемоданчике, где находились также документы для Гиварда Таерда, вручил письмо для Вероны и произнёс, расчувствовавшись: «Я на тебя надеюсь! Это крайне важная миссия!» Тут появился шеф-повар с двумя большими корзинами – провиантом для отбывающего. Дорверы простились с Виргартом крепкими рукопожатиями и вернулись обратно в Замок. Шеф-повар прошёл на кухню, Маклохлан – в обсерваторию, а Эртебран – в «*проректорский*», откуда связался с родителями и сказал, что приедет вечером – «отметить одно событие».

* * *

Неделю спустя, в Иргаре, свежим июньским утром с помощником Гиварда Таерда связался начальник охраны при Центре медитации и взволнованно сообщил ему:

– У нас здесь студент из Коаскиерса! Альтернативщик Марвенсен! Появился с норвежским паспортом и вретгреенской регистрацией!

Помощник воскликнул:

– Вот как?! Неужели просит убежища?! Или это – конец конфронтации?!

– Не думаю, что убежища. Просит встречи с экдором Таердом. У него на руках направление от руководства Коаскиерса.

– Пропускайте! – велел помощник. – И пока никому не рассказывайте!

Таерд, узнав о случившемся, догадался, с чем это связано и сразу распорядился: «Кофе к столу, пожалуйста! Лучший из всех имеющихся! И вызовите начальника финансового департамента!»

Верона в эти минуты сидела в саду, в беседке, и читала письмо от матери, где постскриптумом было сказано: «*Из школы пришлось уволиться. Я заявила директору, что надо хотя бы изредка исследовать карту мира (после его изречения на лекции „Наша Политика“, что Катар – столица Омана, а Арабские Эмираты по размеру больше, чем Мексика)*».

Примерно без четверти десять Ардевир получил от Гиварда прямое распоряжение:

– «*Подготовь-ка мне файл на Блэкуотер, включая все курсовые, все её рефераты и результаты тестов, а также рекомендации. Появлюсь у вас ровно в полдень. (Понимаешь, с чем это связано?)*»

Гренар стёр сообщение, активировал все динамики и объявил по школе: «Верона, ко мне! Немедленно!» – мало что понимая, кроме того, что теряет её – теряет в текущей действительности, и теперь уже окончательно.

Как только она примчалась – возбуждённая и запыхавшаяся, Ардевир, не сдержавшись, потребовал:

– Как ты связалась с Коаскиерсом?! Хотелось бы полюбопытствовать! Давай объясняй, пожалуйста!

– Через экдора Таерда! Экдор, меня что, зачислили?! У вас уже есть информация?!

После тяжелой паузы Ардевир произнёс: «По всей видимости, – и, закурив, продолжил: – Будем готовить файл. Результаты тестов и прочее. Таерд скоро появится. И давай, если ты не против, обойдемся без фотографии».

– Почему?! – удивилась Верона.

– Потому что официально ты ещё ученица школы, а это дает мне право накладывать ограничение на распространение имиджей вверенных мне учащихся. Мера предосторожности. Это – параграф пятнадцатый в медитеральном Кодексе...

В полдень и три минуты Гивард и Виргарт Марвенсен подъехали к Гоэр-Дверу, быстро прошли аллеей к центральному входу в здание и на дверях узрели яркое объявление:

11-го июня

ПРОЩАЛЬНАЯ ФЕЕРИЯ

В программе:

группа «ПЕЧЁНКА»

знаменитое трио «КИН-САУ»

и звезда нашей сцены ВЕРОНА

с заключительным выступлением

– Ну вот, – констатировал Таерд, – теперь ты знаешь на будущее, что рэана Блэкуотер солирует. Прекрасное меццо-сопрано. Данные исключительные...

Следом, уже в вестибюле, он, как спонсор коллекции, кивнул на стену с картинами: «Ты обратил внимание? Копии Бекривара».

– Конечно! – воскликнул Виргарт. – Весь «Ордегоннский цикл»! Ученики, наверное?!

– Да, – улынулся Гивард. – Картины из фонда раскольников.

Так, в разговорах о живописи, они поднялись на лифте до уровня администрации и сразу же оказалась у искомой двери в «директорский». «Смотри-ка! – подумал Виргарт при виде мужчины в джемпере, – никаких сюртуков и галстуков! Директор у них продвинутый. Джинсы, короткая стрижка. Тоггерсвултец, по всей вероятности...» Затем его мысль застыла. Из кресла для посетителей встала красивая девушка. Не просто красивая девушка, а красивая ошеломляюще, излучающая – ощутимо – удивительное сияние – завораживающее, пьянящее, отнимающее дыхание. «Чертовщина! – подумал Марвенсен, ощущая пульсацию крови, резкий вакуум где-то в желудке и вибрацию в мышечных тканях. – Чертовщина! Конеч! Проклятье! Ей нечего делать в Коаскиерсе!»

– Эктор Ардевир, Верона, – произнёс в это время Таерд, – позвольте мне с честью представить студента шестого курса коаскиеровской Академии ардора Виргарта Марвенсена!

Марвенсен поклонился, Верона присела в книксене, а Гренар кивнул и нахмурился, заподозрив в эффектной Марвенсене нового неприятеля – в битве уже проигранной, но формально ещё продолжавшейся. Сам Виргарт, взяв себя в руки, уже сделал первые выводы – в принципе безошибочные: «Гордая и независимая, но подвержена чувству эмпатии. Таерд к ней расположен едва ли не по-отечески, а этот спортсмен-директор влюблён в неё до безумия. А она сейчас ждёт единственного – написал ли ей Лээст что-нибудь. Да, написал, разумеется. Это всё начинает закручиваться в самую худшую сторону...»

Через час, после всех разговоров и отбора бумаг для Коаскиерса, Гивард решил: «Достаточно! Уже перебор, по-моему!» – и выдал идею проветриться и пообедать где-нибудь:

– Давайте-ка в «Старом Замке»! Виргарт, тебе там понравится! Верона, оденься наряднее! Отметим твоё зачисление! Через двадцать минут – на выходе!

Верона, подумав: «„Замок“?! Это – тот самый „Замок“, куда мы ходили с Джоном, когда он нам всё здесь показывал?!» – просто кивнула молча, а Гивард взглянул на Марвенсена:

– Можешь пройтись по школе. Посмотри на лаборатории. Потом поделишься мнением. Квердов у нас не водится, но стараемся соответствовать.

Когда Виргарт с Вероной вышли, Таерд прошёл к подоконнику, приоткрыл боковую форточку, достал из кармана трубку и коробочку с *Dunhill Nightcap* и сказал, обращаясь к Гренару:

– Тебе нелегко отпускать её, но мы своё дело сделали. Держать её здесь, в Иргаре, это значит лишать её права... права выбора, права на будущее. На счастье в конечном счёте. На то, что она заслуживает.

* * *

Виргарт, в кабинке лифта, шепнул Вероне: «Секундочку... – извлёк из кармана сумки конверт с серебристым вензелем и пояснил: – От проректора. Оно – неофициальное». Затем, уже в холле с колоннами, не дождавшись особой реакции, он перешёл на английский:

– Ваш директор сильно расстроился...

– Конечно, – сказала Верона, – но это не обсуждается.

На этом они расстались. Проводив её долгим взглядом, шестикурсник вздохнул – с тем чувством, что встреча Вероны с Лээстом – дело уже предрешённое, и добром это всё не закончится, а затем, с интересной мыслью, что облик её – прекрасный, её жесты, её интонации, манера откидывать волосы и даже походка – резкая – не женская, а мальчишеская, знакомы ему откуда-то, – заключил для себя неожиданно: «Я её где-то видел. Я уже с этим сталкивался...»

Поднявшись в гостиную комнату в общежитии старшекласников, Верона, дрожа от волнения, присела на край дивана и вскрыла конверт с печатью – именной, с драгоценными буквами: «Л» и «Э» в серебристом сиянии. Письмо эйдора проректора, написанное чернилами и слегка неразборчивым почерком, с наклоном в левую сторону, начиналось с его обращения: «Здравствуй, моя драгоценная...»

«Здравствуй, моя драгоценная!»

Я сказал «моя...» – ты заметила? Прости за такую вольность, но с учётом тех обстоятельств, что мы с тобой чем-то связаны и в чём-то являемся близкими... может быть – очень близкими, если верить в тесты по Эйверу (и принимать во внимание твой необычный опыт общения с «подсознанием»), в отношениях между нами не должно быть особых формальностей. И я, между прочим, собственник, как ты уже догадываешься. А теперь настройся на чтение. Я просто хочу, Верона, чтобы ты уже до приезда, слушай меня внимательно, составила представление: обо мне, моей жизни в целом и тех моих интересах, которые, в общем смысле, отражают меня как личность не сколько в научном плане, сколько в обыкновенном. Я не скажу в «жизнейском», поскольку так получилось, что жизнь моя всецело отдана Академии и моим научным исследованиям, и всё, что в ней есть «жизнейского», это пара бутылочек пива вечером в воскресенье. Но это, как ты понимаешь, не является самым существенным. Существенным будет следующее – что нам, говоря о будущем, предстоит провести бок о бок, глядя в глаза друг другу, бог знает сколько времени, и чем проще и доверительнее будут наши с тобой отношения, тем легче и плодотворнее нам будет работать вместе. «Плодотворнее» – странное слово. А как тут сказать? Не знаю. «Тем легче и полноценнее»? Я напроць лишён таланта сочинять толковые письма, адресованные не коллегам из Реевардского центра, а прекрасным и юным девушкам. Сделай вид, что не видишь этого.

Я сказал только что «прекрасной»? Я знаю это заранее, но пытаюсь тебя представить – и ничего не выходит, только вижу глаза и волосы. Глаза у тебя янтарные, а волосы – ближе к чёрному. Было бы интересно взглянуть на твои фотографии. Перешли, пожалуйста, с Виргартом две-три или сколько получится. И, кстати, до Гоэр-Двера дошёл наш глобальный привет? Я имею в виду издание «Тысяча лет Коаскиерсу». Там есть мой недавний портрет. Я на нём с бородой, как у Гразда. (Гразд – персонаж из «Уртрарцев» – комедии Ливара Нерсгода. Этот Гразд отличился тем, что встал в оппозицию к обществу и не брился лет

десять, наверное). Но теперь я побреюсь, конечно же, чтобы ты обо мне не подумала, что я – ретроград и всё прочее. (В чём-то я ретроград, разумеется, но не в вопросах внешности... точнее, её оформления). И, продолжая тему, в театре я не был долго – лет пять или шесть, наверное. Времени не хватает. Его с каждым годом всё меньше. Всё меньше и меньше, Верона, словно оно исчерпывается в особого рода прогрессии. Я достиг того самого возраста, когда делаешь первые выводы – и не самые утешительные. Я вдруг решил почему-то, что вся моя жизнь бессмысленна. Просто устал, по всей видимости. Сперва я работал как проклятый, потому что сделал работу единственной самоцелью, после этого – в силу привычки, затем – потому что понял, что должен оставить что-то – не детей, так хотя бы имя; затем, осознав бессмысленность, едва не послал всё к чёрту. Буквально в апреле месяце у меня появилось желание податься в глухое место и жить там в полной безвестности, а теперь ты мне написала и знаешь, что я почувствовал? Что всё теперь переменится. Что всё начинается заново...»

На этом Верона, не выдержав, прижалась к письму губами и, представив глаза проректора – прекрасные, тёмно-синие – согласно обрывкам из мусора, разобранного у Гренара, прошептала: «Monsieur, croyez-moi, tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles...»¹ – исполняясь такими чувствами, что не знала в себе до этого.

* * *

В «*Старом Замке*» всё было по-старому: канделябры, столы – огромные, с внушительными столешницами, каменной кладки стены со старинной работы факелами, укрепленными в бронзовых конусах, кресла с высокими спинками и пара каминов – пылающих. Дорверы, явно голодные, заказали бифштексы, пиво, запечённый картофель с груздями и салаты из свежей зелени, а Верона, храня традицию, выбрала сок – гранатовый, запечённую утку с яблоками, апельсиновое мороженое и какао с кофейными трюфелями. Разговор, что возник в процессе, за высокими пенными кружками, касался в первую очередь эртебрановской монографии, затем – разработок Центра в области биохимии, и затем, неожиданным образом, с подачи Гиварда Таерда, перешёл на ардора Рейверта – младшего брата Гренара. Рейверт, согласно Таерду, отличался большими талантами, но не стал поступать в Академию, а, будучи тоггерсвултцем, по окончании школы полностью сконцентрировался на спортивного рода деятельности. В двадцатилетнем возрасте он достиг чемпионского звания, держал его очень долго, потом оказался замешанным в какие-то махинации, был исключён из сборной, пару лет проживал в провинции, звонил иногда родителям, но вот уже больше года известий не приходило, были предприняты поиски, но они, увы, оказались абсолютно безрезультатными.

Виргарт, специализировавшийся в атретивной медитации – науке, не признаваемой иртарскими медитералами, сказал, что способен выяснить место его нахождения, но на расчёт модели уйдёт не менее месяца. Гренар разволновался. Гивард спросил:

– А карты? Гадальные, саматургические. У нас они есть в запаснике. Может быть, стоит попробовать, для экономии времени? Мы сами ими не пользуемся, но у вас, в Арвеарте, я знаю, к ним иногда прибегают в самых критических случаях.

– Те, кто умеет пользоваться, – объективно ответил Марвенсен. – Нам их однажды показывали, как раз на саматургии, но просто для иллюстрации.

Таерд взглянул на Верону:

– Карты идут с инструкциями...

Виргарт сказал:

– Не стоит. Напрасная трата времени.

¹ Мсьё, поверьте, всё к лучшему в этом лучшем из всех миров (фр.)

Гивард сказал:

– Я настаиваю. Стоит хотя бы попробовать.

– Да, – согласилась Верона. – Если карты идут с инструкциями, то не вижу смысла отказываться.

Обед, при таких обстоятельствах, завершился стремительным образом и группа переместилась в Центр медитации. Директор провёл арверов на один из подземных уровней, где хранились, с предосторожностями, в вакуумных ячейках, разного рода предметы, вывезенные раскольниками: рукописи на свитках, гербарии с описаниями, коллекции минералов, морские и звёздные карты, сложного вида приборы и прочие древние ценности. При виде таких раритетов Верона, смеясь, заметила: «Да, хорошо упрятали! Никто о них и не догадывается!» – на что Таерд извлёк колоду и большой манускрипт с описаниями и передал ей в руки, успев сообщить до этого:

– Ладно, получишь пропуск! И вручаю тебе эти карты в качестве вознаграждения за все твои достижения в сфере образования!

Гренар кивнул на ячейку с ярко светящимся камешком – прозрачным, в два дюйма диаметром:

– Это – хрусталь? Риззгиррский?

Виргарт кивнул:

– Он самый. Подделка тут исключается.

– Простите, – вмешалась Верона, – «Риззгирр» – название местности?

– Нет, – пояснил шестикурсник. – Планеты в созвездии Лебеда. Сможешь узнать подробно у Джошуа Брен Маклохлана. Он преподаёт в Коаскиерсе атретивную медитацию...

* * *

На обратном пути, в машине, Верона листала инструкцию, а Гренар и Виргарт беседовали – на тему астромоделей и того, как они рассчитываются. В карты директор не верил, поскольку саматургия, в его собственном понимании, относилась к оккультным знаниям, сопряжённым с духовными сферами, не терпевшими посягательства. Верона, напротив, думала, что формулы – дело привычное и, по сути своей, примитивное, а гадания с предсказаниями – нечто необыкновенное. В результате с каждой страницей её интерес усиливался – и в целом к саматургии, и к загадочным картам – в частности. Виргарт нет-нет да поглядывал, как она читает инструкцию – беглым взглядом, почти не задерживаясь на схемах и описаниях. «Неужели запоминает?!» – вопрошал он себя с недоверием, поскольку в его сознании всё никак не укладывалось, что девушка – столь прекрасная, со столь ослепительной внешностью, на деле не просто девушка, а медитерал, чей уровень почти совпадал с эртебрановским.

В школе Гренар провёл их в «директорский» и оттуда – в смежную комнату, где были диван и кресла, стойка с плитой и раковиной, холодильник, буфет с посудой и стол у окна – обеденный. Пока Виргарт с Вероной осматривались, Ардевир приготовил кофе, достал шоколад из шкафчика, французский коньяк, бокалы и вскоре беседа продолжилась. Верона, невольно прислушиваясь, успела выяснить следующее – что главным специалистом в атретивной медитации в Арвеарте считается Джошуа – альтернативщик из Дублина, а главным специалистом по предмету саматургии является Грегори Акرويد – альтернативщик из Йоркшира.

После крепкого кофе с конфетами она вновь обратилась к инструкциям и минут через семь примерно попросила снимок пропавшего. Гренар прошёл к компьютеру, распечатал ей фотографию и отдал со словами: «Последняя... Последняя из имеющихся». Рейверт, как оказалось, был очень похож на брата, но с той характерной разницей, что глаза его были серыми, а не синими, как у Гренара, а короткие волосы – вьющимися. Верона перекрестилась и приступила к гаданию, положив фотографию в центр и задействовав всю колоду – все сорок четыре карты трёхсотлетней как минимум давности. В комнате вдруг повеяло резко сгустившимся

холодом, на что Виргарт подумал сразу: «Способности колоссальнейшие», – а Гренар, зябко поёжившись, перебрался к камину – газовому, засиявшему ровным пламенем.

Разложив на столе колоду, Верона сосредоточенно, с замкнутым выражением, стала считывать информацию, отчего напряжение в воздухе в несколько крат усилилось. Так протекла минута. За ней – вторая и третья. «Мне придётся сказать проректору...» – решил на четвёртой Марвенсен.

– Эктор, – начала Верона, поднимая глаза на Гренара, что так и дрожал у камина в лихорадочном ожидании, – ваш брат сейчас жив. Это – главное. Последних четыре года он был занят преступной деятельностью. Скорее всего – контрабандной. Часто бывал в разъездах. В каких – вы уже догадываетесь. Там он однажды попался, больше года провёл в заключении, но месяц назад примерно человек с огромным влиянием снял с него обвинения и взял к себе на работу в качестве приближённого. Работает он ответственно и тот, кто ему его покровительствует, крайне за это признателен. Последние карты свидетельствуют о текущем благополучии и о том, что картина в будущем изменится только к лучшему.

Когда Верона закончила, с минуту длилось молчание, прерванное не Гренаром, а скептической фразой Марвенсена:

– Поразительные подробности. Вот уж точно не думал, что от простого расклада можно узнать так много. Даже при всем желании...

– Дело совсем не в раскладе. Дело в моих способностях. Карты – всего лишь символы, но, благодаря фотографии, они помогают созданию того особого поля, которое и содержит все основные сведения. И если вы мне не верите, то спросите эктора директора. Он подтвердит информацию. Я могу утверждать со всей точностью, что эктор Ардевир заикается, что у него под лопаткой след ножевого ранения, что пьёт он только по пятницам, предпочитает водку, рисует в абстрактном стиле, любит красивую девушку мексиканского происхождения и обладает харизмой такого сильного уровня, что не способен оставить равнодушной любую женщину.

Виргарт, храня свой скепсис, повернулся в сторону Гренара. Тот выглядел изумлённым – застывшим от потрясения, но при взгляде альтернативщика вытаскивал деквиантер, пробормотал: «Всё правильно», – и перешёл на кухню – для разговора с родителями.

– Ладно, это понятно, – произнёс задумчиво Марвенсен. – Мне интересно другое. Не было бы фотографии, чем бы тогда ты воспользовалась?

– Чем-нибудь да воспользовалась бы. Фотография, надо думать, недавнее изобретение.

– Да, – согласился Виргарт, после чего помедлил и спросил уже в новой тональности – интригующей, а не задумчивой: – А ты ведь не в курсе, наверное, что наши медитералы способны летать астрально и что этому тоже учат на уроках мистера Акройда?

– Даже так?! – поразила Верона.

– Представь! – подтвердил шестикурсник. – Астрал – это нечто особенное! Ты оказываешься в пространстве, но только не телом, а мысленно! Ну то есть как раз не мысленно, а тонким физическим телом. То есть энергетическим, а твоё основное тело остаётся лежать на месте, и связь с ним почти прерывается, а ты, находясь в астрале, можешь перемещаться силой мысли куда угодно, но просто надо представить достаточно чётким образом объект или место какое-нибудь. И раньше, до фотографии, нельзя было переместиться к какому-то человеку, которого ты не видела, а теперь такое возможно, и, как говорит наш Акرويد, – даже оккультная сфера находится в полной зависимости от технического развития!

– А как вы сюда попали? Не астральным путём, надо думать?

– Нет! – засмеялся Марвенсен. – Обычным путём – на Ястребе!

– То есть? – спросила Верона.

– Это такая лодка. Управляется мысленным образом.

– А вы мне её покажете?!

– Давай, – согласился Виргарт. – Можем даже слетать куда-нибудь.
– А какой у вас балл по Эйверу?
– Шестьсот девяносто четыре. Не такой, как у вас с проректором, но для полётов достаточный. И я вылетаю завтра, так что если ты будешь писать ему, не затягивай с этим, пожалуйста. Я планирую вылет на восемь. Восемь тридцать – самое крайнее...

* * *

Завершив разговор с родителями, директор отвёл визитёра в блок с гостевыми комнатами, чтобы тот отдохнул с дороги, а затем вернулся к Вероне, что сидела на подоконнике, закурил и допил свой *Courvoisier*. Первые две минуты прошли натянутым образом. Наконец Ардевир не выдержал – напряжения и молчания. «Послушай, – сказал он глухо, – я поступил неправильно, не открыв тебе этой истины... правды об Арвеарте. А теперь уже слишком поздно. Теперь ты не остановишься». Верона сначала встала, забрала со стола колоду и манускрипт с описаниями, засунула всё это в сумочку и повернулась к директору:

– Какой непосредственно правды?

Ардевир затушил окурочек и ответил: «Той, моя милая, что бесправие по-арвеартски – это хуже, гораздо хуже, равноправия по-иртарски», – после чего шагнул к ней и прижал к себе – резким объятием, что длилось не очень долго – за полной несостоятельностью. Верона, вырвавшись с силой, кинулась прочь из комнаты, с одной-единственной мыслью: «Мне нельзя поддаваться жалости, иначе он этим воспользуется и плакал тогда Коаскиерс...»

Добравшись до общежития, она поменяла платье на дежурные клёши со свитером, взяла сигареты из тумбочки, сборник Аполлинера и объёмный *Volume Двенадцатый* и направилась в сад – в беседку, пустовавшую в дни экзаменов. В беседке, усевшись на пол и стараясь не думать о Гренаре, как в целом о той ситуации, что была им самим спровоцирована, она продолжила чтение, возвращаясь к письму проректора.

«...А теперь ты мне написала, и знаешь, что я почувствовал? Что всё теперь переменится. Что всё начинается заново...»

Знаешь, о чём я жалею? Что всё это долгое время – бесконечно долгое время – я не знал, что ты существуешь, и не мог оказаться рядом, и не мог помочь тебе как-нибудь. Ведь ты сама понимаешь – никакие картины в мире, никакие плоские образы, вплоть до «трёхмерных проекций», не заменяют живого общения. Человеческого общения. Физического общения. «Общение» – тоже словечко – так себе, как «плодотворный». Здесь подходит другое слово, но моя голова, Верона, забита одними лишь терминами научного происхождения. Прости мне убогую лексику... (я обещаю исправиться). Не «общение», а сопричастность, желание – страшное, сильное – быть нужным, незаменимым... как с этой твоей коленкой... прости, что я привязался, но мысль о том, что картина (на ту отдалённую пору) оказалась одним-единственным... проще сказать – «объектом», к которому ты обратилась с этой возникшей проблемой, ранит меня очень сильно, как факт твоего одиночества и как факт твоего унижения. Я говорю «унижения», потому что мне страшно представить, что ты, например, испытала после седьмого класса – после всех этих сданных тестов, когда тебе не позволили сразу идти в Академию, а заставили быть с одноклассниками, мотивируя «равноправием». Ты знаешь, что это – кощунство?! Будь моя воля на это, я бы сейчас приехал и сказал бы «эждору министру» – не знаю чего там конкретно – медицины, образования или ещё чего-то, что я бесконечно счастлив, что он оказался болваном, поскольку в противном случае Верона Блэкуотер Авейро никогда бы не обратилась с просьбой о зачислении в арвеартскую Академию. И ещё я хочу, чтоб ты знала – я был бесконечно счастлив услышать твои признания – и по части «борьбы с Экореном», и по части всего остального. Не в силу самодовольства, а в силу того,

что тем самым ты дала мне почувствовать – сразу – что я живу не напрасно. Или это – одно и то же? (Одним словом, договорился...)

Напиши мне прямо сегодня и передай с фотографиями – напиши мне, как вы живете – ты и мама... рэана Авейро. Напиши обо всём подробно. Для меня это крайне важно. И укажи свой адрес. Укажи его обязательно. Когда я говорю «подробно», я имею в виду детали самого разного плана – что ты читала в детстве, в какие играла игры, чем ты себя занимала. Это, как ты понимаешь, не из праздного любопытства, а оттого, что наш случай в принципе уникален. Ты и я... мы с тобой – единственные из живущих медитералов, кто выходит на этот уровень, если судить «по Эйверу». После нас идёт Лиргерт Свардагерн. Он – однокурсник Виргарта. У него – восемьсот тринадцать, и сразу за ним – Томас Девидсон. У него – восемьсот одиннадцать и он – твой ровесник, кстати, а за ним идёт Джош Маклохлан (атретивная медитерация). У него – восемьсот четыре, а потом ещё сто девятнадцать, у которых шестьсот и выше, включая нашего Виргарта, ректора Академии и нескольких преподавателей. А в среднем у всех оставшихся – «четыре сотни с копейками». Мы собираем данные примерно такого рода по всем поступающим школьникам. При желании ознакомишься. И, кроме этих деталей, напиши мне о ярких случаях (вроде того, с коленкой) и не стесняйся, пожалуйста. Ты понимаешь, о чём я? Боль с обидами нас формируют гораздо больше, чем радости.

На этом я закругляюсь. Только ещё добавлю – я полностью сконцентрировался на преподавательской деятельности. После «Квантового излучения...» я ушёл из лаборатории (во время «апрельского кризиса»). Передал последние опыты экдору Тибару Ларвену. Он очень толковый парень – как раз из «ста девятнадцати». Числюсь у них номинально. В Иртаре, по всей вероятности, об этом ещё не знают. У меня до последнего времени были ещё сомнения, что я сделал правильный выбор, но сегодня они отпали. Всему своё время. Правильно?

И, кстати, забыл поздравить! Идея великолепная! Где ты взяла Элона?! И где ты взяла Дривара?! Мы его почитаем. И в театр мы тоже ходим. Наш театр тебе понравится.

До встречи... думаю, скорой. И будь осторожна, пожалуйста. Что-то меня встревожило. Знаешь, такое чувство, что кто-то будет противиться твоему отъезду в Коаскиерс и хорошим это не кончится. Если будет такая возможность, обратись к своему «подсознанию»...

И ещё одна просьба – последняя: не забудь передать фотографии».

Отложив послание в сторону, Верона, с мыслью о Гренаре, прошептала: «Я справлюсь как-нибудь. Вам не стоит так беспокоиться», – и раскрыла свой *Volunte Двенадцатый* на разделе «Корреспонденция»:

«Экдор Эртебран, Вы знаете, я просто не в состоянии передать Вам, что я испытываю...»

Ардевир в это самое время находился в своём кабинете и просматривал видеозапись, на которой Верона с «Кин-Сау» выступала на школьном вечере по поводу «Дня независимости». Мысли его – растекавшиеся, тяжелели с каждым мгновением. В какой-то момент, терзаясь, он поставил запись на паузу, расстегнул на штанах ширинку и разрядил эмоции – те, что скопились за день и терзали его сознание самым мучительным образом. Следом, не успокоившись, он обратился к водке – выпил несколько стопочек, абсолютно ничем не закусывая, закачал на компьютер программу эротического содержания и, разобравшись с инструкциями, заполнил пустую базу фрагментами видеозаписи. Активировав «*Моделирование*», он замер от напряжения. Через пару секунд примерно виртуальный образ Вероны, явившись в виде проекции, нежно сказал: «Приказывайте. Я постараюсь выполнить любые ваши желания». Гренар схватился за рюмочку, опрокинул в себя содержимое и спросил: «Какие желания?!» Образ

расцвёл улыбкой – более чем обольстительной, и томно ответил: «Любые. Вы же знаете, как я люблю вас. Приказывайте, пожалуйста...»

– Сними с себя эту блузку...

«Верона» взялась за пуговички. Гренар, дрожа от волнения, облизал пересохшие губы и прошептал: «Создатели...» Секунду спустя – к его ужасу – эфемерный образ растаял, а дисплей отразил сообщение:

«Экдор Ардевир, сожалеем, но вы не можете пользоваться данного рода программами на компьютерах, зарегистрированных в Министерстве образования. Смените компьютер, пожалуйста. Программа деактивирована».

Гренар какое-то время смотрел в пустое пространство, затем достал сигареты, обнаружил, что пачка пустая, рассмеялся – застывшим смехом, и сказал, не то что трезвея, но уже выходя из транса:

– Поздравьте меня, дорверы! Так я ещё не обламывался!

* * *

Одиннадцатого июня, за десять минут до полуночи, Вирго – голодный, уставший, летевший без остановок и сэкономивший этим часов восемнадцать-двадцать, посадил свою синюю шлюпку перед главным входом в Коаскиерс. Пройдя через холл – центральный, он поспешил к тому сектору, где жили преподаватели, и вскоре, чуть запыхавшийся, предстал пред глазами проректора. Секунду-другую-третью Лээст смотрел на вошедшего, пока тот выполнял приветствие, и, как только Марвенсен выпрямился, спросил:

– Всё прошло успешно?! Ей выдали открепление?!

Виргарт уверил проректора: «Да, экдор Эртебран! Конечно же! – и следом, при виде проекции с эллипсами и окружностями знакомой ему специфики, не смог удержать восклицания: – Ничего себе! Это ж!.. Простите, это вы на себя рассчитываете?!»

Эртебран, обернувшись к схемам, пояснил с очевидным смущением:

– Да, на себя, разумеется. Я её только начал. Ни разу не брался до этого. Уйдёт недели четыре, если брать по всем показателям.

– Если брать по всем показателям, – возразил деликатно Марвенсен, – то уйдёт не четыре недели, а не меньше шести, мне кажется.

Как показало время, Марвенсен не ошибся. Эртебран рассмеялся нервно, пытаясь скрыть напряжение, деактивировал карту и попросил:

– Рассказывай! Обо всем в мельчайших подробностях!

Дорверы устроились в креслах – перед большим камином, с разлитым в стаканы виски, доставленным из Иртарара сувениром от Гиварда Таерда. Марвенсен, отмечая, что Лээст сменил свой облик – сбрил и усы, и бороду, и стал в результате выглядеть гораздо моложе обычного, с тревогой подумал: «Зря он так. С бородой он смотрелся солиднее. Теперь – тридцать пять от силы. Ну тридцать восемь – максимум...» Сам Лээст, словно почувствовав направление мыслей Марвенсена, потёр подбородок пальцами и с улыбкой сказал:

– Я знаю. Выглядит непривычно, но сейчас меня это устраивает.

Лучший иртарский виски был оценён по достоинству. Когда Виргарт – детальным образом – обрисовал путешествие, своё появление в Центре и встречу с экдором Таердом и затем приступил к тем сценам, что касались Вероны, Гренара и отбора бумаг для Коаскиерса, Эртебран, внимательно слушавший, помрачнел и спросил:

– Он влюблён в неё?

– Влюблён, – подтвердил шестикурсник, – и не скрывает этого.

– Она отвечает взаимностью?

– Нет, экдор, я не думаю. Но она к нему что-то испытывает. Что-то по части жалости. Но в хорошем смысле, мне кажется. Она его уважает, ценит его, как учителя, но если бы что-то было, я бы сразу это почувствовал.

– А он?

– А он, если честно, с трудом себя контролирует. Но это неудивительно. Если бы вы её видели...

Лээст, прервав его жестом, встал из кресла, прошёлся по комнате, продолжая всё так же хмуриться, потом произнёс: «Всё ясно», – причём с такой интонацией, что Марвенсен дрогнул внутренне, и продолжил прямым вопросом:

– Она написала мне что-нибудь?

Виргарт раскрыл чемоданчик и достал конверт – канцелярский, обклеенный скотчем для верности и подписанный резким почерком, лишённым какой-либо вычурности: «*Л. Эртебрану, проректору*».

– Вот, экдор Эртебран, пожалуйста...

Лээст кивнул:

– Спасибо. Остальное расскажешь завтра. Сейчас тебе надо выспаться. И загляни на кухню. Шеф-повар тебе оставил сэндвичи в холодильнике.

Марвенсен поклонился и, захватив свою сумку, вышел из «*восемнадцатой*», что числилась за проректором, а сам он вернулся в кресло, извлёк на свет фотографии и стал изучать их по очереди: первую – ту, где Верона ещё в годовалом возрасте и на руках у матери; вторую – где ей четыре и она только-что проснулась – румяная и взлохмаченная; третью – где ей уже восемь и она сидит на крылечке вместе с дворняжкой Бубой; четвёртую – вновь с Режиной, где они вдвоём отмечают, судя по тортнику с цифрой, – веронино десятилетие; пятую – чёрно-белую, где Верона – двенадцатилетняя: рваные джинсы, чёлка и замызганный бинт на запястье; шестую – где ей четырнадцать: та же чёлка, та же ухмылка, но красота её – дивная – проступает со всей отчётливостью; седьмую – где ей пятнадцать и она наконец улыбается, обернувшись на зов фотографа; восьмую – где ей шестнадцать и она достаёт из кастрюли спагетти зубчатой ложечкой; девятую – где она в школе, сидит на причале – лодочном, и смотрит на солнце – закатное; и последнюю – изумительную – где она под дождём, промокнувшая, в коротком шёлковом платье, ловит ртом дождевые капли, высоко запрокинув голову.

Ознакомившись с фотографиями, Лээст какое-то время перебирал их задумчиво, подолгу глядя на каждую и приходя к той мысли, что её красота – невысказанная – превосходит его ожидания, после чего разложил их на кожаной ручке кресла, взял в руки письмо – большое, осознавая с отчётливостью, что Гренар, с его влюблённостью, способен пойти на крайнее, и минуту провёл в размышлениях: «Нет, письмо подождёт, – решил он. – Там происходит что-то. Я физически это чувствую...»

* * *

Верона простилась со зрителями, завершив своё выступление, быстро прошла в гримёрную, закрылась надёжным образом и начала раздеваться, чтобы сменить одежду – джинсы и чёрную кофточку – на пышное бальное платье, сшитое к этому вечеру. Оставшись в белье – открытом – бюстгальтере без бретелек и стрингах, отделанных кружевом, она присела у зеркала, подкрасила губы розовым и уже собралась наряжаться, как именно в ту секунду на неё вдруг повеяло холодом. Следом она ощутила чьё-то рядом с собой присутствие. Застыв в состоянии шока – близком, по сути, к обморочному, она прошептала: «Кто здесь?» – и осознала тут же: «Виргарт уже в Коаскиерсе и он передал фотографии...» Лицо её запылало – запылало просто неистово. Подхватив своё платье – оброненное, и воскликнув: «Эктор, простите меня!» – она начала одеваться, но запуталась в юбках с оборками. Тут в дверь постучали – резко, и послышался голос директора: «Ты там?! Открой мне, пожалуйста!»

– Нет! – закричала Верона.

Гренар повысил голос:

– Открой! Я тебе приказываю!

Стук превратился в грохот. Кое-как разобравшись с платьем, она отворила в ужасе, поскольку крючок – погнувшись – и так уже не выдерживал, метнулась к трюмо в простенке и застыла – лицом к директору. Гренар – отнюдь не трезвый, пивший с прошлого вечера, ворвался вовнутрь помещения, обхватил её грубым образом, заявил: «Ты – моя! Понятно тебе?!» – и рванул ей платье – от выреза, срывая его вместе с лифчиком. Узрев её грудь – обнажившуюся, он обезумел полностью:

– Эртебран тебя не получит! Ты останешься здесь! Мы поженимся!

Верона, не в состоянии как-либо сконцентрироваться, не в силах сопротивляться на суггестическом уровне, защитила себя иначе, выкрикнув:

– Прекратите! Эртебран сейчас здесь! Опомнитесь!

Ардевир отшатнулся в сторону. Присутствие постороннего – на тонком астральном уровне, теперь уже подтверждённое его собственными рецепторами, сразу же отрезвило его. Он задрожал – затрясся, попятился прочь – уничтоженный, наткнулся спиной на ширму, пошатнулся, едва не падая, и прохрипел:

– Поверь мне... у вас ничего не получится... там семёрки... законодательство...

Верона не отреагировала – вербально, во всяком случае. Секунд пять тянулось молчание. Гренар – вспотевший, бледный – попытался сказать: «Прости меня...» – но, видя её выражение – ненависти, отвращения, гнева – теперь прорвавшегося, мотнул головой и зажмурился, готовый принять наказание – любое – какое последует, вплоть до стирания памяти.

– Уйдите, – сказала Верона. – Уйдите, экдор. Всё кончено.

– Я просто хочу уберечь тебя!..

Верона села у зеркала и закрыла лицо ладонями, понимая, что если проректор известит о случившемся Таерда, Гренара ждёт наказание – лишение всех привилегий, условное заключение и, возможно, ссылка в провинцию – на работу в тяжёлых условиях. Так протекла минута. Верона сидела, не двигаясь. Ардевир в два шага подошёл к ней, наклонился, обнял с осторожностью, поцеловал её в голову и, прошептав: «Будь счастлива», – покинул грмёрную комнату. Верона, когда он вышел, отняла от лица ладони и какое-то время смотрела на своё отражение в зеркале, виня себя – не за прошлое, а теперь скорее за будущее, после чего, поднявшись, сняла бюстгальтер – разорванный, стащила платье – испорченное, натянула джинсы и кофточку, вытерла нос салфетками и произнесла:

– Пощадите его. Я просто была обязана сделать ему суггестию, но я ничего не сделала. Я его пожалела. Я сама ему это позволила...

Через час с небольшим по времени, завершив свои сборы – поспешные, она, по внутренней связи, отправила сообщение:

– *«Экдор Ардевир, простите. Вы были моим учителем, самым любимым учителем, и Вы навсегда им останетесь. Мне больно прощаться с Вами, но я смогу с этим справиться. И Вы с этим тоже справитесь. Берегите себя, пожалуйста».*

Эртебран, отследив визуально, как она, с чемоданом и сумками, садится в такси у школы, вернулся обратно в Коаскиерс, точнее – в себя в Коаскиерсе, и разразился ругательством: «Скотина! Проклятый выродок! Опоздай я минут на десять, он бы точно тебя изнасиловал!» Затем, подлив себе виски, он взглянул на её фотографии, на письмо, что было отложено, и добавил в сердцах:

– Смейшься?! «Пожалела делать суггестию»! Делай всем подряд, не раздумывая!

На часах уже было утро.

«Экдор Эртебран, Вы знаете, я просто не в состоянии передать Вам, что я испытываю... Слов для этого мне недостаточно...»

Прочитав эту фразу – открытую, полную детской восторженности, Эртебран вздохнул, успокаиваясь, снял с себя галстук, туфли, устроился поудобнее, глотнул свой иртарский виски – подарок Гиварда Таерда, и углубился в чтение:

«... Вы даже не представляете, насколько я благодарна Вам – и за то, что Вы меня приняли, и за то, что Вы написали мне, и за то, что Вы беспокоитесь... Я, если честно, не верила, что из этой моей затеи – с Дриваром, с Элоном, с чернилами, хоть что-нибудь да получится. (Простите за многоточия. У меня так всегда выходит, когда я пишу кому-то и хочу, чтобы мысль продолжилась).

Виргарт сказал сегодня, когда мы встретились вечером... мы с ним летали на Ястребе... Нет, это я спросила... спросила о Вашем возрасте... (Простите меня, пожалуйста). Он сказал, что Вы очень молоды. Что Вам сорок шесть будет осенью. И ещё он сказал при этом, что Вы – «человек науки, лишённый малейших слабостей».

А портрет Ваш... его, по всей видимости, выкрали Ваши поклонницы (или поклонницы Гразда), так как в «Тысяча лет Коаскиерсу» он почему-то отсутствует. Поэтому я не знаю, каким Вас теперь представить. Раньше Вы мне представлялись примерно таким, как Эйнштейн. (Полагаю, что Вы о нём слышали). А теперь единственный образ, который приходит мне в голову, когда я пытаюсь представить Вас (молодым и «без всяких слабостей») – это образ экдора Смита... иртарского Наблюдателя (хотя мы поначалу думали, что он – психолог из клиники). Но это звучит запутанно. Лучшие я расскажу по-порядку, потому что Вы сами сказали, что хотите узнать досконально, как всё происходило, когда я была ещё маленькой.

Первое, что я помню – как мы с мамой идём по берегу – по песку с голубыми волнами. Она ведёт меня за руку. Моя мама – просто красавица. Изумительная красавица. Хотя впрочем, что я рассказываю? Вы же видите на фотографии... Она и сейчас такая. Она совсем не меняется, словно ей лет двадцать по-прежнему. Ну двадцать пять, не больше. У меня от неё только волосы, хотя у неё завиваются, а глаза у меня – «янтарные». Вы правильно угадали, но они все время меняются – то светлеют, когда я расстроена, то темнеют, когда я рассержена. У мамы в роду таких не было. У мамы все – кареглазые. А что касается папы, то толком я не уверена. Я ни в чём не уверена. Я просто его не знаю. Не потому что «не знаю и даже знать не желаю», а просто так получилось. Странная в целом история. Его звали Генри Блэкуотером и мама с ним встретила в Лондоне. Ей было тогда девятнадцать и она училась в Лос-Анжелесе (это город у нас в Америке). И у них там, в университете, весной проводился конкурс на тему: «Пьесы Шекспира. Анализ позднего творчества». (Это – поэт, английский). И мама взяла и выиграла и, в качестве главного приза, её отправили в Англию с двухнедельным абонементом в театр «Shakespeare's Globe», как раз на конец сезона, с оплатой её проезда и гостиницы рядом с театром. Ради этой поездки в Лондон она занималась летом – взяла себе летний семестр и освободила следующий – с октября по декабрь месяц. И там она с папой и встретила – прямо на первом спектакле. Это был «Гамлет» – трагедия. Они столкнулись на лестнице, когда был антракт между актами. Мама увидела папу и едва не упала в обморок – настолько он был красивым. (Таким же, как Джон, мне кажется. Мама сама считает, что папа и Джон похожи, просто папа был человеком, а Джон – в её восприятии – «явление сверхъестественное»). Хотя я с трудом представляю, как это было в действительности. Она говорит не «обморок». Она говорит: «Мы столкнулись, и когда я его увидела, мне стало настолько плохо – всё в глазах потемнело и я стала куда-то проваливаться...» Представляете эту реакцию?! А папа взял её на руки и унёс её с представления.

Так они и познакомились, таким романтическим образом, и больше не расставались, пока она не уехала. Получилось почти два месяца. Она позвонила родителям и сказала, что остаётся, потому что согласовала со своим университетом, что соберёт материалы по английской литературе для какого-то там проекта. Она так действительно сделала. И потом они так решили, что она вернётся в Америку, а летом приедет снова и они пожениются сразу. (Правда, папе это не нравилось. Это было её решение. А он предлагал ей остаться и сказать всю правду родителям). И поскольку он объяснил ей, что уже не живёт со своими, но ещё не определился по части места и адреса (он там гостил на квартире у какой-то косвенной родственницы, которая в это время навещала кого-то в Шотландии), они открыли на почте обычный почтовый ящик. И мама, когда уехала, начала писать ему сразу же. Написала ему сто писем, а он не ответил ни разу, а потом их вернули обратно, потому что их «не востребовали». Значит – папа пропал куда-то. А мама была в положении. Они с папой предохранялись (он у неё был первым и, если честно, единственным), а потом у них так получилось, что получилось естественно, и тогда она забеременела. И когда эти письма вернули – тоже на «До востребования» (мама тоже ящик открыла), она до того разнервничалась, что случилось кровотечение и всё тогда сразу выяснилось. Её увезли в больницу, и бабушка тоже поехала, а дедушка был на работе. И бабушке выдали сумку, а там была фотография – папина фотография – такая, из аппарата, где сразу же распечатывается. И она нашла фотографию и порвала, и выбросила. (Маме потом рассказали – там санитарка увидела). А дома они порвали все эти мамини письма. А до этого всё прочитали. Я, если честно, не знаю, как она после выжила. Из-за меня, наверное. Дед и бабушка – португальцы, у них с этим очень строго. Никакой любви до замужества, никакой потери невинности. Но это – не оправдание. Мы с ними почти не видимся и ничего не просим, хотя они очень богатые. У них своя винодельня. Когда это всё случилось, мама ушла из дома и месяц снимала комнату, а потом уехала в Гамлет (городок такой в Калифорнии), потому что она – символистка, и там полгода работала, а потом уже я появилась. А папа не появился. А она всё равно его любит. Любит его очень сильно. И я тоже люблю, если честно. Люблю, но скорее – как образ. Самый прекрасный образ... Раньше я часто плакала, когда его представляла. Каждый год уходило что-то... или даже сгорало заживо – где-то в душе, понимаете? все мечты... все мои ожидания – почувствовать себя дочерью, быть рядом с ним, любить его, сидеть на его коленях... гладить ему рубашки, печь для него пирожные, обсуждать с ним романы Брэдбери, смотреть по ночам на созвездия, слышать: «Давай-ка, kiddo...» (перевод не важен, я думаю).

Я до сих пор уверена, что я с ним встречу когда-нибудь. А мама уже не надеется, она полагает – он умер. Он не мог просто так с ней расстаться. Потому-то она и курит. И курит, и плачет всё время, когда мы о нём разговариваем. А как нам не разговаривать? Мне её очень жалко. Быть с человеком два месяца и любить всю жизнь после этого. И себя мне немного жалко. Не жалко, а... понимаете? Мне его не хватало. Действительно не хватало. И чем дальше – тем больше, конечно. Особенно – лет в двенадцать. Я так по нему тосковала, словно я его как-то чувствовала... словно знала его в действительности, простите за тавтологию. Но тогда я уже не плакала. Я просто с ним разговаривала – постоянно, мысленным образом. Делилась с ним всеми идеями, делилась с ним всеми чувствами. Он был необыкновенным. Вы знаете, как я горжусь им? Он мог, например, представляете?! – разыгрывать партии в шахматы, не глядя при этом на доску. Он помнил все комбинации. Он там играл в одном парке с какими-то шахматистами – сразу на несколько досок – называл им ходы по очереди, и они за него ходили, и свои ходы называли, а он там читал свои книги – он занимался физикой – чем-то серьёзным, с квантами, и с ними играл параллельно и никогда не проигрывал. Он помнил всего Шекспира. И многих других поэтов – старинных и современных. И он говорил по-французски, по-немецки, по-итальянски. И стал учить португальский, как только они познакомились. И ещё он играл на рояле. Они однажды гуляли и наткнулись на магазин-

чик с музыкальными инструментами, и папа сыграл ей Шуберта. Там толпа собралась, представляете?! Он играл часа три примерно. Его там не отпускали. И ещё он писал Сонеты. Он посвятил их маме, она их помнит на память, а сами оригиналы – те, что он сам записывал, все были порваны бабушкой. И ещё он при этом использовал одеколон «Минотавр». Я очень люблю этот запах. Он такой – и глубокий, и лёгкий. Мама хранит флакончик – это всё, что у нас имеется... что когда-то являлось папиным. Держит его под подушкой. Запах уже весь выветрился, но для запаха мы с ней купили пару новых флакончиков.

Экдор Эртебран, Вы знаете, я на осенних каникулах сразу же выберусь в Лондон. Я найду его там, обязательно. Просто буду ходить по улицам. Хотя я толком не знаю, как он на деле выглядит. Кроме Джона, мне не с кем сравнивать. Мама плохо его описывает. Говорит: «Он ужасно красивый... такой же, как Джон примерно...» – а потом начинает плакать. Так что всё, что я знаю точно, это – то, что он был высокий – выше её на голову (и, значит, меня, соответственно), синеглазый, светловолосый и что мы с ним очень похожи. (Это она так считает, а я до конца не уверена. Возможно, ей просто кажется). Но если он вдруг увидит меня, он сразу поймёт, наверное... Он должен что-то почувствовать. Знаете, что я думаю? Что как только мама уехала, с папой случилось что-то – какой-то несчастный случай, и он решил после этого, что он ей не нужен больше – с какими-то там проблемами. В жизни так часто случается. (Больше надеяться не на что...)

Ну вот, продолжаю дальше. Мама жила в вагончике (снимала его в аренду) и работала «бейбиситтером» (это значит – сиделкой с младенцами). А потом ей дали пособие – за меня и по безработице. А когда мне был год или около... год и несколько месяцев, она сильно забеспокоилась, потому что случайно выяснила, что я читаю, оказывается, и что мой «лексический минимум» уже далеко не «минимум». И она повезла меня в клинику, чтобы с кем-нибудь проконсультироваться, и там мы и встретили Джона. Он являлся «детским психологом». Стажировался якобы. И потом он приехал в Гамлет, поскольку в самой больнице я не стала с ним разговаривать, и долго со мной «беседовал», и сказал после этого маме, что беспокоиться не о чем, что просто я «очень талантливая» и что он как раз занимается детьми с такими способностями. И потом он стал навещать нас – сначала только по пятницам, а потом уже ежедневно. И он со мной занимался – и языками, и алгеброй, и физикой, и астрономией, и так как у нас постоянно были проблемы с финансами, он привозил продукты, и всякие там игрушки, и книжки, и остальное – телескоп с микроскопом, к примеру, и однажды мама порезалась – поранила себе палец, а я его залечила, и мама перепугалась и позвонила Джону, и он появился сразу и долго с ней разговаривал – рассказал про Иртар с Арвеартом и назвал себя «Наблюдателем», и выпил с мамой «шампанское» из светящейся синей бутылки с какими-то странными символами – не плоскими, а многогранными. Мы до сих пор храним её, используем вместо лампочки. А потом он приехал снова, отвёз нас к иллюзу – порталному (в скалах поблизости с Гамлетом), и показал нам школу, и ЦПМ в Рееварде; мы оставили там заявление, а потом мы там пообедали – в ресторане с большими каминами, и вернулись обратно в Гамлет, и Джон только раз появился и написал в той книге, что мы с ним тогда читали (сборник стихов на французском): «Ma chere gamine nous allons nous réunir à l'avenir...» – «Моя дорогая Мальшика, мы с тобой встретимся в будущем...» А потом я в Иртаре выяснила, что все прочие альтернативщики «вербовались» не Наблюдателями, а другими альтернативщиками. И тогда я при первой возможности спросила у Гиварда Таерда – кто они есть такие, а Таерд сказал: «Сожалею, но темы такого рода у нас тут не обсуждаются». А сегодня я то же самое спросила у Виргарта Марвенсена, когда мы летали в лодке, а он поразился до ужаса и ответил что-то невнятное – мол, дескать, ты ошибаешься и ты не могла быть знакома с каким-нибудь Наблюдателем, поскольку они – не люди (он сказал – «не обычные смертные»), и ещё он назвал их при этом «эртаонами третьего уровня», и закончил такой

идеей, что когда я приеду в Коаскиерс, то Вы мне про них и расскажете, так как Вы – «лицо с полномочиями».

Но я отвлеклась, по-моему. Мама купила домик, когда мне было три года – как раз при помощи Джона. Он выкупил его полностью и оформил на маму сразу, а она с ним потом «расплачивалась» – набирала ему на компьютере какие-то старые тексты – архивные, по психологии. Он предлагал вначале какой-нибудь дом получше, то есть не просто «получше», а едва ли не виллу какую-нибудь, но мама пошла на принцип и выбрала самый плохой. Немногом лучше вагончика. (Даже хуже в какой-то степени). У нас там нет ванной комнаты. Есть просто пристройка к дому – деревянная, неотапливаемая, и в пристройке – душ, умывальник и туалет, простите, который всё время ломается. То есть не то что ломается, но вода у нас там – колодезная и мы её заливаем... там бак над этой пристройкой, и трубы текут всё время, и вода всё время холодная... летом она нагревается, а зимой – просто ужас какой-то. Зимой кипятить приходится и поливаться из ковшика. И ещё у нас есть веранда. Веранду я обожаю. Мы с мамой на ней и завтракаем, и ужинаем, и обедаем; у нас там стол и скамеечки, и летняя кухня рядом – там деревянная печка и стойка с кирпичной поверхностью. И ещё у нас сад – огромный – пять яблонь, три груши, два персика и одно вишнёвое дерево. И топчан под одной из яблонь. Летом мы часто спим на нём. И ещё у нас есть огорожок. Мама сажает овощи, а я занимаюсь травами. И не только разными прянощами. У меня там польнь по видам – семь диких и декоративные. И ещё у нас есть сарайчик – он для всякого старого мусора, который выбросить жалко, и я там всегда играла – у меня там была «больница». Чем я только не занималась! Гоняла там головастиков! И тараканов тоже! И пауков с улитками. Джон это знал, разумеется, а от мамы я всё скрывала (до случая с её пальцем). А как бы я ей сказала? Что я на них так воздействую телепатическим образом? Я бы её напугала. А вот папе бы я рассказала. И он бы тогда посмеялся. Или я ошибаюсь? Я просто не представляю, как бы мы с мамой жили, если б мы жили с папой. Мы, наверное, жили бы в Англии. Когда я была совсем маленькой, я постоянно спрашивала: «Мама, а где мой папа?» – а она говорила: «В Англии», – и у нас повторялся всё время одинаковый диалог:

- А где находится Англия?!
- Англия – за океанами.
- А когда мы к нему поедём?!
- Он сам к нам приедет когда-нибудь.

А потом она начинала заниматься своими делами, а я – по железной лестнице – залезала на крышу сарая и смотрела вдаль, на дорогу. Каждый день залезала в детстве – смотрела и представляла. Представляла, как он появляется. На машине, пешком, на автобусе, на танке, на вертолёте, на ракете, на дирижабле; каждый раз представляла по-разному. Представляла, как он заходит – через маленькую калитку, мимо почтового ящика, а я кричу ему: «Папочка!» – и прыгаю ему на руки! Но приезжал не папа, а Джон Смит, как Вы уже знаете, и всегда на одном и том же – на чёрного цвета джипе, и джип этот, как ни странно, возникал как будто из воздуха. Я каждый раз пропускала момент его появления. И Джон снимал меня с крыши – просто протягивал руки, а я садилась на краешек и спускалась к нему на плечи, и потом мы шли на веранду, и по полдню занимались, и так мы дошли однажды... дошли по предмету «ботаника» до «цветочного опыления», и он тогда рассказал мне, что такое «оплодотворение», но самым щадящим образом, без каких-либо жутких терминов. И меня это всё шокировало! Я, по своей наивности, была абсолютно уверена, что дети могут родиться, если взрослые люди целуются. И тогда я спросила у мамы, так как хотела подробностей: «Откуда берутся дети и что для этого делается?» Мама сперва растерялась, а затем, на какой-то ярмарке, купила большую книжку – детскую энциклопедию: «Как Я появляюсь на свет» – очень информативную и с прекрасными иллюстрациями. И мы с ней договорились, что читаем утром, но ночью я просто не вытерпела, взяла эту книгу

с полки и прочла от корки до корки, и это было ужасно, но я себе сразу представила, что лет через десять примерно тоже смогу забеременеть, и в виде того мужчины, от кого я хочу забеременеть, я сразу представила Джона и мне стало стыдно настолько, что я полночи проплакала, поскольку я испугалась, что он обо всем догадается. Джон был мне больше, чем другом. Его я тоже любила... совсем по другому, чем папу... я страшно его стеснялась, но меня к нему страшно тянуло, и мне казалось всё время, что он видит во мне кого-то – кем я пока не являюсь, но возможно стану когда-нибудь – через много лет, когда вырасту... и после этих картинок всё это обозначилось... и это было ужасно... Вы просто не представляете... А утром мы с мамой позавтракали, и сели в саду под вишней, и стали листать эту книжку, и мне пришлось притворяться, что я вижу всё это впервые, а ещё у нас есть там соседи и они за нами шпионят, и они позвонили в полицию и сказали сержанту Маггуайеру – нашему «стражу порядка», что «мама меня заставляет рассматривать порнографию». Маггуайер приехал тут же и учинил разборку, но мама его обсмеяла и он укатил обратно (он к маме неравнодушен), а мама потом порезалась и позвонила Джону, как я уже рассказывала, и он через час появился, а я закрылась в сарайчике и три часа там сидела, а потом я себя убедила, что дети – это естественно, и хотеть от кого-то ребёнка тоже должно быть естественно, и что мама тоже хотела родить ребёнка от папы, а иначе меня бы и не было, и когда я об этом подумала, я пошла наконец на веранду, и мама ушла на кухню готовить что-то на ужин, а Джон показал мне книгу – сборник стихов на французском, и стал мне читать эту книгу, хоть я и не понимала, и как-то так получилось, что мы просто в один из моментов стали смотреть друг на друга, и он мне сказал: «Малышка, в этом мире всё неслучайно... твои мысли... твои желания...» – и мне тогда стало понятно, что скрывать от него хоть что-то бесполезно и просто бессмысленно. А потом мы быстро поели, и я ушла в свою комнату, и тогда я впервые решила, что должна обратиться к папе и спросить у него совета – нормально ли то, что я чувствую. Так просто, на всякий случай, – написать ему письменным образом. И я два часа писала и потом кое-как уснула, а утром – Иртар и школа, и всё завертелось быстро, и, как я уже говорила, Джон только раз появился и впервые за все это время не просто взял меня на руки, но поцеловал три раза – просто в глаза и в щёки, а я разревелась страшно и ещё полгода ревела – так хотела его увидеть, и выучила французский... и лет пять его рисовала, пока не изрисовалась...

Иртар мне совсем не понравился. Однажды я даже сбежала – угнала лодку из бухты... Собралась в Арвеарт, одним словом. Меня нашли через сутки – энкатерах в двухстах от берега. В общем – позор несмываемый!

Я даже не представляю, как мама живёт там в Гамлете. Там страшное захолустье. Она просто читает всё время. Раньше у нас был Буба – эта наша собачка, он есть там на фотографии, а потом он попал под машину и спасти его было поздно. Эктор Эртебран, Вы знаете, я ей говорила раньше, тысячу раз примерно: «Мама, найди кого-нибудь! Ты – красивая, молодая! Роди хотя бы ребёнка! Я хочу сестру или брата!» – а она брала сигареты и шла курить на веранду. А потом, когда я уже выросла, эта тема была оставлена. Я всё время пытаюсь представить – будь у меня то же самое, я смогла бы всё это выдержать? Смогла бы любить всю жизнь? Любить, потеряв надежду? Обвинять себя постоянно? Любить, не имея ни писем, ни вещей, ни одной фотографии... Не знаю. Наверно, смогла бы. Просто мне не с чем сравнивать. Я ещё никогда не влюблялась... я имею в виду – серьёзно. Единственный, кто мне нравился, пока я училась в школе, был наш директор Гренар, да и то полгода всего лишь. Ему тридцать пять в школе и он такой же, как Виргарт – высокий и синеглазый, только ещё интереснее – в силу возраста, вероятно. Для него это – просто трагедия – то, что я от него уезжаю. Если бы Вы не ответили, и я бы осталась в Иртаре, я думаю, между нами могло бы что-то начаться. То есть он бы меня добивался, а здесь он, пожалуй, единственный, кто чем-то и как-то мне нравится, помимо эктора Таерда. Хотя, впрочем, я не уверена. Я бы всё

равно не осталась здесь. Я бы просто связалась однажды с местными контрабандистами, и они бы меня доставили до арвеартского берега...

Вы спрашивали об игрушках? У меня есть медведь – громадный! Он выше меня, представляете?! Я его выиграла в парке – мы туда с мамой ходили, и я угадала цифры в каком-то аттракционе. Я назвала его «Арни», в честь одного актёра по имени Арнольд Шварценеггер. И ещё я стреляла всё время – из маленьких пистолетов, но пульки всё время терялись. Их, по-моему, Буба проглатывал. Ещё мы с мамой играли – или в лото, или в карты. И до сих пор играем – каждый день, когда я приезжаю. А в кукол я не играла. Я их страшно боялась. Мне казалось – они живые. Зато я любила конструкторы. Мне Джон их дарил постоянно. Но больше всего на свете я любила играть в «Пожарника». Я поджигала что-нибудь, а потом «приезжала» в «машине», сделанной из коробки, и тушила пожар из шланга. Одним словом, я пироманка. А ещё к нам ходил Маггуайер, как я уже говорила. Он пытался за мамой ухаживать (и до сих пор пытается – цветы ей дарит всё время или конфеты какие-нибудь). И он подарил ей однажды, на один из каких-то праздников, очень красивый блокнотик – в нём все листы были разные, сделанные вручную. И поскольку этот Маггуайер маме совсем не нравился, блокнотом она не пользовалась, и я его как-то присвоила. И тогда я стала придумывать коротенькие истории – по одной на каждый листочек. А когда страницы закончились, мама купила мне папку, и мы эту папку назвали «Volume Первый» – «Том Первый» по-нашему – для всех моих мыслей, рисунков и для каких-нибудь записей. Сейчас я уже заполняю «Двенадцатый Том», представляете?! В каждом томе страниц по триста! Остальные хранятся дома. Скоро начну «Тринадцатый». А читала я всё что угодно, начиная от детективов и кончая «Энциклопедиями». Когда я читаю книги, я делаю к ним иллюстрации. А Элона я отыскала в библиотечном запаснике. Я готовилась к выступлению по ядам из молочая и в одном старинном издании обнаружила пару ссылок, и они меня зацепили. В каталогах его не было и Гренар мне дал разрешение на работу в этом запаснике.

Виргарт сказал – в Арвеарте нет ни кофе, ни чая, ни мяса, одна только рыба да овощи. То есть чай и кофе имеются, но при этом – всё контрабандное, и цена у всего – соответствующая! А это, конечно, ужасно, потому что я – кофеманка. Мы с мамой – две кофеманки. Мою маму зовут Режина. И, кстати, последние новости – из школы её уволили. Она поругалась с директором – обвинила его в невежестве. (Он на публичной лекции перепутал у стран названия).

Ну вот, основное Вы знаете. И ещё я кладу распечатку своей «иртарской поэзии». Я писала всегда на английском, а теперь начала на нашем... то есть – на арвеартском. Уже класса с седьмого, мне кажется. Стихи, конечно, ужасные! (Дривар бы меня убил бы). Но они хорошо отражают все мои «переживания»... У нас Выпускной 11-го. Всего ничего осталось. Я там пою на концерте. Выступаю с сольной программой. А Виргарт сказал, что занятия начинаются с первого августа, и надо быть в городе Дублине, в пабе The Nook at O'Connell, в июле, двадцать восьмого, в шесть утра по местному времени. Это – верная информация? И то, что багаж по прибытию надо будет сдавать кому-то, что всегда бывает встречающих... кто-то из Наблюдателей. И то, что The Nook at O'Connell на самом деле находится на Abbey Street Lower, поблизости с этой O'Connell. (Мне до сих пор не верится, что я буду учиться в Коаскиерсе...)

До встречи,
Ваша Верона.
Вот мой домашний адрес...»

Адрес был дан на английском. На этом письмо заканчивалось. Лээст, раз пять прерывавшийся – чтобы подлить себе виски, глубоко и надолго задумался над образом «Джона Смита» –

«иртарского Наблюдателя»: «Нет, это не третий уровень. И он заменил, по сути, настоящего Наблюдателя, в соответствии с обстоятельствами, причём – с той долей влияния, что не имеет аналогов. И эта картина в школе... Это был он, разумеется. Он оставался рядом и примерно в той же позиции – наблюдение и влияние. И это с его подачи она увлеклась биохимией. Он готовил её к Коаскиерсу. И теперь они снова встретятся. В этом нет никакого сомнения. Вопрос – для чего ему это всё?..»

II

Пройдя сквозь портал с вещами, Верона спрятала в скалах чемодан и коробки с книгами и вскоре уже вернулась за своим багажом на «фордику» – старом помятом пикапе с проржавевшим открытым кузовом. Режина, не ожидавшая, что дочь появится в Гамлете на сутки раньше обещанного, тем более – рано утром, с учётом сдвига во времени, поспешно взялась готовить – мариновать баранину, а Верона выпила кофе и, кое-как успокоившись, наконец рассказала о Гренаре – в очень смягчённой форме и даже без упоминания чьего-либо там вмешательства. Затем, пройдя в свою комнату, она занялась вещами – разложила одежду по полочкам, расставила книги, косметику и разного рода мелочи, и перешла на веранду, захватив с собой *Volume Двенадцатый*. Раздел «Мой Дневник» пополнился довольно сумбурной записью:

«Ну вот – с Иртаром покончено, и с Ардевиrom, в частности. Что он теперь? Уволится? Уедет куда-то в провинцию? Обидно, что так нелепо... Но на деле это – не главное. Главное было в следующем: „Я просто хочу уберечь тебя. Семёрки, законодательство. У вас ничего не получится...“ Это уже хоть что-то, хоть какая-то информация. Есть от чего отталкиваться. „Семёрки“ – возможно – полиция, с определёнными функциями по части контроля за нравственностью. Скоро я всё это выясню. А Джон? Что мне делать с Джоном? Где он? Когда он появится? Он знает, что происходит? Что я поступила в Коаскиерс? Что я общаюсь с проректором? Что труба в туалете капает? Как капала, так и капает... Сюрреализм какой-то, все эти консервные баночки под вечно текущими трубами. Хорошо хоть жарко на улице и вода за час нагревается...»

Так начались каникулы. Время тянулось медленно. Двенадцатое июня, тринадцатое, четырнадцатое... Верона пыталась занять себя – то чтением, то рисованием, то огородом с зеленью, то разговорами с матерью – в основном о явлении Марвенсена и, несколько косвенным образом, о письме эйдора проректора. Пятнадцатого июня почтовая служба доставила плотный конверт из Лос-Анджелеса, содержащий в меньшем конверте большое письмо от Гренара, которое, не читая, Верона сунула в печку, со словами: «Растопка на будущее». Шестнадцатого июня она наконец не выдержала и сообщила матери о картах из тайной секции и о раскладе на Рейверта. Режина ушла в свою комнату и вернулась с пустым флакончиком.

Карты были разложены – под тускло светившей лампочкой, на веранде, в начале одиннадцатого. Над садом сияли звёзды. Режина ходила, нервничая, взад-вперёд, мимо длинной лавочки, а Верона – сосредоточенная – пыталась считать информацию, но, несмотря на усилия, в голове её не высвечивалось, как было в случае с Рейвертом, ни ярких картин, ни образов – ничего, что касалось Генри; ничего, что касалось Лондона; ничего, что касалось Англии.

– Бесплезно... – с таким комментарием она собрала колоду и добавила: – То же самое, как с поиском через «Гугл». Физик Генри Блэкуотер почему-то не обнаруживается.

Режина остановилась – с достаточно резким высказыванием:

– Конечно не обнаруживается! Где бы он обнаружился?! Разве что где-то на кладбище!

Верона тоже вспылила:

– Мама, оставь, пожалуйста! Возможно, карты не действуют вне своего измерения! Здесь у нас всё другое! Магнитные колебания, электромагнитные волны! Радиоизлучение! Информация не улавливается!

– Проверь на другом на ком-нибудь!

– На ком?!

– На Виргарте Марвенсене!

– Хорошо! – согласилась Верона. – Я, конечно, могу попробовать, но что мне тогда использовать?! Получить его фото с автографом возможности не представилось!

– Тогда проверь на Джоне! От него здесь вещей предостаточно!

– А вдруг он сейчас в Иртаре?!

– Попытка не пытка, знаешь ли!

Верона сбегала в комнату и вернулась обратно с книгой – аполлинеровским сборником, в котором хранилось главное – письмо от эйдора проректора и обрывки его фотографии. И конверт, и обрывки портрета были отложены в сторону – к манускрипту с детальными схемами. Проследив за этими действиями, Режина предположила: «Это, видимо, что-то ценное? Равноценное по значению?»

– Да, – кивнула Верона. – Это письмо от проректора и то, во что Гренар в мае превратил его фотографию. Он вырвал её из книги. Она там была напечатана, в одном арвеартском издании.

– Можно? – спросила Режина и, получив разрешение, склонилась к столу – над бумажками.

У лампы роились мошки, дым поднимался над пепельницей. Верона, присев на лавку, взялась тасовать колоду, а Режина какое-то время изучала обрывки – измятые, поднося их к свету по очереди, и в какой-то момент прошептала:

– Он – синеглазый, правильно? А ресницы и брови – тёмные. Ты говорила, по-моему, что он и папа – ровесники?

– Ему сорок шесть будет осенью.

– Он холост?

– Пишет, что холост. Что целиком и полностью посвятил себя Академии.

– Оставь мне его фотографию. Я попробую сделать что-нибудь. Попробую склеить как-нибудь.

Возникла лёгкая пауза, со стороны Вероны полная недоумения, а со стороны Режины – очередным прикуриванием, философским по содержанию. После второй затяжки она спросила с иронией:

– А что тебя удивляет? Я могу хоть раз наконец-таки проявить хоть в чём-то участие?

– Конечно, ты можешь, мама, но в обмен на одно обещание. Когда ты ко мне приедешь и он пригласит нас куда-нибудь, то ты не будешь отказываться, как бывало в случаях с Гренаром.

– Постараюсь, – сказала Режина и, забрав со стола «*Минотавр*» и обрывки портрета проректора, направилась в свою комнату, а Верона, подумав: «Странно... Странно и неожиданно...» – приступила к раскладу – недолгому и, как ей тогда казалось, скорее всего – напрасному.

Сам Эртебран в это время раз на десятый просматривал подшивку тех документов, что были доставлены Марвенсенем – с контрольными, с разными тестами, с проверочными работами, в том числе – экзаменационными, и в который раз констатировал, что Верона не преувеличивала, говоря, что по уровню знаний давно превзошла первокурсников. «Умница, – думал Лээст. – Здесь не только способности. Здесь ещё трудолюбие. Здесь ещё столько старания...»

Режина прошла в свою спальню – небольшую, скудно обставленную, приблизилась к койке, села и опять принялась рассматривать изничтоженную фотографию, глядя обрывки пальцами и видя в них Генри Блэкуотера – видя в них своё прошлое, но в какой-то момент прошептала: «Господи, что я делаю?! Это же просто безумие!» – и оставила их на тумбочке, вместе с пустым флакончиком.

* * *

Разложив на столе колоду, Верона внезапно почувствовала пробежавшую дрожь по коже и лёгкое оцепенение – как было в случае с Рейвертом. Следом в её сознании возникла не информация, а фраза извне – одиночная: «*Малышка, прости, пожалуйста, но меня не вполне устраивает, что ты намерена пользоваться этим подарком Таерда*».

- Джон? – прошептала Верона.
- *Да вроде бы больше некому.*
- Джон?! Это – вы?!
- *А кто же?*

Верона – дрожа, бледнея – обернулась – в надежде увидеть его, но никого не увидела – ни на самой веранде, ни на тропинке – узкой, освещённой гирляндой фонариков. Перед её глазами – вместо ночного сада и неба с далёкими звёздами, предстал вдруг маяк с картины – на белой скале, над волнами, под грозowymi всплесками. В голове её промелькнуло: *«Это несложная травма. Сядь на пол и сконцентрируйся...»* – тот эпизод – давнишний, положивший начало общению, мало чем объяснимому, но для неё приобретшему статус огромной значимости.

- «Бресвиарский маяк»!.. О боже!.. Это вы со мной разговаривали?!.
- *Да, – подтвердил он. – Конечно же.*

Верона схватилась за голову:

- *Какая я дура, господи! Как же я не догадывалась?!*
- *Только по той причине, что сам я был против этого.*
- Почему? – прошептала Верона.
- *Я объясню когда-нибудь.*
- А сейчас вы уже не против?

– *Сейчас я против единственного. Не гадай на отца, пожалуйста. Этим ты мало что выяснишь.*

- А как я могу иначе?!
- *Сперва доберись до Дублина, а дальше уже подумаем.*

С минуту тянулось молчание. Наконец Верона спросила – теперь уже не бледнея, а, напротив, краснея – пятнами:

- Значит, мы с вами встретимся?
- *Ты должна быть в этом уверена.*
- Сейчас я ни в чём не уверена!
- *Малышка, не злись, пожалуйста.*
- Вы знаете всё, что я думаю?!

– *И вдобавок всё, что ты чувствуешь. Но я ни во что не вмешиваюсь. Почти ни во что не вмешиваюсь...*

- И к чему меня это обязывает?!
- *К тому, чтобы ты не думала, что я тебя игнорирую.*
- Вы явно проигнорировали мои отношения с Гренаром!
- *А вот в этом ты ошибаешься. Я просто даю тебе право действовать самостоятельно*

и самой принимать решения.

Румянец её сгустился:

- Значит, вы не допустили бы?..
- *Не допустил бы, естественно, и не допуциу на будущее.*
- И какие мне делать выводы?

Ответом было молчание. Верона, ещё дрожавшая – от нервного напряжения, взяла со стола сигареты и, как Режина до этого, стала ходить вдоль лавочки, пытаясь унять волнение. «Он не допустит на будущее... „Право самостоятельности...“ – это всё до поры, до времени... „Только по той причине, что сам я был против этого...“ Он же меня контролирует... мои мысли, мои эмоции... Это только слова, разумеется, что он ни во что не вмешивается. Всё, что я делала в школе, было с его согласия...»

Режина за это время заварила кофе в кофейнике и, перелив его в чашки, вернулась обратно к дочери, в душе абсолютно уверенная, что Джон уже проявил себя. Услышав самое главное – в отношении Генри и Дублина, она тяжело вздохнула:

– Джон, мне кажется, знает, что там случилось в Лондоне. Я ведь тебе не рассказывала, что в тот день, когда он сообщил нам, что является Наблюдателем, я напрямую спросила, не мог бы он как-нибудь выяснить, жив ли Генри и где он находится, а Джон ответил: «Не думаю. Наша этика запрещает нам заниматься людскими судьбами».

– Да, – согласилась Верона. – Он знает, с его способностями. Если он постоянно находится внутри моего сознания, он может таким же образом войти в сознание каждого.

Режина глотнула кофе и отставила чашку в сторону:

– Когда ты училась в школе, он появлялся по-прежнему. Привозил продукты и прочее, но просил, чтобы я не рассказывала...

Долгий день на этом закончился. Верона ушла в свою комнату и взялась за *Volume Двадцатый*:

«Всё это очень запутанно. Я говорю о Джоне. Он подтвердил, что мы встретимся. И это был он, оказывается... тот, кто был моим „подсознанием“. И что я сейчас испытываю? Мне страшно теперь встречаться с ним. Страшно по той причине, что я понимаю главное – он мною манипулирует. Кто он? Чего он хочет? Он – „эртаон“, получается, согласно мистеру Марвенсену. А кто они, эртаоны? „Сверхсущества“ из будущего? Нет. Скорее всего гуманоиды. Так и выходит логически, с этим другим измерением, с порталами, с телепатией... Но в Иртаре о них умалчивают. Гордятся своей „независимостью“... Хотя все они в курсе, естественно. Все их медитералы, начиная с экдора Таерда...»

Режина, в своём ноутбуке, тоже оставила запись – чуть более содержательную:

«У Вероны есть карты с картинками, называются «саматургические». А на картинках – созвездия и разного рода символы – какие-то змеи, ящерицы и морские звёзды с улитками. Эти карты можно раскладывать и получать информацию на экстрасенсорном уровне. В Иртаре она таким образом узнала о брате Гренара, который считался умершим. На деле он жив, оказывается. Но с Генри не получилось. Зато получилось с Джоном. Он наконец сообщил ей, что он с ней не расставался и общался телепатически, через картину в школе. «Бресвиарский Маяк»... (её копия). Верону это расстроило. Она теперь полагает, что Джон её контролирует. И ещё он сказал ей сразу, что его не вполне устраивает, что она «собирается пользоваться этим подарком Таерда». Он ей сказал дословно: «Сейчас я против единственного. Не гадай на отца, пожалуйста. Этим ты мало что выяснишь. Сперва доберись до Дублина...»

«Дублин... – Режина задумалась. – Дублин... А что?.. А если... Гамлет себя оправдывал исключительно в том отношении, что иртарский портал был рядом и Верона могла попадать сюда, когда ей заблагорассудится, а теперь, раз портал – в Ирландии, как часто мы будем видеться? Два раза в год, на каникулах? Но этого недостаточно. И что меня здесь удерживает? Дороти Робинс с Маггуайером? Жертвовать нечем, в сущности. Дом продадим за месяц. Та же Робинс его и выкупит. Как часто она предлагала? Уже раз триста, наверное. Сто тысяч меня устраивают. Месяц на оформление, затем мы летим в Ирландию и там покупаем что-нибудь... такой же маленький домик где-нибудь в дублинском пригороде...»

* * *

Идея покинуть Гамлет и перебраться в Ирландию, высказанная Режиной непосредственно перед завтраком, вызвала у Вероны секундное замешательство и реакцию бурной радости. Обсуждение длилось долго – с обращением к сайтам с недвижимостью, составлением списка с «объектами» и даже письмам к риелторам, после чего Режина собралась с предложением к Дороти, а Верона, с романом Кристи, отправилась в сад, под яблоню, на уютный топчан

с подушечками. За калиткой, на полдороги, Режина была остановлена – звонком – от Джона, как выяснилось.

– Дом продавать не надо, – сказал он без предисловия. – Пусть стоит как стоял до этого, со всеми вещами и книгами. Сохранность я обеспечу. И оплату счетов и прочего. А теперь послушай внимательно. Я только что перечислил на твой счёт в «Калифорния Фёдерал» несколько тысяч долларов на два билета до Дублина и на оплату гостиницы. Когда вы туда приедете, выбирайте, что пожелаете. Или коттедж на море, или квартиру в городе. Стоимость несущественна. И вещей берите по минимуму...

– Нет! – возразила Режина.

– Да, – сказал Джон. – Не спорь со мной. Ведь ты же против суггестии? А твоя дочь тем более. И передай ей, пожалуйста, что до конца июля на портал заходить бессмысленно. Проход всё равно не откроется.

– А вы с ней встретитесь в Дублине?

Джон произнёс: «Конечно!» – и разговор закончился. Спустя пять минут примерно, проверив свой счёт на компьютере, Режина едва не ахнула – капиталы её увеличились с суммы в тысячу долларов до суммы в сто тысяч долларов. Ещё через три минуты Верона, узнав об этом, равно как об оставшемся – о пожеланиях Джона в отношении домика в Гамлете и покупки дома в Ирландии, отставила книгу в сторону:

– Какой он сейчас? Изменился?

Режина присела рядом:

– Нет, внешне он всё такой же. Чуть похудел, мне кажется, и теперь у него косички. Собирает их в хвост до пояса.

Верона шмыгнула носом. Глаза её покраснели:

– Я не хочу встречаться с ним!

Режина взяла её за руку:

– Не сердись на него, пожалуйста. Он любит тебя, я знаю. И вместе вы будете счастливы...

* * *

Письмо от эктора проректора прибыло девятнадцатого – наружный конверт от FedEx, содержащий внутри послание в синем конверте с тиснением – с серебристыми инициалами. Верона, укрывшись в комнате, ознакомилась с содержанием – опять исключительно личном и написанном в прежней тональности:

«Здравствуй, моя драгоценная! (Обращение устоявшееся).

Я крайне тебе признателен – и за всё, что ты рассказала мне, и за твои фотографии. Прости, что я напугал тебя этим своим «появлением», когда ты была в гримёрной и уже готовилась к вечеру, но в целом я не жалею о принятом мною решении. И ты не жалеешь, я думаю. Остальное не обсуждается. Оставим всё это в прошлом – всю эту ситуацию. И Марвенсен, кстати, сказал мне о подарке эктора Таерда. Я рад за ардора Рейверта и за его родителей, но будет намного лучше, если эти карты с инструкциями перейдут теперь в моё пользование. Так мне будет намного спокойнее. Отправь мне их завтра, пожалуйста, с ответным письмом и – желательно – с новыми фотографиями – вашего дома в Гамлете, если такие имеются. Я хочу увидеть веранду, ваш сад, твою детскую комнату, сарай и вид на дорогу... Можно, я процитирую? «Каждый день залезала в детстве – смотрела и представляла. Представляла, как он появляется. На машине, пешком, на автобусе...» Знаешь, я тоже представил. Он пришёл бы пешком, я думаю. Прошёл бы через калитку, снял бы тебя с той крыши и больше не отпускал бы. Надеюсь, ты не расстроилась? Это настолько личное... то, что случилось

в Лондоне между твоими родителями, и то, что случилось впоследствии, что я очень боюсь огорчить тебя каким-то напрасным высказыванием...

Хотя всё-таки я скажу тебе. Ты родилась – это главное. Это действительно главное. Как и то, что любовь твоей матери... её чувства остались прежними... то, что она ему предана... эктору Генри Блэкуотеру. И это – её заслуга – твоё к нему отношение. Ты выросла, любя его. И я вижу, какой ты выросла. И знаешь, что я добавлю? Что всё, чем я жил эти годы... последние десятилетия – эта сложная квантомеханика процессов мыслительной деятельности, теряет своё значение, поскольку теперь моя жизнь наполнилась новыми смыслами, гораздо более важными... Но об этом не стоит, наверное. Об этом ещё успеется.

Давай-ка я расскажу тебе о наших преподавателях... о тех, с кем я лично связан дружескими отношениями. Так – в двух словах, не большие, для общего представления. Джошуа Брен Маклохлан – тридцатилетний дублинец. Наш «самый великий скептик». На деле – раним, чувствителен и компенсирует скепсисом недостаток самоуверенности. Прекрасный скрипач, фотограф, увлекался бальными танцами, читает журнал «Философия», играет в футбол с семикурсниками. В целом хороший парень. Должен тебе понравиться. Дальше – Грегори Акройд. Он происходит из Англии. Ему тридцать шесть в июле. Умный, крайне ответственный, надёжный в любом отношении. При этом – «душа компании». Сангвиник по темпераменту. В силу своей специальности окружён ореолом загадочности. Он – саматург, одним словом. Ещё у нас есть два химика, тоже альтернативщики: Саймон Хогарт и Джеймс Джонсон. Хогарт у нас шотландец, ему пятьдесят без малого, а Джонсон, как Акройд, из Англии, и ему тридцать три будет осенью. Хогарт тоже сангвиник, но он не эстет, как Грегори, и не такой загадочный. Обожают экспериментировать (в плане химических опытов с опасными реактивами), всегда говорит, что думает и студенты его побаиваются, но на деле он очень добрый – жизнерадостный и приветливый. Мы, шутя, зовём его Colonel – «Полковник», с подачи Акройда. Что до профессора Джонсона, то он – меланхолик по духу и немного педант по характеру, но при этом сентиментален. Любопытное сочетание. И к тому же он – аналитик, если сравнивать с Саймоном Хогартом. Саймон – практик, а Джеймс – теоретик. Он любитель классической музыки и различной древней поэзии. И пятый мой друг – арвеартец, но о нём я пока умалчиваю. Я хочу, чтобы ты составила своё собственное представление. И вот ещё что, Верона. Я должен сказать заранее. Нормы нашего общества достаточно пуританские, из чего, разумеется, следует, что все арвеартские девушки одеваются скромным образом и ведут себя соответственно – в плане манер и так далее. На тебя, как на альтернативщицу, это не распространяется, но я бы хотел тем не менее, чтобы ты приняла это к сведению. Ну вот, на этом заканчиваю. Только ещё добавлю – твои стихи мне понравились. (И Дривару бы тоже понравились, несмотря на твои опасения). Я проглотил их залпом, а теперь начинаю читать их... усваивать информацию... один или два за вечер. Сегодня дошёл до третьего:

Дни низжуются чёрными бусинами
пустых и холодных рассветов.
В глазах моих – чёрных раковинах —
застыло ушедшее лето.
И белым пальцам – негнуцимся —
уже не коснуться неба;
И больше не будет ни музыки,
ни зрелищ глазам, ни хлеба.
Лишь жажда, что утолялась
водою морскою – пенной
Становится глубже – горше —

*горлом исходит тленным.
И жизнь в часах песочных —
скорее не жизнь, а мера.
И где-то лежит забытый
сборник Аполлинера...
И память – песчинок горстка,
что ветер вот-вот развеет...
И только лишь губы помнят:
«Радость – après la peine...»*

Это – прекрасно, поверь мне. Если судить по дате, тебе тогда было четырнадцать? Я тоже писал когда-то, когда ещё был романтиком. А сейчас я – старый прагматик. Поехать что ли к родителям? Они тут живут поблизости. На машине – минут пятнадцать. Как-то мне стало тоскливо – от того, что до двадцать восьмого (июля, а не июня) – полтора бесконечных месяца...»

* * *

Ответ пришёл от Вероны вечером двадцать пятого. Эртебран, получив его вкупе с прочей корреспонденцией, сперва обратился к письмам научного содержания, но спустя минуту не выдержал, вскрыл плотный пакет из Гамлета и извлёк на свой стол в «*проректорском*» востребованную колоду, рукописи со схемами, снимки – по виду – новые, и пару листов бумаги, исписанных мелким почерком. Карты, вкупе с инструкциями, были спрятаны в сейф с документами, после чего проректор стал изучать фотографии. На первой была дорога – земляная, в пыли – коричневой, пролегавшая между пустошью – холмистой, с низким кустарником, за которой виднелись скалы и полоска воды – далёкая. Вторая из них являла низкий забор из жёрдочек, ромашки – буйно цветущие, калитку – чуть приоткрытую, и почтовый ящик на столбике. На третьей была дорожка, идущая между клумбами – кирпичными прямоугольничками с аккуратно растущей зеленью. На четвертой – сарай за клумбами – глинобитного вида строение, когда-то оштукатуренное, но теперь совсем обветшавшее. На пятой – домишко – оранжевый, с крылечком из двух ступенек, с дверью из тёмного дерева и распахнутыми оконцами. Шестая из фотографий отражала веранду – уютную, заросшую виноградом, и стол на шесть мест – широкий, с выдавшей виды столешницей. На седьмой были грядки с растениями – перцем и помидорами, на восьмой – деревья – фруктовые, между дико растущими травами, на девятой – комната – крохотная, еле в себя вмещавшая письменный стол с компьютером, кровать вдоль стены – под полками, шифоньер и трюмо – очень узкое – в виде полоски зеркала с полочкой для косметики. Последняя фотография представила взору проректора Режину на летней кухне – в шортах, в открытой маечке, – занятую готовкой и, видимо, не представляющую, для чего её фотографируют. Именно этому снимку он уделил по времени основное своё внимание. Затем он вложил этот снимок в карман сюртука – не внешний, а прошитый в подкладке – внутренний, и приступил к посланию:

«Экдор Эртебран,

Вы знаете, я начну сейчас с самого главного – мы уезжаем из Гамлета. Мы с мамой пришли к заключению, что раз Арвеарт находится так далеко от Америки, то нам не имеет смысла оставаться жить в Калифорнии. И Джон поддержал нас в этом. А теперь обо всём по очереди. Сперва я должна признаться – я кое в чём обманула Вас. Простите меня, пожалуйста. Речь идёт о Вашем портрете из «Тысяча Лет Коаскиерсу». Я знаю, куда он делся. Экдор Ардевир порвал его и обрывки выбросил в мусорку, а я их оттуда вытащила. Но сло-

жить их не получилось. Мне не хватило терпения. А мама, когда их увидела, то забрала «для склеивания» и ещё при этом сказала: «Должна же я хоть когда-нибудь проявить хоть в чём-то участие». Но это сейчас неважно. В общем, случилось следующее. Я вернулась в Гамлет двенадцатого. С тринадцатого по пятнадцатое я ничего не делала, ничего такого существенного, а шестнадцатого июня я наконец не вытерпела и рассказала маме о картах экдора Таерда и о раскладе на Рейверта. Мама ушла в свою комнату и вернулась оттуда с флакончиком. И я разложила на папу, но совсем ничего не почувствовала. Мама страшно расстроилась, а я объяснила следующим – что мы – в другом измерении, и поэтому карты не действуют. Тогда она предложила проверить на Виргарте Марвенсене. Но я отказалась на Марвенсене, и мама тогда сказала: «Проверь на Джонне, пожалуйста. От него тут вещей предостаточно». И я принесла свою книгу... ту самую – с его надписью, а в ней у меня хранилось Ваше письмо с фотографией, то есть с её обрывками. И я их оттуда вытащила, а мама спросила: «Что это?» И я тогда объяснила, и она начала их рассматривать и при этом чуть не заплакала, а затем попросила отдать их ей. И я понимаю, конечно, эту её реакцию. Помните, я говорила Вам, что бабушка там, в больнице, вытащила из сумочки папину фотографию, а потом порвала и выбросила. И мама как-то сказала мне, что боль за ту фотографию по-прежнему её мучает – больше, чем боль за письма, которые дедушка с бабушкой прочитали и уничтожили. И теперь, возвращаясь к теме, Вы ведь не возражаете, чтобы она хранила его? Ваш портрет... в таком состоянии... Для неё он имеет, я думаю, символическое значение. И, кстати, я ей сказала, что Вы и папа – ровесники, и что Вы – холостяк по жизни и отдали всю жизнь Академии. Ну и вот, и она после этого забрала «Минотавр» с фотографией и унесла их в комнату, а я разложила карты и услышала голос в сознании, хотя он звучал как в действительности. И это был Джон, как выяснилось. И знаете, что он сказал мне? «Меня не вполне устраивает, что ты намерена пользоваться этим подарком Таерда». И затем он сказал после этого: «Не гадай на отца, пожалуйста. Этим ты мало что выяснишь». Я спросила: «А как можно выяснить?» А он мне тогда ответил: «Приедешь в Дублин, подумаем». И ещё он сознался кое в чём – что он и был «подсознанием», с которым я разговаривала через эту Картину-копию. И я на него обиделась. Просто теперь я думаю, что он меня контролирует, хотя он успел сказать мне, что он ни во что не вмешивается. Но на деле всё, что я делала, всё это согласовывалось... я всё обсуждала с «Картиной», любые свои решения. Так мы поговорили, и потом он пропал куда-то, и мама вернулась с кофе, и я ей тогда сообщила относительно папы и Дублина, и мы с ней пришли к тому выводу, что Джон, разумеется, знает, жив ли папа и где он находится, и что с ним случилось в Англии. И ещё она мне сказала, что Джон появлялся, оказывается, пока я училась в школе. Привозил ей продукты, как раньше, и помогал финансово. А утром она сказала: «Давай переедем в Ирландию. Продадим наш дом этой Дороти и купим домик под Дублином». Дело в том, что Дороти Робинс просто уже достала нас с предложениями о выкупе. И потом мы полдня смотрели на разные объявления с ирландских сайтов недвижимости, и составили длинный список, и написали риелторам, и мама отправилась к Робинс, а Джон позвонил ей на «сотовый»... (это средство связи, мобильное) и сказал: «Позабудь о Дороти. Дом продавать не надо. Отправляйтесь спокойно в Ирландию, выбирайте, что вам понравится, остальное – моя забота. Цена не имеет значения». И потом он сказал после этого: «Я перевёл вам деньги на билеты и на гостиницу...» И мама тогда проверила – через банк, электронным образом, а на счету оказалось ровно сто тысяч долларов. Это как раз та сумма, что нам предлагали Робинсы. Вот такая у нас ситуация. Неожиданная, как видите, но в целом мы с мамой радуемся. И я за неё – тем более. Наш Гамлет – такая провинция, Вы даже не представляете. Билеты мы уже выкупили – вылетаем из Сан-Франциско двадцать третьего, в семь по-местному. А в Дублине мы забронировали отель с солидным названием – «Грэшем Отель» (на О'Коннелл). Правда, Джон попросил передать мне, что в «Уголке на О'Коннелл» мне нечего будет делать до официальной даты

сбора альтернативщиков. Ну «нечего» значит нечего. Эктор Эртебран, скажите, кем бы он ни являлся, между нами ведь невозможны личные отношения? Между мной и эктором Смитом? Ведь он обо мне заботится только на том основании, что я обладаю способностями выше среднего уровня? Я много об этом думала. И меня это так пугает... – этот факт, что всё, что я думаю, лежит в его компетенции. Интересно, с такими талантами, каков его балл по Эйверу? Десять тысяч? Пятнадцать? Двадцать? Я бы не удивилась, если бы я вдруг выяснила, что все эти «Наблюдатели» («эртаоны третьего уровня») – не люди, а гуманоиды из какой-нибудь дальней галактики. У нас, между прочим, любят такого рода фантазии. В каждом втором романе нас кто-нибудь завоёвывает. То марсиане какие-нибудь, то осьминоги с Юпитера, то монстры с какой-нибудь Проксимы. То же самое – в кинематографе. Так что мы уже все просвещённые и готовы к любой ситуации. Но у нас это всё – фантастика, а у вас, полагаю, в реальности. Не то, что вас завоёвывают, а то, что просто присутствуют... И в принципе всё свидетельствует именно в пользу этого. В Иртаре не существует «теории происхождения». Даже в виде простой мифологии. Их собственная история – всего лишь три века с хвостиком и совсем ничего до этого. Но в самом Арварте, надеюсь, я найду хоть какие-то сведения? Почему даже там история – это тысяча триста тридцать, плюс ещё три года для точности. А что у вас было раньше? До этого исчисления? Эктор Эртебран, простите, но просто мне интересно и я почему-то чувствую, что все эти «Наблюдатели» в этом как-то замешаны – в вашем происхождении. Они ведь – не люди, правильно? Даже если судить по внешности. Ведь Виргарт проговорился: «Он не был обычным смертным...» Я рисовала Джона приблизительно класса до пятого. И рисунки все сохранились. И что? На кого он похож на них? В нём нет ничего человеческого. Он в тысячу раз красивее любого из наших секс-символов (простите за выражение). И «риззгиррский хрусталь» вдобавок. Этот хрусталь хранится в Центре эктора Таерда, с прочими артефактами, выведенными раскольниками. И Марвенсен объяснил мне, что Риззгирр – в созвездии Лебедя. Значит, наша бутылка – с Риззгирра? Помните, я писала Вам? По виду она – такая же, как этот «риззгиррский» камушек, судя по материалу и по её свечению.

Что касается предупреждения относительно ваших девушек и ваших норм поведения, продиктованных этим девушкам пуританской моралью общества, то я, как Вы пожелали, согласна принять это к сведению. И спасибо, что Вы находите мои детские стихотворения более менее сносными. А сейчас мне как-то не пишется. Уже примерно три месяца. А мама взялась за книгу. Она вдруг теперь изменила максималистским принципам. Согласна на дом с удобствами, с горячей водой, с бассейном и с прочими атрибутами. Полагаю, это суггестия. Она мне сказала за ужином: «Когда переедем в Ирландию, работу искать не буду. Хочу заниматься творчеством. Писать, рисовать и так далее...» Остаётся только порадоваться.

Когда это письмо дойдёт до Вас, мы уже будем в Ирландии. А Ирландия рядом с Англией... Вы помните эту присказку: «А где находится Англия?! Англия за океанами...»

Берегите себя, пожалуйста.

До встречи,
Ваша Верона.

Я напишу из гостиницы, как только мы там поселимся. (Ваш Джошуа Брен Маклохлан давно уже интригует меня, ещё по рассказам Марвенсена. А Акройд женат, наверное? Просто судя по характеристике, выданной вашему Джошуа, он – словно жених на выданье, а в характеристике Грегори такого и близко не было. Что касается Хогарта с Джонсоном, то вопросов здесь не имеется. А пятый? Он – самый сложный? И с ним у меня, возможно, возникнут какие-то трения? Но к этому я готова, как ко всему оставшемуся...»

* * *

Пятнадцать часов полёта, контроль с простыми вопросами: «Цель приезда?» – ответ: «Туризм»; «На сколько?» – «Не меньше месяца»; после чего Режина поспешила выйти на улицу со своим небольшим саквояжем, поставленным на колёсики – на пяточок для курильщиков – *Designated Smoking Area*, а Верона прошла к карусели, что вращалась медленным образом, доставляя багаж ожидающим. Вдруг кто-то, приблизившись сзади, закрыл ей глаза ладонью и произнёс негромко: «Вот мы с тобой и встретились...» Вздвогнув от неожиданности, она резко дёрнулась в сторону и сразу услышала ласковое:

– Малышка моя, не бойся! Прости, что я напугал тебя!

На этом Джон развернул её – успевшую крепко зажмуриться, и стиснул жарким объятием. Открыв глаза на секунду, она увидела звезды на старом норвежском свитере, знакомом ей с детства по Гамлету, и снова крепко зажмурилась. Джон рассмеялся мягко:

– Боюсь, ты разочарована?! Ни трюфелей, ни шампанского?! Совсем ничего романтического?!

– Что? – прошептала Верона.

– Ничего, – сказал Джон. – Не расстраивайся. Следующая встреча превзойдёт твои ожидания. Без моста Мирабо, к сожалению, но с парусами и с музыкой, какой ты ещё на слышала...

Глаза её распахнулись, так как он вдруг разжал объятия, но его уже рядом не было:

– Джон? – позвала Верона, озираясь с понятным ужасом. – Джон, вернитесь, пожалуйста!

– Простите, Дэара Верона, – обратился к ней кто-то по имени в сочетании с новым термином.

Она обернулась на голос и увидела парня – высокого, в джинсах и сером свитере, с её стареньким чемоданчиком; высокого и красивого, и тоже, как Джон, синеглазого, с собранным в узел волосом цвета пшеничного колоса. На вид ему было за двадцать – лет двадцать пять приблизительно. Он поклонился низко, после чего представился: «Эрвеартвеарбн Терстдэран. Старший Куратор Коаскиерса», – и закончил с крайней почтительностью:

– Я буду сопровождать вас во время знакомства с Ирландией.

– Где он?! – спросила Верона, отделившись нервным книксеном.

Терстдэран выдержал паузу:

– Дэара Верона, простите, но знать о его нахождении – вне пределов моей компетенции. Возможно, он где-то поблизости, но нет никакой гарантии.

– Но вы ведь его увидели?! Ведь он со мной разговаривал!

Старший Куратор Коаскиерса покачал головой с отрицанием, а в глазах его отразилось невольное огорчение:

– Нет, я никого не заметил.

– Но вы ведь меня слышали?! Вы не могли не услышать! «Джон, вернитесь пожалуйста!» Эктор, вы как раз подошли ко мне!

– Нет, Дэара Верона. Вы смотрели в другую сторону и при этом вы просто расчёсывались.

– Что?! – поразила Верона.

– Ваш гребень, – сказал Терстдэран. – Вы до сих пор его держите.

Гребень – изящный, тонкий, с серебряной инкрустацией, находился в её ладони, крепко зажатый пальцами. Верона обиженно всхлипнула.

– Дэара Верона, простите, но рэана Режина волнуется...

– А что означает «дэара»?

– Скоро вы всё узнаете.

– От кого?

– Из разных источников, включая меня, по всей видимости.

На этом Эктор Терстдэран кивнул в направлении выхода и, подняв чемодан, добавил: «Ступайте за мной, пожалуйста». Верона, шмыгая носом, начала размышлять хаотически:

«Гребень... когда я достала его? Почему я не помню этого? Он был в рюкзаке, под косметикой, а косметику я не вытаскивала... Тогда что у нас получается? Эрвеа... Эрверо... Терстдаран... он ведь меня не обманывает? А Джон? Он сказал: „Малышка...“ Получается, этого не было? Всё это – только иллюзия?..»

Эрвеартвеарон обернулся:

– Не думаю, что иллюзия. Произошло наложение. Совмещение двух реальностей. Вы действительно его видели. Его свитер, во всяком случае.

Верона едва не ахнула:

– «Совмещение двух реальностей»?!

– Это – наша обычная практика. И я повторю своё имя. Эрвеартвеарон. Запомнили?

– Запомню, экдор. Простите. Раз вы читаете мысли, вы – эртаон, наверное?

– Да, – подтвердил Куратор.

– Вы – инопланетянин?!

– Гуманоид, Дэара Верона.

– А вы из нашей галактики?!

– Нет, мы из другой галактики. В каталоге Мессье она значится, как М98.

– А какой у вас балл по Эйверу?!

Эрвеартвеарон рассмеялся, ответил: «Семь тысяч, я думаю!» – и тут же сменил арвеартский, поскольку увидел Режину, вошедшую с улицы в здание, на родной для неё португальский:

– Сеньора, как поживаете?! Я – ваш сопровождающий! Ваш саквояж, пожалуйста...

Через пару минут примерно он подвёл их седану – внушительному, и предложил галантно: «Садитесь в салон, прошу вас...»

– Он – кто?! – прошептала Режина, пользуясь тем обстоятельством, что внимание «сопровождающего» перешло на багаж с багажником.

– Куратор, – сказала Верона. – Старший Куратор Коаскиерса. Эрвеартвеарон Терстдаран. Приставлен к нам с целью помощи.

– Кем приставлен?

– Пока умалчивает. Вероятно, администрацией.

В салоне – уютном, тёплом, с белого цвета сиденьями, как только машина тронулась и влилась в ближайшую линию, Режина опять спросила: «Он может быть Наблюдателем?»

– Судя по сходству с Джоном...

– Да, сходство у них значительное...

Разговор на этом закончился. Машина, въехав на трассу, разогналась за мгновение. По сторонам дороги замелькали серые здания, чередуясь с туманными пустошами. Верона, откинувшись к спинке, вернулась мыслями к Джону – к той недавней чудесной реальности, в которой он – осязаемый – мог так крепко обнять её, мог прошептать ей в ухо: «Малышка моя, не бойся. Прости, что я напугал тебя...»

Лээст в эти минуты находился в доме родителей. Элиза делала ужин, а сам он пил виски с Невардом, обсуждая то обстоятельство, что Верона, как и Режина, вероятно, уже в Ирландии. Отец проректора нервничал:

– Ты мог бы взять разрешение! Обратиться к вашим Кураторам и встретить их как полагается!

– Я пытался, – ответил Лээст, – но Старший Куратор сказал мне, что я не должен форсировать текущую ситуацию.

– А какая тут ситуация?! Что это за нелепости?! Почему мы должны откладывать?!

– Видимо, есть причины.

– Причины всегда имеются, если их создавать искусственно! Ты принёс с собой фотографии?!

– Принёс, – подтвердил проректор.

– Так чего же ты ждёшь?! Показывай!

– Покажу, – сказал Лээст, – чуть позже. Не хочу, чтобы мама их видела. Боюсь, что она расстроится.

Невард кивнул: «Ну ладно, – и добавил: – Она расстраивается по любому возможному поводу...»

* * *

В «Грэшем Отель» на О'Коннелл Эрвеартвеарон Терстдаран взял в руки процесс регистрации и – от лица Режины – отверг отведённую комнату, объяснив свой отказ тем фактом, что окна конкретной комнаты выходят во двор гостиницы:

– Мы будем крайне признательны, если вы нам сейчас обменяете столь неудачную комнату на комнату с видом на улицу. И третий этаж, как минимум. И плюс для меня – соседнюю. Я тоже здесь останавливаюсь.

Дежурный администратор выразил сожаление: «Я, конечно, прошу простить нас, но обменять не получится». Затем он сказал, вздыхая:

– И бронировать надо заранее. За неделю по крайней мере. Свободных сейчас не имеется.

– Нет, – возразил Терстдаран, – уверяю вас, что имеется. Семь на третьем, пять на четвёртом. И я даже могу напомнить, в каких непосредственно комнатах проблемы с канализацией и в каких – с кондиционерами.

В результате его настойчивости, вдобавок к такой компетентности, комнаты были получены в соответствии с пожеланиями, включая возможность курения и удобную расположенность, и при этом – с ранним заездом, комплиментом от администрации. Куратор сказал: «Отдыхайте! Я сейчас закажу вам что-нибудь. Кофе и лёгкие сэндвичи, если не возражаете...» – и прошёл в соседнюю комнату, а Режина, достав сигареты, уселась на подоконник и заметила, глядя на улицу:

– Что самое любопытное, он тоже «Джон Смит» по паспорту. Напоминает «Матрицу».

– Да, – согласилась Верона. – С той исключительной разницей, что нас не считают вирусами. Плюс факт, что все наши «Смиты» – это живая материя, а не зелёные цифры с автономной программой действия.

Завтрак, поданный вскоре, оказался не «лёгкими сэндвичами», а корзинкой со свежими ягодами, поджаренным в масле картофелем, горячими хлебными тостами, бутылкой вина – бордосского, и кофе в стальном кофейнике. Дождавшись ухода служащего – официанта в смокинге, Режина взялась за кофе и произнесла в задумчивости:

– Я спросила тогда у Джона... в тот день, когда всё это выяснилось – не пора ли ему назваться, а он мне сказал: «Разумеется, но только сперва твоей дочери и только когда она вырастет». Жаль, что он сам нас не встретил вместо этого Джона-Куратора.

Верона присела рядом и произнесла в замешательстве:

– Вообще-то он появился, но только в другой реальности. Когда мы с тобой прилетели, ты вышла курить на улицу, а он подошёл, обнял меня и сказал, что мы снова встретимся и что следующая встреча превзойдёт мои ожидания. А потом он пропал куда-то и сразу возник Терстдаран, и я стала его расспрашивать, и в результате выяснилось, что на деле я просто расчленилась, и просто имело место совмещение двух реальностей.

– Даже так?! – поразилась Режина. – Ты напишешь об этом проректору?

Верона, пожав плечами, ответила: «Да, наверное», – и тут же спросила следом:

– И, кстати, что с фотографией? Ты хоть как-нибудь её склеила?

Режина стряхнула пепел, посмотрела в окно – на улицу, на серое небо в тучах, и сказала:

– Нет, я не склеила. Я оставила её в Гамлете.

* * *

Через несколько дней после этого проректор, буквально мятущийся, получил наконец из Дублина ожидаемое послание:

«Экдор Эртебран, мы в Ирландии! Какая она потрясающая! Мы уже ездили к морю! Природа здесь бесподобная! Луга, и холмы, и скалы... всё – совершенно сказочное! И ирландцы мне тоже понравились. Осыпают нас комплиментами. И у нас есть «сопровождающий»... Эрвартвеарон Терстдаран. Я думаю, Вы его знаете, поскольку он нам представился, как «Старший Куратор Коаскиерса». И он подтвердил, если честно, что он – эртаон и так далее и сказал, что они из галактики «M98». Это – наша классификация. В Иртуре не занимаются исследованием космоса, поэтому я не знаю, как вы её называете.

Он очень красивый, конечно. (Я об экдоре Терстдаране). И много общего с Джоном. И он тоже «Джон Смит» по паспорту. Он встретил нас по прилёту, потом отвёз до гостиницы, выбил нам номер «с видом», сам разместился рядом и теперь он нам всё показывает, возит нас на машине и водит обедать и ужинать. Послезавтра мы с ним поедem смотреть на тот дом, что мы выбрали. Он рядом с одной деревней, в получасе езды от Дублина, не старый, а современный – его недавно построили, и архитектор – из Англии. Там дизайн вообще фантастический. Этот дом – весь стеклянный, трёхуровневый, над гаражом – бассейн, и всё это – рядом с морем. И он продаётся с мебелью. Там всё – совершенно новое. Мы увидели фотографии и даже сперва не поверили, что такое возможно в реальности, настолько он потрясающий. Цена «по договорённости», но экдор Терстдаран сказал нам (как Джон говорил до этого), что цена не имеет значения...

Экдор Эртебран, скажите, зачем он всё это делает? Я говорю о Джоне. То есть я понимаю... Мама на днях сказала мне, что в тот день, когда всё это выяснилось, он ей сообщил, оказывается, что я буду с ним, когда вырасту. То есть – что он на мне женится. Я не знаю, как реагировать. С одной стороны, я рада. А с другой – мне совсем не нравится, что вся моя жизнь предписана. Он мне сказал недавно: «Я даю тебе это право – самой принимать решения». Но ведь то, что он сейчас делает, – это противоречит всем его утверждениям. Я бы хотела другого – стать от него независимой и делать то, что мне хочется, пока я не окончу Коаскиерс, а там уже как получится. И в целом меня пугает, что он меня знает с рождения... или почти с рождения. В этом есть что-то очень странное. Мы слишком тесно с ним связаны. И эти его способности... Он – бессмертен, по всей вероятности? Потому что он не меняется. Кто я для него в таком случае? А вдруг я кого-то встречу? Вдруг полюблю кого-нибудь? Того же экдора Маклохлана. Я говорю к примеру. То есть эта покупка недвижимости... Он же меня обязывает? Мы и так столько лет тяготились ситуацией с домиком в Гамлете. А этот дом... понимаете?... – он три миллиона, как минимум. Там девять огромных спален, и огромный зал, и столовая, и две бесподобных кухни, и офис, и даже студия, и домашний кинотеатр, и домашний спортзал, и бассейн, и оранжерея с растениями... И кто мы такие с мамой, чтобы всем этим пользоваться? Может быть, это глупо? Но существуют принципы. Всё равно это всё унижительно. Мама вчера расплакалась – прямо во время ужина, в ресторане рядом с гостиницей. Она мне так и сказала: «Мы ничего не сделали. Мы этого не заслуживаем». И она права, разумеется. Я закончу на этом, наверное. Мы хотим прогуляться немного. Выпить где-нибудь пива. Мне нравится местный «Гиннесс». Я его не пила до этого. Я, конечно, осталась бы в Дублине. Я не люблю Америку. Я не чувствую её родиной. Но теперь ничего не поделаешь.

*До встречи,
Ваша Верона.*

И, кстати, Вы были правы по части двадцать восьмого. Ведь правда, что-то изменится, как только мы с вами встретимся?»

Прочитав, Эртебран, не задумываясь, взял бумагу для корреспонденции и вывел на ней стремительно:

*«Эрвартвеарону Терстдарану,
Эртаону второго уровня*

Великий Экдор, я прошу Вас о частной аудиенции...»

* * *

На следующее утро – облачное и пасмурное, Верона, услышав от матери: «Давай лучше съездим в Лондон. Дом подождёт, мне кажется», – решила ответить согласием и нисколько не удивилась, когда, после чашки кофе, Режина вдруг предложила:

– И давай-ка мы, после Лондона, поедем с тобой в Португалию. Мне нужно подать на гражданство. То есть восстановить его. Потом я найду работу, сниму себе где-нибудь комнату и как-нибудь всё устроится.

Верона нервно вздохнула:

– Без Джона и без Ирландии?! Ты точно уверена в этом?! Мы сейчас принимаем решение?!

– Тебе решать, разумеется. Но мне всё равно не нравится вся эта затея с недвижимостью. Я бы сейчас не спешила. Пусть он сперва появится. Пусть у вас что-то будет... какие-то отношения. Почему это всё происходит таким непонятным образом? Почему у него в посредниках Старший Куратор Коаскиерса? Это значит, что все Кураторы, кем бы они там ни были, узнают о всём случившемся... о том, что тебя содержит кто-то из Наблюдателей...

В это время в дверь постучались. Причиной была, как выяснилось, доставка корреспонденции. Вскрыв внешний конверт – курьерский, и следом – конверт проректора с серебряными инициалами, Верона стремительным образом ознакомилась с содержанием и произнесла удивлённо:

– Я не ждала, если честно. Это письмо от Лээста. Такая его реакция...

– Что там?! – спросила Режина.

– Так. Одно предложение. Или даже контр-предложение.

– Подробнее, если можно.

– Можно, – сказала Верона и, опустив обращение: «Добрый день, моя драгоценная», – зачитала вслух всё оставшееся:

«Прости, что письмо короткое. Оно – деловое, скажем. У меня к тебе предложение. К тебе и рэане Режине. Я в целом сторонник идеи, что вы, из свой Калифорнии, переберётесь в Ирландию, но я понимаю прекрасно, с чем это всё сопрягается. Давайте мы сделаем следующее. Покупать ничего не стоит, но вы бы могли, мне кажется, арендовать недвижимость. У нашего Джоша Маклохлана имеется дом в Лисканноре. Место очень красивое. Далековато от Дублина, но в финансовом отношении это будет вполне приемлемо. То есть об этом вопросе волноваться сейчас не следует. Если вы согласитесь, то Старший Куратор Коаскиерса сможет помочь с заселением. Обсуди это с мамой, пожалуйста, и сообщи о решении. И, возвращаясь к Лисканнору, там такие заливы вдоль берега... Джош показывал фотографии и много чего рассказывал. Дом у него примерно вроде вашего домика в Гамлете, так что вам он сразу понравится. Что до „дома со всеми удобствами“, то здесь, у нас, в Арварте, тоже есть к чему присмотреться и выбрать себе на будущее. Будете жить здесь с мамой

и обе будете счастливы. Жду ваших снимков из Дублина с подробными комментариями. И, пожалуйста, не отказывайтесь от идеи насчёт Лисканнора. Мне бы очень хотелось, Верона, чтобы вы остались в Ирландии. И по части вопросов с финансами... Я мог бы принять участие. Послушай меня внимательно. У нас с тобой будет в будущем, причём – в недалёком будущем, столько совместных проектов в отношении „опытов с квантами“, которые финансируются на самом высоком уровне, что проблема как таковая потеряет своё значение, но сейчас я хотел бы помочь вам... посчитал бы за необходимое, чтобы не жить с той мыслью, что вы остро в чём-то нуждаетесь и при этом не состоянии позволить себе даже малого. Это недопустимо. То есть я уже принял решение. Старший Куратор Коаскиерса передаст вам сегодня сумму... полмиллиона наличными. Отказ я сочту неприемлемым. Он меня ранит, поверь мне. Не сердись на меня, пожалуйста».

Завершив перевод с арвеартского последней фразой проректора: «Не сердись на меня, пожалуйста», – Верона спросила у матери:

– И что мы теперь с этим делаем?

– А что?! – удивилась Режина, с огромным вниманием слушавшая и даже слегка покрасневшая. – Ты серьёзно об этом спрашиваешь?!

– А как же тогда с Португалией?! Поездка теперь отменяется?!

– Забудем о Португалии! Личная просьба Лээста не подлежит обсуждению!

В небе сверкнула молния. Верона сперва нахмурилась, а затем разразилась высказыванием – мало в чём состоятельном и вызванным вспыхнувшей ревностью:

– «Лээст»?! Теперь он – «Лээст»?! Полагаешь, что ты с ним встретишься?! Это частные планы на будущее?! Он – молодой! Конечно! И гений, и всё такое, и ещё с таким положением и с таким финансовым статусом! А как же папа и прошлое?! Теперь это всё – несущественно?!

Гром – тяжёлый, раскатистый – заглушил конец её версии. Режина, поднявшись с кресла, сказала с глухим отчаянием:

– Нет, это всё существенно. Прости, что я снова вмешиваюсь, и послушай меня внимательно. У тебя есть Джон с миллионами, есть проректор Коаскиерса, а я продержусь, я уверена. Последнее что мне нужно – жить на средства твоих поклонников и при этом ещё выслушивать подобные оскорбления.

Затем, на глазах у дочери, застывшей в полной растерянности, она извлекла из сейфа свой старый клатч с документами, достала из шкафа джинсы, две юбки, несколько маечек, сунула всю одежду в небольшой саквояж на колёсиках и, обронив: «До встречи!» – быстро покинула комнату.

– Ерунда... – прошептала Верона. – Внизу посидит и вернётся. И сигареты оставила. Без них она не продержится...

Рассуждая подобным образом, она подошла тем не менее к подоконнику с круглой пепельницей и минуту спустя увидела, как Режина, покинув здание, садится в такси на улице.

– Чёрт! – вскипела Верона. – Он ей что, действительно нравится?! То есть она не догадывается, что он пишет всё это из вежливости?!

Ещё через час примерно, простояв у окна в ожидании, она покинула комнату и постучалась в соседнюю – к Эрвеартвеарону Терстдарану. Куратор не откликнулся. В холле с хрустальными люстрами портфель передал ей в руки конверт с гостиничным вензелем. Внутри оказалась карточка – от *California Federal*... и небольшой листочек с весьма лаконичной надписью: «Я сняла себе несколько тысяч. Когда-нибудь рассчитаемся», – на что Верона подумала: «Что за глупое поведение?!» – и час просидела в холле, наблюдая за входом и улицей. Дождь продолжал усиливаться. В полдень она не выдержала и, быстро сходя за пивом, вернулась обратно в номер, где пару часов, не меньше, пыталась себя уверить, что конфликт – неприглядный, бессмысленный – был спровоцирован матерью, но перечитав ещё раз эртебрановское посла-

ние, сказала себе: «Всё правильно. Это – не просто вежливость. Он тоже что-то испытывает. Она ему тоже нравится, иначе бы он не писал так... А я посмела сказать ей... О господи, что я наделала?!!»

Через какое-то время её горестные рыдания прервал звонок – телефонный, от того же администратора:

– Мисс Блэкуотер, простите, пожалуйста, но у нас для вас сообщение. Ваша мать только что позвонила нам. Она сейчас в Лиссабоне. Просит не беспокоиться. Сказала, что остановится в доме каких-то родственников и свяжется с вами в августе, примерно числа двадцатого. И тут для вас, кроме этого, пакет от мистера Смита, который только что выписался...

В пакете «от мистера Смита», что ей доставили в комнату, Верона сперва обнаружила «Договор на аренду недвижимости», подписанный Джошем Маклохланом и заключённый на имя Режины Авейро Ледо и Вероны Блэкуотер Авейро, названных «Арендаторами», следом – карту Лисканнора с нарисованными фломастером яркими указателями, плотный конверт с купюрами – толстыми пачками Еуро – фиолетовыми и жёлтыми, плюс связку ключей и записку: «*Ценное прячьте в сейфе. Он на кухне, за снимком с клифами. Код 17—13—14*». Последним в пакете «Смита» оказалось его обращение к ней – на бумаге, свёрнутой в трубочку, перевязанную шпагатом и скреплённую круглой печатью с двумя скрещёнными стрелочками:

«Дорогая Дэара Верона,

Довожу до Вашего сведения, что аналогичная копия договора с ардором Маклохланом, а также ключи от дома и половина суммы, переданной проректором, будут доставлены вскоре Вашей матери в Португалию.

*Эрвеартвеарон Терстдаран,
Старший Куратор Коаскиерса»*

– Чёрт! – ругнулась Верона. – И что мне писать теперь Лээсту?! Что мне теперь говорить ему?! «Спасибо за ваше содействие, но я поругалась с мамой и она от меня уехала»?! Нет, так я писать не буду. Просто вышлю ему фотографии... вчерашние, позавчерашние, а дальше уже как получится. У мамы там много родственников, так что она продержится. А мне? Остаться гостинице? Или ехать и жить у Маклохлана? Или поехать в Лондон? Или поехать в Норвегию и пожить у Виргарта Марвенсена? Он приглашал навестить его...

Не находя решения, она убрала бумаги и толстый конверт с наличностью, после чего – голодная – пошла в ресторан при гостинице, поужинала спагетти и вскоре, совсем уставшая, уже засыпала с мыслями, что когда-нибудь всё образуется и Режина сможет простить её.

Экдор Эртебран в это время пил кофе – свежесваренный, и писал ей письмо – обещанное, то и дело с улыбкой поглядывая на одну из её фотографий, приставленную к кофейнику:

«Здравствуй, моя драгоценная!

Как там погода в Дублине? У нас тут дожди и грозы. Но в целом у нас теплее, если верить ирландцу Маклохлану. Летом всё время жарко, а зимы, напротив, морозные и снега бывает достаточно. Я уже представляю, как мы будем кататься на чём-нибудь... на лыжах, на сноубордах – что вам с мамой больше понравится.

Я разобрал твои файлы. Изучил их пристрастным образом. Хотелось придраться к чему-нибудь – чисто в плане наставничества, но придраться не к чему. Одним словом – мои поздравления. Теперь я боюсь единственного – ты ведь совсем заскучаешь на уроках по биохимии. А впрочем, там разберёмся. Как вам идея с Лисканнором? Надеюсь, уже одобрена?..»

* * *

Следующее утро – тоже довольно пасмурное, началось для Вероны с мысли: «Нет, я должна сообщить ему, что мама сейчас в Португалии». Распечатав последние снимки в фото-салоне поблизости, она неспеша позавтракала, затем погуляла по городу и, возвратившись в гостиницу, взялась за письмо проректору:

«Экдор Эртебран,

Вы знаете, я решила поехать в Англию – дней на пять или шесть примерно. Я должна посмотреть на Лондон. А мама за это время навестит семью в Португалии – у неё там бабушка с бабушкой и она их сто лет не видела. Потом мы поедem в Италию (мы хотим посмотреть на Венецию) и, может быть, даже во Францию. Мы точно ещё не знаем. В Ирландию мы вернёмся в середине июля месяца и скорее всего остановимся в доме экдора Маклохлана. Карту, ключи и всё прочее нам передали вечером, как раз незадолго до ужина. Экдор Эртебран, спасибо Вам...»

К посланию были добавлены фотографии с видами Дублина и пара портретных снимков – Режина за чашкой кофе и сама Верона – у зеркала, подкалывающая волосы. Спустя три часа с половиной она уже ехала в поезде, пересекая Ирландию и читала, чтобы отвлечься – *«Песнь Льда и Огня»* Р. Мартина. Дорога, не самая долгая, привела её к дому астролога – кирпичному, двухэтажному, с оградой из серых булыжников и крылечком с тремя ступеньками. За дверью была прихожая: вешалка с парой курток, узкая полка для обуви с запylёнными веллингтонами. Верона сняла кроссовки и прошла из прихожей в столовую. Там же была и кухня, и за кухней, прямо вдоль стенки, деревянная узкая лестница, что вела к коридору с комнатами – двумя небольшими спальнями, и в конце – к кабинету с книгами, в основном – научной фантастикой. Выбрав себе ту спальню, что смотрела на луг – холмистый, с пасущимися овечками, Верона оставила вещи, спустилась обратно в столовую и сварила крепчайший кофе, накануне купленный в Дублине. Мысли её при этом были совсем невесёлые: «И что теперь делать дальше? В Лондон мне ехать не хочется. Что мне там делать без мамы? А здесь мне и вправду понравилось. И у экдора Маклохлана книги там интересные. А что я скажу проректору? Ладно, как-нибудь выпутаюсь...»

Дни потянулись за днями – достаточно монотонные. Утренний кофе, прогулка, чтение, рисование, скудный обед – консервами, что стояли в буфете стопками: спаржа, фасоль, горошек; после этого – снова чтение, до самого позднего вечера; ужин – варёным картофелем; и ночью – мечты – бесконечные – о Джоне в первую очередь. Что до Генри Блэкуотера, то любая возникшая мысль о нём порождала в ней боль – душевную, многократно теперь усугубившуюся – тем фактом, что близость к Англии – близость географическая – мало что изменила в её внутренних ощущениях, вопреки её прежней уверенности, что будь он где-то поблизости, она бы это почувствовала внутренними рецепторами. Дни эти были скрашены ежедневными письмами Лээста, который теперь обсуждал с ней вопросы по биохимии, а также её поэзию – с критической точки зрения, и постоянно справлялся о текущих делах её матери, на что Верона, выкручиваясь, придумывала истории: *«Мама гостит у дяди...»* – *«Мама гостит у тёти...»* – *«Мама с двумя кузинами работает на виноградниках...»* Письма его приходили как раз к её пробуждению, и поэтому утренний кофе являлся, в её восприятии, лучшим моментом суток – насыщенным по эмоциям. Ответы она писала в объёмном *Volume Двенадцатом*, в разделе *«Корреспонденция»*, сидя не в кабинете, не в столовой и не в гостиной, а на крыльце – с сигаретами и маклохлановским кофейником. Эртебран продолжал обращаться к ней: *«Здравствуй, моя драгоценная»*, – а в конце говорил: *«До встречи!»* – и добавлял поскриптумом: *«Маме*

привет, пожалуйста. Как она там? Не приехала?» Ответы свои Верона оформляла спонтанным образом, после чего, в размышлениях, отправлялась по главной улице до почтового отделения, отсылала корреспонденцию, покупала конверты с марками и шла гулять по Лисканнору – по его живописным окрестностям.

Четырнадцатого июля она получила из Гамлета четыре больших коробки – со своими вещами и с книгами, ей самой и укомплектованными перед отъездом в Ирландию. После этого всё вернулось к обычному расписанию. Пару раз за всё это время она еле справлялась с желанием снова раскинуть карты – те самые – саматургические, с которых сняла себе копии ещё до отъезда из Гамлета – перед тем, как отправить колоду в руки экдору проректору, согласно его пожеланию; раскинуть не на кого-то, а на своё же будущее, но мысль о ментальном вмешательстве дважды её останавливала. Двадцать седьмого июля она получила от Лээста завершающее послание, по сути своей – инструктирующее – по части сбора учащихся и того, что в лице встречающего будет экдор Маклохлан, только что прилетевший из Сиднея. Что до вопросов о матери, то поскольку Верона решила сообщить числа двадцать третьего: *«Мама уже возвращается! Она вот-вот здесь появится!»* – проректор ответил просьбой: *«Пусть рэана Авейро проводит тебя до Коаскиерса. Я, если честно, рассчитываю получить для неё разрешение через вашего „сопровождающего“ – Эрвеартвеарона Терстдарана. Это в его компетенции. Вы узнаете на портале результат моего обращения»*. Понятно, что сборы Вероны, после этой идеи проректора, носили характер «панических», в результате чего, измучавшись, она снова взялась за карты – где-то за час до отъезда – теперь уже с крайней решимостью и с единственным намерением – вступить в общение с Джоном и, с учётом его влияния, попытаться исправить как-то возникшую ситуацию. Сев на крыльце – с колодой, всё с тем же старым кофейником и с аполлинеровским сборником, она какое-то время пыталась сосредоточиться, но карты, уже разложенные, не давали ей информации. Когда, совершенно отчаявшись, она едва не заплакала, с ней рядом возник на ступеньке такого же рода свиток, что хранился в сейфе с финансами – в целом почти неиспользованными, не считая затрат на питание. *«Мой бог, – прошептала Верона, – это письмо от Терстдарана...»*

«Дорогая Дэара Верона,

Довожу до Вашего сведения, что я вынужден был, к сожалению, ответить экдору проректору, что рэана Режина по-прежнему находится вне Ирландии.

Теперь о других моментах. Оставьте, пожалуйста, в доме весь свой багаж для Коаскиерса. Мы сами его доставим непосредственно в Академию. Возьмите с собой в дорогу лишь самое необходимое.

*Эрвеартвеарон Терстдаран,
Старший Куратор Коаскиерса»*

И ниже – длинная подпись ажурными иероглифами. Верона свернула свиток, подлила себе в чашку кофе и, глядя на звезды, подумала: *«Джон уже не появится...»*

Так прошёл её месяц в Ирландии. Ночная дорога до Дублина сняла с неё напряжение – то, что она испытывала после письма Куратора. Такси с автобусной станции быстро её доставило на улицу Abbey Street Lower с нужным пересечением. Когда машина отъехала, помигав на прощание фарами, Верона, дрожа от волнения, изучила надпись на вывеске, две ступеньки – заметно истёртые, обветшавшую дверь с колокольчиком, успевая прийти к тому выводу, что прежде этого не было – ни двери, ни ступенек, ни вывески, когда они вместе с Режиной проходили мимо по улице, а затем, прошептав: *«Ну ладно...»* – осторожно вошла в помещение. Секунду спустя – потрясённая – она прошептала:

– Боже мой... Говорите мне что хотите, но «Старый Замок» в Иртаре – это точнейшая копия. Соответствие стопроцентное...

Осмотревшись – с возникшим чувством ирреальности происходящего и порадовавшись обстоятельству, что Джошуа Брен Маклохлана в тот момент в «Уголке» ещё не было, она приблизилась к стойке – барной стойке с высокими стульями. Бармен не появился. Верона, пожав плечами – после пары минут ожидания, опустила рюкзак у стула, достала *Volume Двенадцатый* и раскрыла его на разделе «*Мои дневниковые записи*». Минут десять она описывала последние сутки в Лисканноре, мечтая о чашке кофе и пытаясь себе представить предстоящую встречу с проректором. Вдруг раздался звон колокольчика. Вздвогнув от неожиданности, она спустилась со стульчика, заправила чёлку за ухо и сказала: «Ну всё. Начинается...»

III

В проёме двери – заскрипевшей – возник силуэт входящего – мужчины в джинсах и свитере – высокого и взлохмаченного. Войдя, он застыл на месте. Лицо его – горбоносое – молодое и привлекательное – отразило его состояние – изумления и смущения, на что Верона подумала: «Неожиданная реакция. Он как будто в растерянности, но со мной это точно не связано». Сделав подобный вывод, она чуть присела, кланяясь, а Маклохлан шагнул в её сторону и спросил в напряжённой тональности:

– Мисс Блэкуотер? Простите. Здравствуйте. Вы давно?.. Вы кого-нибудь видели? Вы были готовы заранее?

– Здравствуйте, мистер Маклохлан. Нет, я никого не видела и, кроме того, я не думаю, что «была готова заранее». Готова к чему, простите?

Джош недоверчиво хмыкнул:

– Вам что, ничего не рассказывали?

Поскольку на то мгновение он уже успел к ней приблизиться – весь окутанный запахом алкоголя, сигаретного дыма – вьёвшегося, и «*Минотавра*» – рассеянного, но все ещё уловимого, она, покраснев невольно, ответила: «Нет, не рассказывали». Астролог, опять растерявшись – по причине того, что Верона проявила такое смущение, сам проявил смущение и пробормотал:

– Вы знаете, я просто неправильно выразился. Я просто хотел узнать у вас...

– Что? – спросила Верона, так как эктор Маклохлан, не справившись с восприятием, замолчал, отвернулся в сторону и вызвал тем самым паузу – не долгую, но существенную – для неё – в отношении прошлого, для него – в отношении будущего, уже однозначно вершащегося.

– Ничего, – произнёс астролог, опуская на стойку сумку – спортивную, с прочными лямками. – Как вам мой дом в Лисканноре? Вы заскучили, наверное?

– Напротив, мне там понравилось. И соседи очень приятные. Очень доброжелательные.

Джош представил её в Лисканноре: как она ходит по лестнице, читает старые книги, смотрит в окно на мельницу, варит кофе в медном кофейнике, изучает его фотографии – те, что он делал в юности, спит на его кровати, разговаривает с соседями... Взгляд его, чуть потерянный, обратился к папке с бумагами.

– Интересная каллиграфия. А что за язык, простите? Я раньше с таким не сталкивался.

– Сэр, язык португальский, но просто я с детства кодируюсь. Это – система записи.

– Вот как? – спросил Маклохлан. – Храните секреты в тайне? Но всё – до поры до времени...

Верона кивнула с согласием. Вновь послышалось треньканье. Створка двери распахнулась и в пабе возникли трое: медноволосый парень – красивый, зеленоглазый, атлетического сложения, шатен с древнегреческим профилем – кудрявый, с большими наушниками, и круглый блондин в бейсболке, мало чем примечательный на фоне своих сотоварищей.

– Первый курс, – информировал Джошуа. – Присмотритесь к ним повнимательнее.

Возникшие в пабе юноши проявили себя по-разному. Медноволосый парень моментально сориентировался, поклонился в виде приветствия и, после кивка профессора, посмотрел на своих однокурсников. Смуглый шатен в наушниках не сумел удержать удивления, а третий буквально рухнул – упал на колени, скрючился и застыл в таком положении.

– Джентльмены, – сказал астролог, – сегодня мы тут без формальностей! Маккафрей, встаньте, пожалуйста! С этим ещё успеется! И, кстати, прошу познакомиться! Это – ваша сокурсница! Мисс Верона Блэкуотер! Из Иртарара, как вы понимаете!

Медноволосый парень поклонился повторным образом, второй произнёс: «*Von giorno!*» – и тоже склонился в приветствии, а третий поднялся с пола, пролепетал: «П-простите...» –

и согнулся с таким выражением, словно ему за шиворот подбросили псеудехиса. Джошуа усмехнулся:

– По-моему, мистер Маккафрей несколько перенервничал. Пожалуйста, мистер Девидсон, требуется вмешательство. А вы, Аримани, присаживайтесь. Ждать ещё час, как минимум.

Привычный к подобному Девидсон взял Маккафрея за руку – для прямой контактной суггестии, а эффектный шатен с наушниками подошёл к ближайшему столику и сел, улыбнувшись Вероне – открыто и по-приятельски. Маклохлан, шепнув ей в ухо: «У него восемьсот по Эйверу. Я имею в виду – у рыжего...» – извлёк из кармана книжку – журналчик, сложенный вчетверо и пояснил:

– Судоку. Дошёл до последнего уровня и застрял с позапрошлого вечера.

– Не страшно, – сказала Верона. – С судоку такое случается, – и, пока профессор усаживался, успела за три секунды обменяться короткими взглядами и с Аримани, и с Девидсоном, в результате чего продолжила: – Простите, мистер Маклохлан, я могу пообщаться с ними, если это не воспрещается?

Джош обернулся на столик, что выбрали первокурсники, и ответил с излишней серьёзностью: «Общайтесь, если вам хочется». Бровь его изогнулась и он добавил с иронией:

– Полагаю, что вас, в силу молодости, тянет пока на общение не с мужчинами, а со сверстниками.

Поскольку слова его – тихие, вряд ли могли быть услышаны юными первокурсниками, Верона, подумав пророчески: «С ним будет проблем не меньше, чем с этим несчастным Гренаром», – ответила – тоже тихо, оставляя чувства профессора вне компетенции юношей:

– Полагаю, что вам, в силу возраста и вашего положения, действительно лучше заняться вашими головоломками, а не уделять публично внимание первокурснице.

– Простите, – сказал Маклохлан, после короткой паузы и осознания факта, что точки уже расставлены – те, что определяют их дальнейшие отношения. – Я просто ревнив по характеру и не могу с этим справиться.

Верона, ответив мягко: «Я буду это учитывать», – убрала свой *Volume Двенадцатый* и, как только парни расселись, а Маклохлан – пылающий внутренне, уткнулся в квадратик с цифрами, покинула своё место – с предчувствием, резко усиливающимся, что вскоре случится что-то – что-то предельно важное. Пока она шла между столиками, Девидсон, покрасневший – благодаря освещению – не самым заметным образом, поднялся, одёрнул джемпер, поправил узел на галстуке и, как только она приблизилась, представился в первую очередь:

– Томас Девидсон Джуниор. Портсмут, Южная Англия.

– Арриго, – назвал следующий, – Аримани. Я из Италии. Из Тревисо, если ты слышала.

– Конечно! – сказала Верона. – Тревисо – город в Венето, непосредственно рядом с Венецией.

Итальянец кивнул оживлённо и спросил, пока Томас усаживался:

– А сама ты из Штатов?! Верно?!

– Из Гамлета, штат Калифорния.

Третий стащил бейсболку, встал и промямлил в смущении: «Мисс Блэ... уотэр, п-поольтепреаиться... Я – Эээ... ..амон Ма... афри...» Щёки его запылали, а лоб покрылся испариной.

– Амон?! – удивилась Верона. – Тот самый «Амон», бог солнца?!

– Эамон, – скорректировал Томас. – Наш Эамон Маккафрей, доблестный сын Ирландии. Маккафрей присел осторожно. Румянец его усилился.

– Слушай, – спросил Арриго, – тебе ведь пришлось, наверное, тайно связаться с кем-нибудь?

– Я обратилась к проректору.

– Как?! К самому Эртебрану?!

– Пришлось, – подтвердила Верона. – И он отправил к нам Марвенсена – решать вопросы с финансами и всякими документами.

– Полагаю, – заметил Томас, – господин Эртебран при этом заручился поддержкой Кураторов. Без их непосредственной санкции семёрки не согласились бы на твою учёбу в Коаскиерсе.

Верона села чуть собраннее. Взгляд её сконцентрировался:

– Можно узнать подробнее, кто такие эти «Кураторы» и кто такие «семёрки»? Представители госбезопасности?

Парни переглянулись. Томас ответил: «Вроде как. Я расскажу, но вкратце...»

– Спасибо! – сказала Верона. – Буду очень признательна! Я ни разу о них не слышала!

Арриго стащил наушники, чтобы тоже послушать приятеля. Эамон заблестел от пота. Девидсон тихо откашлялся:

– Можно сперва о «семёрках»?

Верона кивнула молча. Аримани взглянул на Джошуа. Тот занимался цифрами – с явной демонстративностью. Эамон прошептал: «Нас накажут...» В глазах его – круглых как пуговицы – отразилась явная паника.

– Начинай! – попросил Арриго.

Томас – спокойный внешне – произнёс с уловимым волнением:

– В Арвеарте есть Департаменты, и при каждом есть министерства – структурные подразделения. Департаменты – это органы государственного управления. Главы всех Департаментов называются здесь сенаторами. Наш искомый Седьмой департамент, если мы проведём аналогию, – ФБР, ЦРУ и так далее. Здесь они занимаются финансовыми преступлениями, начиная борьбой с коррупцией, борьбой с контрабандой наркотиков, внутренним терроризмом, преследуют инакомыслящих, карают за преступления, за несоблюдение норм и существующей этики и являются, одним словом, органом, контролирующим жизнь всего населения.

– Да! – подтвердил Арриго. – Все они – ультраправые! И что хуже всего при этом – Вретгреенское отделение – самое радикальное!

Девидсон резко прервал его:

– Хватит! Об этом достаточно! Теперь, говоря о Кураторах...

Эамон прошептал: «О господи...» – и быстро перекрестился. Аримани сказал: «Их шестеро!» Объяснения были продолжены:

– Да, – сказал Томас, – их шестеро, и это не те кураторы, в известном тебе значении. Это – другие Кураторы, и они – не совсем арвеартцы...

– А кто же? – спросила Верона.

Трусоватый Маккафрей зажмурился. Томас понизил голос:

– В общем, они – гуманоиды...

– Да! – перебил Арриго. – Внеземного происхождения!

Девидсон усмехнулся:

– Понятно, что внеземного. И они управляют материей на всех существующих уровнях. По сути, они – всесильны, и в силу своих способностей пребывают в сознании каждого.

Над столом воцарилось молчание – достаточно продолжительное. Дрова в каминах потрескивали. Томас длинными пальцами подвигал на столике перечницу.

– Любопытно, – сказала Верона, взглянув перед этим над Джошуа, что так и корпел над квадратиками, причём – безуспешным образом. – Марвенсен упомянул их, когда мы с ним разговаривали. Так – в двух словах, не больше. Они – эртаоны, правильно? «Эртаоны» – самоназвание?

Аримани кивнул:

– Вот именно!

– И как широко их влияние?

Томас раскрыл бумажник:

– Валюта уже поменяна. У меня были фунты стерлингов, а теперь – берсеконы, пожалуйста. Такого примера достаточно?

– Вполне, – улыбулась Верона. – И Виргарт ещё заметил, что они представлены уровнями...

– Да, – сказал Томас, – верно. У них – своя иерархия. Во главе пребывают Создатели – Эркадор со своими Советниками. Советники – Артвенгары. Их у него двенадцать...

Маклохлан решил вмешаться и повернулся резко, двинув журнальчик в сторону:

– Джентльмены, хочу напомнить! Эти темы не обсуждаются! Мисс Блэкуотер, вернитесь, пожалуйста! Вы увлеклись разговорами!

– Ну нет, – усмехнулся Томас, – эти темы «не обсуждаются» не нами, а арвеартцами.

Верона вернулась к стойке. Как только она уселась, астролог прочистил горло и снизил голос до шёпота:

– Я сожалею, конечно, но темы такого рода действительно здесь не приняты.

– А почему, простите?

Маклохлан ответил нервно:

– Создатели – высшая сила. Из соображений этики.

Верона скользнула взглядом по барным полкам с бутылками – коньяками, виски, ликёрами – новыми – неоткупоренными, неясно кому предназначенными. Взгляд её сконцентрировался. От глаз, замерцавших ярко, ощутимо повеяло холодом:

– Сэр, я всё понимаю, но, может быть, вы поделитесь? Может быть, вы расскажете мне? Самое незначительное. Что-нибудь общеизвестное...

Джошуа, чьё сознание оказалось под страшным прессингом, потерял над собой управление и предложил с готовностью:

– Ну раз вы об этом просите!

– Вы пользуетесь «Минотавром»?

– Да, – сказал Джош. – Вы заметили?

– У вас это с чем-нибудь связано? С какими-то воспоминаниями?

– Нет, мисс Блэкуотер, не связано. Мне просто его посоветовали. Господин Эртебран, проректор. Кажется, в мае месяце. У нас как раз год заканчивался, и я уезжал на каникулы. Я купил флакончик в Италии.

– Продолжайте его использовать. И что там у нас с эртаонами? Откуда они? Вы знаете?

Астролог развёл руками и ответил: «Таить тут нечего. Информация общедоступная». Затем он извлёк сигареты – бело-синюю пачку «*Парламента*», закурил и начал рассказывать:

– Они – из другой галактики. Это мы знаем точно, но не вполне уверены, из какой галактики именно. И они, как вы понимаете, могут перемещаться на огромные расстояния. Трансгрессия, телепортация – это всё из числа их способностей. К тому же они в состоянии проходить через измерения. И в начале седьмого века по нашему исчислению они выбрали то измерение, где разумная жизнь не развилась, отобрали из нашего мира несколько тысяч девушек, затем их осеменили, на свет появились мальчики, им опять подобрали девушек, затем появились девочки и дальше никто не вмешивался в естественное развитие.

– Значит, мы в состоянии скрещиваться?!

– Да, – подтвердил Маклохлан.

– Получается, все арвеартцы являются их наследниками?!

Джошуа затаился, выпустил дым и ответил:

– Да, мисс Блэкуотер, являются. Но арвеартская раса никак до них не дотягивает – ни умственно, ни физически. Мы для них – кроманьонцы, простите за выражение.

– Хорошо хоть не питекантропы.

Джошуа ухмыльнулся, вытащил из кармана портативного типа пепельницу, откинул фигурную крышку и постучал сигаретой по краю изящной коробочки.

– А цель? – спросила Верона. – Создание цивилизации? Расширяют свои территории или просто экспериментируют?

Профессор захлопнул пепельницу – достаточно нервным движением. Крышечка звонко щёлкнула, а сам он ответил:

– Не думаю! Возможно, экспериментируют, но не в научных целях! Насколько мы понимаем, цели у них иные...

– Попытка воспроизводства?

– Да. Что-то вроде этого, но пока она не сработала. Их раса сейчас представлена только одними мужчинами. То есть не вся их раса, а несколько миллионов. В точных данных мы затрудняемся. Деталей никто не знает, но известно примерно следующее. На заре их цивилизации группа первопроходцев оказалась случайно отрезанной от собственного измерения. Из-за мощной магнитной бури у них там случилось смещение в заданных ими параметрах. Восстановить параметры возможным не представляется. Вариантов бессчётное множество. Позже они научились делать порталы стабильными, но вернуться в своё измерение – это выше любых их возможностей.

– Мой бог... – прошептала Верона.

– Мисс Блэкуотер, не надо расстраиваться. Возможно, мы ошибаемся. Возможно, однажды, со временем, что-нибудь да получится.

– Больше они не скрещивались?

– Они сами? Нет, по всей видимости. А их дети от первого скрещивания и поныне живут и здравствуют и продолжают скрещиваться, но только не в Арвеарте, а за его пределами.

– Сэр, вы сейчас говорите...

– Да, – сказал Джош, – они самые. Эртаоны третьего уровня, известные как «Наблюдатели».

– И с кем они у нас скрещиваются?

Профессор, слегка помедлив, затушил свой окурок в пепельнице, зачем-то понюхал пальцы, скривился, сказал: «Подделка. Табак низкосортного качества», – и наконец ответил:

– С теми, кто им понравится.

– О нет... – прошептала Верона, уже холодея внутренне – от пришедшего к ней понимания.

– О да! – сказал Джош. – Представьте себе! Вы никогда не задумывались, откуда у вас способности? Всё это очень просто. Наши отцы – Наблюдатели. Мы все – эртаоны на четверть. Все наши альтернативщики и сами мы непосредственно.

Через пару секунд он воскликнул: «Мисс Блэкуотер, стойте! Куда же вы?!» Верона, не реагируя, быстро прошла мимо столиков и троицы первокурсников, толкнула створку ладонями и бросилась прочь – рыдая, проникаясь страшным отчаянием, проникаясь вспыхнувшей ненавистью – к эктору Генри Блэкуотеру, эртаону третьего уровня.

– А где находится Англия?!

– Англия – за океанами.

– А когда мы поедem к папе?!

– Он сам к нам приедет когда-нибудь...

«Проклятье... – подумал Джошуа. – Зря я сболтнул ей лишнего. А с другой стороны – всё правильно. Правду скрывать бессмысленно. Пусть не сегодня-завтра, но она с этим свыкнется как-нибудь...»

* * *

Виргарт возник на Abbey, когда Джошуа нервно расхаживал – от старой двери с колокольчиком – взад и вперёд – до улицы. После обмена приветствиями, более чем приятельскими, профессор поведал Марвенсену о сложившейся ситуации и затем резюмировал фразой:

– Положение просто критическое! Ты знаешь, как она выглядит! Давай отправляйся искать её!

Отправив Вирго на поиски, астролог прошёл в туалетную – тёплую и уютную, где умылся, тщательно вытерся и примерно с минуту, не меньше, изучал своё отражение, мрачно осознавая, что хочет остаться в Дублине и послать всё к чёртовой матери. Марвенсен в это время, призвав на помощь способности, вдобавок к обычной логике, двинул в левую сторону, мимо арок и магазинчиков, и через три квартала увидел Верону на лавочке, на перекрёстной улице. Подойдя, он присел с ней рядом, проследил, как она высмаркивается, вытирает глаза – слезящиеся, и спросил наконец: «В чём дело?» – находя её состояние если уж не критическим, то достаточно близким к этому. В ответ она огрызнулась:

– Ни в чём! Это вас не касается!

– Хорошо, – согласился Виргарт. – Можешь и не рассказывать, но дальше тянуть уже некуда. Портал без нас не откроется. Уже все собрались практически. Нет только Джинны Уайтстоун, но она извечно опаздывает.

Верона, не отвечая, закурила *Capri* – последнюю, а опустевшую пачку отправила в урну поблизости. Так протекла минута. Виргарт вздохнул:

– Ну ладно. Не подставляй Маклохлана. Он и так уже весь издёргался.

– Плевала я на Маклохлана!

– Прими это всё, как должное. Для тебя это шок, естественно...

Верона оборвала его:

– Тема не обсуждается!

– Хорошо, – согласился Марвенсен. – Пошли перекусим где-нибудь. Я не успел позавтракать.

Минут через пять после этого он уже покупал себе сэндвич с холодной копчёной бараниной, а Верона – салат из фруктов и кофе – двойную порцию. Разделив с ней высокий столик, Виргарт молчал с минуту, но, умяв половину сэндвича, решился сказать о Джошуа – с целью развеять молчание:

– Кстати, экдор Маклохлан запал на тебя, по-моему.

– Предлагаете сделать суггестию?

– Предлагаю к нему приглядеться. Он – прекрасный скрипач, между прочим. И прекрасный лингвист вдобавок. Знаток японской поэзии. Одним словом, если захочется чего-нибудь романтического... Правда, есть ещё старшекурсники, но Маклохлан вне конкуренции.

– Даже так? – ухмыльнулась Верона. – «Чего-нибудь романтического»? Моста Мирабо, к примеру? Или трюфелей и шампанского?

– Шампанского однозначно, – ответил смятенный Марвенсен. – То есть я не конкретизировал. Я просто хотел сказать тебе, что он – человек с талантами.

Верона повторно хмыкнула: «Я уже это заметила! Человек с большими талантами, начиная с математического!» На этом их завтрак закончился. Ощущая себя разбитой, уставшей до крайней степени, она допила эспрессо и направилась вслед за Марвенсеном, с прежним чувством обиды и горечи – с прежними – страшными мыслями: «Отец, как ты мог оставить нас? Ты предал нас, получается. И не в финансах дело, а в том, что мама отчаялась. В том, что она любила тебя...»

Их появление в пабе было встречено общим молчанием. Томас вздохнул облегчённо. Арриго, слушавший музыку – «*Концерт для трубы*» Торелли, подумал: «Кажется, справилась. Нагрузка, конечно, страшная, чисто психологически». Маклохлан сперва собрался подойти

и сделать внушение, но передумал тут же, представив её реакцию: «Зануда он в высшей степени», – и просто кивнул им издали. Остальные альтернативщики уставились на Верону примерно с той же реакцией, что однажды возникла у Виргарта, когда он впервые увидел её – в Гоэр-Двере, при встрече с Гренаром. Пройдя с ней к свободному столику, он объявил:

– Внимание! Это – Верона Блэкуотер, наша новая первокурсница! Выпускница иргарской школы! Из Гамлета, штат Калифорния! Долго была в дороге и прошу не дёргать поэтому! Если кто-то хочет представиться, то делаем на расстоянии!

Представился только Джимми – ещё один первокурсник – развязная личность с дредами и наглой физиономией:

– Джеймс Брайтон! Я из Голландии! Надеюсь, Блэкуотер, ты в курсе, где она расположена?! Могу подсказать, что не в Африке! Там только её колонии! Я имею в виду – экс-колонии! Слышала о масаях?! Они – мои дальние родственники!

Тут колокольчик звякнул, прерывая его излияния, и в проёме возникла Джина – прекрасная, рыжеволосая и очень нарядно одетая – в красный джемпер ажурной вязки и чёрного цвета юбку – вязаную, до щиколоток, и с вышивкой в виде розочек. Маклохлан закрыл судуку и спросил с бесконечной язвительностью:

– Мисс Уайтстоун? Опять с опозданием? И какое у вас оправдание? Землетрясение в Нурланде? Цунами в Ирландском море? Или ольстерские террористы захватили вас в виде заложницы?

Брайтон расхохотался:

– Землетрясение в Нурланде! Я помню! Это – из «Карлсона»!

Джина, застыв у входа, решила хранить молчание.

– Я жду! – произнёс астролог. – Мне любопытно, поверьте! Почему вы всё время опаздываете?! Вы же всех постоянно подводите!

Прошло секунд пять примерно. Профессор, с глубоким вздохом, означавшим, что ждать бессмысленно, направился к тому столику, где сидели Верона с Марвенсенем, а к Джине в ту же секунду подошли её однокурсники – её главный поклонник Матио, староста Лазариди и Гийом – лионец из Франции. Верона, глядя на Джошуа – узколицего и заросшего, вдохнула в себя «*Минотавр*» и подумала: «Он мне нравится. Я не буду делать суггестию. И пусть он в меня влюбляется. Он – мятый, небритый, подвыпивший, но он – человек – обычный, и это в нём самое главное...» Маклохлан одёрнул свитер, раз в десятый сказал себе мысленно: «Идиот! Надо было побриться! И одеться приличным образом!» – и, скосившись на стул – свободный, приглушённо спросил:

– Вы позволите?

«Бедный Джош, – констатировал Марвенсен, наблюдая, как Джош закуривает – не своим устоявшимся способом, а слишком сильно затягиваясь, слишком резко чиркая камушком; как, боясь смотреть на Верону, отворачивается в сторону. – Бедный Джош. Он пропал, по-моему. Она что – совсем ненормальная?! Ведь надо же суггестировать, пока всё это в ранней стадии...»

– Мисс Блэкуотер, запомните следующее, – решил сказать профессор. – Приветствуя эртаонов, мы не кланяемся по-обычному, а сначала встаём на колени и затем склоняемся к полу. Упор на локти с ладонями. Выражаем свою покорность, пока с нами не поздороваются. И также прошу запомнить, что когда мы к ним обращаемся, то слова «экдор» недостаточно. «Великий Экдор», не иначе. И в лицо им смотреть не стоит. Это можно делать формально, но в ваших же интересах не видеть их лиц, понятно? Пока вы к ним не привыкните, что случится не скоро, я думаю. Их внешность – большая нагрузка для человеческой психики. Вернее, для женской психики. Могу сказать, для сравнения, что ваша внешность, простите, тоже нагрузка для психики и тоже требует времени, чтобы к ней адаптироваться...

– Вот как? – спросила Верона, не скрывая иронии в голосе. – Посмотрю и влюблюсь безумно, исходя из предупреждения?

И Маклохлан, и следом Марвенсен позеленели от ужаса: Виргарт – с невольной мыслью, что Верону дезинтегрируют, а Джошуа – с ощущением, что стены вокруг качаются. Так протекла минута, доносившая смех, разговоры, крики Джеймса Брайтона: «Уайтстоун, хочешь батончик? У меня тут есть ананасовый!» Верону не дезинтегрировали. Сама она в эту минуту наблюдала за Томасом Девидсоном, окружённом толпой старшекурсников, что однозначно выказывали нескрываемый интерес к нему. Виргарт перекрестился и прошептал: «Помиловали». Джош затушил сигарету о крышку карманной пепельницы:

– Да. Влюбитесь, разумеется, а это, как вы понимаете, ничем хорошим не кончится. Примеры у нас имеются...

– Нет, – возразила Верона, – боюсь, что не понимаю. Сэр, я мечтаю влюбиться, тем более – в гуманоида, так как здесь мне влюбляться не в кого. Тем более – если учитывать текущую ситуацию.

Джош, с мыслью: «Помимо Лээста», – сделал вид, что не слышал этого, и закончил свои пояснения:

– Они здесь обычно присутствуют, но сегодняшний день – особенный. И, кроме того, возможно, что кто-то из них находится на той стороне портала, поэтому не забывайте о формальной части приветствия.

– Не волнуйтесь, – сказала Верона. – Забывчивость мне не свойственна.

«Проклятье! – подумал Джошуа. – Такие способности в женщине – это бомба с замедленным действием, и пружина уже раскручивается».

В кирпичной стене у бара проявилась арка – высокая, и дверь из тёмного дерева с искусной резьбой по центру в виде лозы – виноградной, с круглыми спелыми ягодами. Астролог поднялся с места:

– Господа-студенты, внимание! Шлюз уже открывается! Приготовились к переходу! Начинаем с первого курса! Аримани, Брайтон, Маккафрей, мистер Девидсон, не затягиваем!

Джимми рванулся к арке. Следом прошёл Арриго. Томас сказал старшекурсникам: «Обсудим вопрос на Паруснике», – и направился к барной стойке, чтобы взять там рюкзак Вероны, оставленный возле стульчика. У двери с виноградными гроздьями он оказался третьим – наперёд Эамона Маккафрея, что подошёл четвёртым, подъезжая по ходу булочку – предпоследнюю из имевшихся, а Верона, покинув Виргарта, дополнила их компанию – со словами: «Портал в пивнушке. Возникает ассоциация».

– Хе-хе! – засмеялся Брайтон. – С этим, с Поттером, что ли?! В таком случае, ты – Гермiona, я – Гарри, Маккафрей – Нейл, Девидсон будет Уизли, Арриго пусть будет Малфоем, а Крючконосый – Снейпом, с этими чёрными патлами!

– Да, – произнёс Аримани, – Маклохлан – Снейп, разумеется, но ты, извини, не Поттер. Ты – как раз Малфой, классический, со всеми твоими замашками.

– Чего?! – возмутился Джимми. – Какими такими «замашками»?! Аримани, ты чё наговариваешь?!

– Брайтон, уймись, придурок, – тихо потребовал Девидсон. – Мы на портале, по-моему. Веди себя соответственно.

– Хе! – ухмыльнулся Джимми. – Давай-ка мне не указывай! Последнее, что мне нужно, это слушать твои наставления! Для моего достоинства подобное унижительно! Моего мужского достоинства! Так что можешь заткнуться в тряпочку!

Девидсон стиснул челюсти и отвернулся в сторону. Эамон, поперхнувшись крошкой, на несколько раз прокашлялся, а Арриго спросил – поражённый: «Брайтон, ты что?! Рехнулся?! Ты обкурился, наверное?!» – на что Джимми ответил тут же:

– Хотите совет на будущее?! Я, между прочим, знаю всю вашу подноготную, так что лучше меня не трогайте, чтобы потом не раскаиваться!

Верона, решив вмешаться, достаточно резко заметила:

– Ты – Петтигрю, не более! До Малфоя ты не дотягиваешь!

Джимми тут же парировал:

– А тебя, иртарская выскочка, пока что никто не спрашивает! Я вообще удивляюсь, с чего вдруг тебя зачислили! Сомневаюсь, что за способности! За смазливую рожу, видимо!

Эамон прошептал: «Создатели...» Верона взглянула на Томаса, который на ту секунду опять повернулся к сокурсникам. Лицо его посерело:

– Ещё одно слово, Брайтон, – процедил он с холодной ненавистью, – и я забуду об этике.

– Рискни, – засмеялся Джимми, – и расстанешься с Академией!

– Смотри, как бы сам не расстался, – сказала Верона глухо, с устрашающим выражением – беспощадным в своей экспрессии, толкнула створку – поддавшуюся, и вошла в темноту за дверь, под окрик астролога: «Стойте!» – и брайтоновское: «Придурушная! Вот ей сейчас достанется!» Створка резко захлопнулась. Щеколда – не внешняя – внутренняя – закрылась с тяжёлым лязганьем. Маклохлан бросился к двери, надавил на неё всей тяжестью, крикнул: «Верона, где вы?!» – хотя понимал прекрасно, что Верона уже находится в совершенно ином измерении, и, поскольку дверь не открылась, достал из кармана курево ощутимо дрожавшими пальцами. С минуту длилось молчание – глубокое и тяжёлое. Эамон озирался беспомощно. Томас думал: «Прямое вмешательство. Перекрыли портал намеренно. Возможно, им просто хочется встретить её без свидетелей...»

– Арверы, – сказал Маклохлан, – прошу оставаться в группах. Скоро портал откроется. Ситуация нестандартная, но, как вы прекрасно знаете, в Арвеарте возможно всякое...

* * *

Как только створка захлопнулась, а щеколда, закрывшись, лязгнула, пространство – до этого тёмное, вдруг залило сиянием. Верона, выждав мгновение и сказав себе: «Дело привычное», – направилась коридором с простыми кирпичными стенами, по полу с истёртыми досками, под потолком – высоким, рустикально заштукатуренным, через время – несуществующее, через толщи пространств – спрессованных – не имеющих расстояния, и когда свечение – синее – вдруг померкло, сгустившись сумерками, прошептала: «Проход заканчивается...» Дверь в конце коридора – дубовая, с идентичной щеколдой – бронзовой, была уже арвеартской – не той, что осталась в Дублине. Подняв язычок щеколды, Верона взялась за ручку, бесстрашно открыла створку, вошла – в тот же паб как будто бы – с тем же запахом кофе и пряностей, с каминами, ярко пылающими, с весёлым пламенем в факелах, и сразу – ошеломлённая – замерла, не справляясь с увиденным – не выдерживая сознанием. Виновный в её ощущениях – безумных – тех, что обрушивались, поднялся со стула стремительно, кинулся к ней навстречу и, обхватив её крепко, предупредил падение. Она подняла к нему голову и прошептала с усилием, исполняясь стыдом – безмерным, вперемешку с иными чувствами – ранее ей неведомыми – пьянящими и эйфорическими:

– Великий Экдор, простите...

Он улыбнулся мягко:

– Нет, экдор – хорошо, разумеется, но «великий» здесь явно лишнее. «Мой экдор» – в приватном общении. Поняла, моя драгоценная?

Верона вздохнула судорожно и глядя в лицо – прекрасное, в глаза – глубокие – синие, отражавшие пламя факелов, прошептала:

– О нет, не может быть...

Экдор Эртебран отпустил её, поправил ей чёлку пальцами – слишком уже отросшую, и произнёс: «Ты плакала?» Верона кивнула молча, силясь хоть как-то справиться со своей на него реакцией, вскипятившей в ней кровь за мгновение, и уже понимая внутренне, что сопротивляться бессмысленно; что теперь она – в том состоянии, в каком оказалась Режина, встретившись с Генри на «Гамлете». Сам Лээст, естественно, чувствуя, насколько она взвол-

нована, насколько она проникнута ощущениями и эмоциями, старался в эти мгновения держаться как можно спокойнее, но выдал себя – и голосом с неровными интонациями, и пальцами – чуть подрагивающими, и сбившимся вдруг дыханием. Его на неё реакции вышли из-под контроля, лишая его возможности обставить их встречу – первую – по намеченному сценарию. Осознав, едва ли не с ужасом, что видеть её астрально, видеть на фотографиях и общаться с нею физически, ощущать её всеми сенсорами – совсем не одно и то же, и её красота, по сути, – красота за гранью возможного, он осознал иное – что вступает в права владения и для него это будет не просто большой ответственностью, а комплексом – крайне сложным и проникнутым противоречиями.

– Что случилось? – спросил он. – Рассказывай. Полагаю, причина в Джошуа? Он мог сказать тебе лишнее, попав под твоё влияние. И объясни перед этим, почему ты одна, без матери? Насколько я понимаю, она ещё не приехала?

Верона, залившись краской, пролепетала:

– Вы знаете, там что-то случилось с дедушкой... то есть с моим прадедушкой... Он случайно свалился с лестницы и теперь он не может двигаться... то есть временно, разумеется.

Лээст потёр переносицу – в явном недоумении, кивнул на один из стульев, расстегнул макинтош на все пуговицы, переколол заколку, собиравшую в хвост его волосы, и достал платок из кармана, комментируя свои действия:

– Здесь становится жарко, по-моему. У тебя там круги от туши. Я их вытру. Давай присаживайся.

Верона села – пылающая. Проректор, недолго думая, скомкал платок, смочил его – прижав к языку на мгновение, и стал оттирать ей пятна. Так протекла минута – минута предельной близости, настолько её возбудившая на гормональном уровне, что она едва не заплакала – от стыда за своё состояние, на что он сказал:

– Позволь-ка... Я, конечно, не стал бы вмешиваться, но, боюсь, ты опять разрыдаешься.

Где-то через минуту Верона – безмерно смятенная по факту стабилизации, вдруг ощутила раскаяние – из-за вранья о матери:

– Эктор, я должна сказать вам...

Лээст присел напротив и с улыбкой сказал: «Я слушаю», – в такой сердечной тональности, что она, подумав: «О господи... Я не должна огорчать его», – не осмелилась на признание:

– Нет, мой эктор, простите. Это – не важно, наверное.

– Нет, – возразил он, – важно. Говори, моя драгоценная.

Ей снова пришлось выкручиваться. Глаза её покраснели. Обида, немного угасшая, нашла себе выход заново:

– Я узнала об эртаонах, и ещё меня информировали, что отцы у альтернативщиков – эртаоны третьего уровня, и они то и дело скрещиваются... И папа скрестился с мамой... – выдав эту сентенцию, Верона горестно всхлипнула, вытерла слёзы пальцами и, слегка запинаясь, добавила: – То есть отец нас обманывал. Просто бросил нас, понимаете?..

Эртебран побледнел – заметно:

– Папа... скрестился... с мамой? – повторил он осевшим голосом. – Папа... скрестился... с мамой?! «Скрестился» – термин Маклохлана?!

– Мой, – прошептала Верона, – но профессор им тоже воспользовался.

Проректор секунду-другую размышлял над теми вопросами, что касались не сколько будущего, сколько прошлого – неизменяемого, в результате чего поднялся, сжал ей плечи ладонями и тихо сказал:

– Послушай, кем бы ни был эктор Блэкуотер – человеком ли, эртаоном, ты не должна сомневаться ни в его любви к твоей матери, ни к тебе самой, соответственно. И чтобы ты знала на будущее – эртаоны в моральном плане намного опережают всех тех, кто является смертными. К этому их обязывает собственное бессмертие...

* * *

На другой стороне портала щеколда пришла в движение, и дверь с виноградными гроздьями приоткрылась – на дюйм или около. Это увидел Джимми и крикнул: «Шлюз открывается!» Маклохлан – бледный, страдающий, объявил подопечным: «Внимание! Я должен пойти и выяснить, какая там ситуация! Минут через пять, пожалуйста, начинаем перемещение! В шлюз проходим по курсам! Ответственный – Виргарт Марвенсен!» На этом – готовый к худшему – к тому, что альтернативщица наказана за непочтительность, он проник в коридор за дверью и минуту спустя обнаружил, что беспокоиться не о чем – мисс Блэкуотер была с проректором – живая и невредимая. Джош прошептал: «Слава богу...» – но тут же дрогнул от ужаса, осознав, что ладонь Эртебрана лежит на плече первокурсницы. По истечении паузы, возникшей невольным образом, Лээст спросил с улыбкой:

– Объясните, ардор Маклохлан, как вы смогли оставить вверенных вам учащихся?

Джошуа, потрясённый эртебрановским поведением – даже не сколько вольным, сколько буквально кощунственным, ответил: «Прошу простить меня. Я взял на себя ответственность оставить их с Виргартом Марвенсеном. Я просто хотел убедиться, что рэа Блэкуотер в порядке и её не дезинтегрировали».

– Неужели? – спросил проректор. – А теперь приведите, пожалуйста, хоть один пример из истории по части дезинтеграции. Эртаоны, ардор Маклохлан, отличаются крайней гуманностью. Не надо пугать студентов глупыми суевериями. Арвеартцу бы было простительно, с их бесконечной набожностью, но лично вам – я не думаю.

– Эктор Эртебран, простите, – смиренно ответил Джошуа, – но просто мне показалось, что, поскольку рэа Блэкуотер пока что не подготовлена к общению с эртаонами, то, в случае их присутствия, я имею в виду – визуального, могла бы возникнуть нежелательная ситуация...

– Которую вы в результате решили предотвратить?

«Предотвращать уже поздно, – невольно подумал Джошуа. – Её она встретила первым, и случилось самое страшное...» Молчание затянулось. Глаза у проректора сузились. Астролог тут же почувствовал, что ему не хватает дыхания. Он прохрипел через силу:

– П-приношу свои извинения...

Эртебран прекратил воздействие и велел в бесстрастной тональности:

– Ардор, выполняйте, пожалуйста, свои прямые обязанности. Что до всего остального, то помните, где вы находитесь и кем вы при этом являетесь, и ведите себя соответственно. Остальное вас не касается.

Джошуа поклонился – униженный в высшей степени. Именно в это мгновение Марвенсен крикнул: «Внимание! Брайтон, умерь эмоции! Томас, первым, пожалуйста! Маккафрей, забыл бейсболку! Третий курс, передайте кепку! Второкурсники, не наваливайте...»

* * *

Когда стрелки на часах Джини указали на восемь одиннадцать, Лээст, встречавший студентов, поздоровался за руку с Виргартом и объявил:

– Арверы, покидаем портал по курсам! Быстро распределяемся! Уайтстоун, прошу с первокурсниками! И местное время, кстати, двадцать минут девятого!

Джина, невольно ахнув, принялась подкручивать стрелочки, а Марвенсен, снизив голос, тихо сказал проректору, что на той стороне портала Верона сильно расстроилась, в результате сбежала на улицу и что он кое-как отыскал её и обнаружил зарёванной. На это Лээст ответил, что в курсе происходящего.

– Эктор, – подскочил к ним Джимми, – а вы, случайно, не знаете, почему эртаоны отсутствуют?! С чем это может быть связано?! С ослаблением их влияния?!

Проректор слегка опешил, но вспомнил характеристику из школьного файла Брайтона – отнюдь не комплементарную, и с мыслью: «Мы отшлифуем», – ответил нахалу фразой:

– Ардор, потрудитесь запомнить одно золотое правило. Нельзя прерывать беседующих, не принося извинения. И хочу напомнить другое — *эта* тема не обсуждается.

Джимми воскликнул: «Простите!» – и быстро сместился к выходу.

– Да уж, – вздохнул проректор, – с этим фруктом мы точно намаемся.

– Факт, – согласился Виргарт. – Как ваша модель? Заканчиваете?

Лээст кивнул с согласием:

– Остался один показатель. Самый главный. Выведу к августу.

Семикурсник вздохнул с тревогой и посмотрел на Джошуа. Профессор сидел за баром. Лицо его было хмурым, правая бровь подёргивалась. Верона сидела рядом и решала его sudoku – вернее, уже решила, поскольку на ту секунду возвращала журнальчик астрологу. Маклохлан, с кривой ухмылкой, сунул журнальчик в сумку и пошёл выводить первокурсников, выполняя свои обязанности. Таким образом, первыми вышли: астролог – крайне подавленный, Джина – в мечтах и надеждах романтического характера, Арриго – опять в наушниках, Джимми – с коварными планами подсунуть Томасу «пукалку» или ампулу с серным запахом и Томас с двумя рюкзаками – коричневым и оранжевым. Следом прошли второкурсники и далее – все по очереди, вплоть до седьмого курса во главе с опечаленным Марвенсенем. Эамон, застрявший у арки – из-за собственной нерешительности, был обнаружен проректором и препровождён на выход с напутствием быть решительнее:

– Смелее, смелее, юноша! – сказал Эртебран, посмеиваясь.

Как только Маккафрей вышел, а Лээст – ещё улыбающийся, прислонился к стене – между факелами, Верона встала со стула, быстро прошла мимо столиков и замерла напротив.

– Ну как ты? – спросил он. – Лучше? Утрясается потихонечку?

Она опустила голову, опять не справляясь – физически – ни с его красотой, ни с чувствами – теми, что он спровоцировал – глубокими и безудержными. Эртебран протянул к ней руку, положил на плечо, привлёк к себе – хрупкую и дрожащую, и прошептал: «Мы вместе. Это – самое главное. Сейчас это самое главное...» – а Верона, крепко зажмурившись, перестала дышать от волнения – вновь её окатившего, жаркого и пульсирующего. Проректор погладил ей волосы – от узла, высоко подколотого, – до косточек позвоночника, и прошептал:

– Ты знаешь, я должен сказать тебе кое-что...

Признание было прервано – просигналившим деквиантером. Со словами: «Прости. Секундочку...» – он чуть двинулся в сторону и ответил:

– Папа, я слушаю... Нет, ещё нет... Разумеется... Посмотрим по обстоятельствам... Да... Хорошо... Сегодня же... Нет, ожидаем Парусника...

Послышалось звонкое треньканье. Дверь отворилась, скрипнув, и заглянувший Джошуа прервал их уединение – само по себе недолгое, но много чего засвидетельствовавшее в аспекте вопросов будущего:

– Простите меня, пожалуйста, но фрегат уже приближается...

* * *

Покинув портал вслед за Лээстом, Верона – недоумевающая – по части его изречения: «Нет, ожидаем Парусника», – и фразы экдора Маклохлана: «Фрегат уже приближается», – увидела небо – синее, такое же яркое море – закатное, в красных подпалинах, и плывущий вдали по небу прекрасный огромный трёхмачтовик. Картина – сюрреалистичная, связалась в её сознании с тем обещанием Джона, что было дано в реальности, совмещённой с другой реальностью: «Следующая встреча превзойдёт твои ожидания...»

Проректор остановился:

– Смотри, – произнёс он, – корабль. Такой мы зовём «фрегатом», хотя сходство, конечно, условное. Но парусник – настоящий. На нём, согласно традиции, они доставляют до Замка студентов-альтернативщиков.

– Эртаоны? – спросила Верона.

– Да, – подтвердил проректор.

– А где мы? На уровне Дублина?

– Нет, мы гораздо севернее. И к северу от Игеварта. До города семь энкатеров. Место, как видишь, красивое, но иногда слишком ветреное, – последнее было добавлено, поскольку Верона прищурилась, а полы плаща его – длинного – распахнулись в разные стороны. – Очки бы не помешали, – высказал он в заключение, параллельно начав застёгиваться. – Ты привезла какие-нибудь?

Оторвавшись глазами от Парусника, Верона смущённо ответила:

– Эктор Эртебран, вы знаете, я ими как-то не пользуюсь. То есть не слишком часто. Они у меня ломаются.

– Понятно, – сказал проректор, застегнув свой плащ на все пуговицы, – но вот эти не поломаются...

«Эти» очки оказались тёмного цвета полоской с красивыми узкими дужками, инкрустированными бриллиантами – чёрной сверкающей россыпью.

– Вот, – сказал Лээст, – надень их и носи в своё удовольствие.

– Нет! – отказалась Верона. – Эктор Эртебран, простите, но такие вещи не дарятся!

– Нет, возьми. Я настаиваю. Очки здесь – необходимость, с учётом полётов на Ястребах. Возражать Эртебрану вторично Верона уже не осмелилась. Очки, как сразу же выяснилось, обладали тремя достоинствами – они приглушали яркость, высветляли все затемнённое и прибавляли резкости предметам на расстоянии.

Марвенсен и Маклохлан, наблюдавшие сцену издали, обменялись короткими взглядами.

– Эртебран рискует по-крупному, – откомментировал Джошуа в наиболее мрачной тональности. – И, кстати, я не сказал тебе. Я тут успел рассчитать на него... самую приближённую. Данных, увы, недостаточно.

– И что? – спросил Виргарт. – Вписывается?

– Верона? Естественно, вписывается. У него появляется женщина, и в августе всё заканчивается невообразимым хаосом. После августа не просчитывается.

В тот момент с подлетавшего Парусника послышались звуки – чудесные – высокие и протяжные.

– Это – рог, – пояснил проректор. – Эртаонский сигнал прибытия. Каждый раз, когда я его слышу, внутри всё переворачивается.

Верона секунд пятнадцать зачарованно слушала музыку, а затем, прглядевшись, спросила:

– Там ведь корона на парусе? У них что, такая символика?

Эртебран прошептал: «Не может быть...» – но смог, напрягая зрение, разглядеть и корону со стрелами, и форштевень в хрустале – сверкающем, и стаксели на бушприте – не белые, а золотистые, в результате чего, теряясь, сначала шепнул Вероне: «Ты подходи к первокурсникам, надо уже выстраиваться», – а затем объявил:

– Внимание! Арверы, пожалуйста, слушаем!..

«Что за чёрт?! – удивился Джошуа. – Во время сигнала не принято... Неужели случилось что-нибудь?!»

Студенты умолкли разом, в полном недоумении. Проректор слегка прокашлялся и произнёс – торжественно, но с ощутимым волнением:

– Парусник, что мы видим, из эркадорской флотилии! Соответственно, форма приветствия отличается от привычной вам!..

Новость была шокирующей. Джимми вскричал: «Ни фиги себе!» – музыкальный Арриго присвистнул, Маккафрей в страхе зажмурился, а Томас шепнул Вероне:

– Фрегат одного из Создателей. Прецедентов в истории не было.

– Арверы, – призвал проректор, – прошу вас занять позиции!

Студенты, стоявшие курсами, отставили вещи в сторону, перестроились в ровные линии и замерли в ожидании. Звучание рога усилилось. Корабль стал разворачиваться, сверкая в закатном солнце – и золотыми символами, и светящимися кристаллами. Борт прекрасного Парусника украшала корона из золота и огромная надпись – сияющая – из объёмных по виду символов – загадочных иероглифов, на что Джимми воскликнул:

– Wow! Это ж хрусталь! Риззгирский! На сто триллионов, как минимум!

Томас взглянул на Верону, чей взгляд был прикован к надписи. «Слово на эртаане, – информировал он вполголоса. – Мы немного знакомы с их письменностью, но толком не представляем, как он звучит в действительности». Сама она, констатируя, что точно же такая надпись была на бутылке «шампанского», служившей им лампой в Гамлете, подумала: «Джон, вы рядом? Ведь вы наконец проявитесь?»

– Модели подобных Парусников, – продолжал рассказывать Девидсон, – есть в каждом музее истории, но мы из смертных – единственные, кто увидел фрегат воочию.

– Да! – подтвердил Арриго. – Мы оказались первыми! Прецедентов до этого не было!

– Теперь попадём в анналы! – воскликнул Джимми с уверенностью.

Корабль, развернувшись полностью, замер – завис в отдалении, в полусотне метров от берега – во всем своём великолепии, с парусами, от солнца чуть розовыми, вызывая, помимо прочего, ощущение чуда – вершащегося – небывалого и невиданного. Мелодия рога – торжественная – достигла своей кульминации – по красоте и силе, и смолкла, растаяв в воздухе.

– Арверы, – сказал проректор, – выполняем форму приветствия Эртаона Первого Уровня, Величайшего из Великих, Сына Первой Звезды – Эркадора, и его Высочайших Советников. Первый курс, начинайте, пожалуйста...

Верона – крайняя в линии – стоящая слева от Томаса, повторила за ним его действия – те, что одновременно выполняли Арриго с Брайтоном и, встав на колени, как юноши, сместила очки повыше и опустила голову – лбом к каменистой поверхности. Эамон, преисполненный ужаса – от мысли, что Артвенгары – Великие Артвенгары – в курсе происходящего и видят его, возможно, – толстого и неуклюжего, бездарного и нелепого, склонился – последним в компании, и умудрился удариться. Следом за первой линией, представленной первокурсниками, форму приветствия выполнили студенты второго курса – гораздо более собранные, и так – постепенно – по очереди – остальные альтернативщики – с отрадной для Лээста слаженностью, на что он сказал:

– Прекрасно! Ардор Маклохлан, пожалуйста...

Джош, выполняя приветствие, опустился в фуге от Марвенсена и, не удержавшись, шепнул ему: «Пока не визуализируются. Берегут наши нервы, видимо».

– Подожди! – отозвался Виргарт. – Сейчас как возьмут да появятся!

– В жизни бы не подумал, что с нами случится подобное!

Пока они перешёптывались, Эртебран посчитал своим долгом произнести в завершение:

– Вознесём хвалу Эркадору, Сыну Первой Звезды, Всесильному, Величайшему из Великих – Эртаону Первого Уровня и его Высочайшим Советникам!

Затем он встал на колени и склонился – с теми идеями, что его объяснению в пабе могли помешать умышленно по причине такого события – более чем выдающегося: «Это в связи с юбилеем. Честь, конечно, невиданная. Объясниться придётся завтра. Хотя будет лучше, наверное, отложить до начала августа. Рассчитаю модель и скажу ей... Ось сместилась на три семнадцатых. Не нравится мне всё это... *Эркадору Великому слава...* Надеюсь, погрешность, не более. *И слава Великим Создателям...* Надо будет спросить у Джошуа...»

Верона в эти мгновения пыталась осмыслить главное, начиная со встречи с Джоном – той самой, месячной давности, и кончая короной и стрелами – простым лаконичным символом – слишком простым, казалось бы, для тех, кто правит материей на всех существующих уровнях: «Вот „паруса“ и „музыка“... Джон, вы точно появитесь? Папа, ты жив... прости меня... если бы я знала заранее... просто всё это так неожиданно... И экдор Эртебран... о боже мой... мама не преувеличивала: „Когда я его увидела, то чуть не упала в обморок...“ Я тоже чуть не упала... то есть упала бы сразу же, но он меня стабилизировал... Что он хотел сказать мне? Какой он красивый, господи... Такой же, как Джон, наверное... Долго нас телепортируют... Наверное, слушают каждого... Как они к нам относятся? Действительно как к „питекантропам“? Хотя нет, по-другому, естественно, поскольку мы их наследники... Символика очень странная... слишком уж человеческая... и все эти преклонения... „Сын Первой Звезды“, „Всесильный...“ как-то по-древнеегипетски... Аменхотеп Четвёртый... Хвала Эхнатону Великому и его Высочайшим Советникам...»

На секунду ей показалось, что земля вдруг стала проваливаться. Она вздрогнула от неожиданности и тут же услышала брайтоновское: «Блэкуотер, нас перекинули!» Открыв глаза – с убеждением, что «хвала Эркадору с Советниками» – не просто вопрос формальности, а требование – реальное, что мысли их контролируются и что сам Эркадор, вероятно, в курсе происходящего, она прошептала: «Простите меня», – и начала осматриваться. Двухуровневая палуба, канаты, бочонки, ванты, паруса в пол-неба – огромные. Эамон продолжал выкликивать:

– Эркадору-Властителю слава! Великому Эркадору! Сыну Первой Звезды! Величайшему! Всемогущему и Всесильному!

– Маккафрей, ну-ка вставайте! – обратился к нему Аримани, имитируя голос проректора, отчего Эамон подпрыгнул и стал озираться в ужасе, чем вызвал веселье у Брайтона и скептический взгляд у Девидсона.

Так потекли секунды. Томас хранил молчание. Эамон, обливаясь потом, бормотал: «Святые Создатели...» Джимми потрогал палубу и произнёс с уверенностью:

– Должно быть тик или лиственница.

– Нет, – возразил Аримани. – Это – риззгирское дерево. Эртаоны не стали бы пользоваться земными материалами. И, кстати, к слову о птичках... Они уже здесь, по-моему. Ощущаете их присутствие?

– Ощущаем! – воскликнул Джимми. – Блэкуотер, мурашки! Чувствуешь?!

Верона, глаза которой обращались к корме трёхмачтовика – самой высокой палубе, последнюю треть минуты, согласно потоку энергии, резко возникшему в воздухе, спросила: «Да неужели?!» – и посмотрела на Томаса, который сам, в свою очередь, перестал сканировать палубу и тихо сказал:

– Команда. Ребята, я предлагаю повторить процедуру приветствия.

Предложение было принято – от каждого с разной реакцией. Эамон повалился первым и вернулся к своим причитаниям: «Эркадору Великому слава!» Арриго кивнул с согласием, а Джимми, напротив, высказал:

– Кланяйся тут не кланяйся, им это всё до лампочки! Эй, подтверди, Блэкуотер, в Иргаре небось не кланяются и живут себе припеваючи!

Верона, вспомнив период, когда ей и другим первоклассницам приходилось разучивать книксены – разные виды книксенов на разные ситуации, выполнила приветствие одновременно с Томасом, всегда принимавшим решения, оптимальные по характеру, и никак на отреагировала на предположение Брайтона.

Через тридцать секунд примерно к грот-мачте телепортировали всех прочих альтернативщиков, а также – последним – Лээста, который, поднявшись быстро, осмотрелся с предельным вниманием и объявил после этого:

– Арверы, встаём, пожалуйста! Места вам известны, я думаю! Стараемся их придерживаться, но перемещаться по палубе в целом не возбраняется!

Не успел он закончить высказывание, как Джимми, воскликнув: «Мы первые!» – понёсся к правому борту и просунулся между вантами, в ожидании отправления. Томас и Аримани объединились с приятелями – студентами-второкурсниками. Верона сместилась к мачте – рассмотреть «ризгиррское дерево», насыщенное узорами и сверкающее вкраплениями – вероятно – тоже хрустальными, а все остальные студенты, исключая «сына Ирландии», а также Джину и Виргарта, перешли от центральной мачты на переднюю часть – закруглённую, с углублением по периметру. Отследив их перемещение, проректор, а с ним и Джошуа, встали у левого борта – рядом с двумя бочонками, подходящими для сидения. Джош вытащил сигареты, а Лээст спросил: «Как там в Дублине?»

– Да всё так же, – ответил Джошуа. – Я там пробыл до июля, а потом уехал в Австралию. Джон там жил, по последним сведениям, но я не сумел разыскать его.

Эамон кое-как поднялся и застыл в неподдельном ужасе, в результате чего Верона повторила совет проректора:

– Смелее, смелее, юноша! Пройдите к ардору Девидсону!

Эамон отправился к Томасу, пытаясь идти на цыпочках, дабы не пачкать палубу, а сама Верона, похмыкивая, направилась к Джине и Виргарту, что выбрали себе место у правого борта Парусника. Знакомство было оформлено улыбками и объятием. После обмена фразами – общими по характеру – Джина поправила волосы – красиво подвитые локоны, несколько растрепавшиеся, кинула взгляд на Лээста и спросила:

– Как ты осмелилась?! Виргарт тут поделился. Ты сама написала проректору?!

– Сама, – подтвердила Верона. – Положение было безвыходным.

– Да уж! – вмешался Марвенсен. – С твоим-то баллом по Эйверу?!

Эртаонский корабль тем временем ускорил своё движение и, рассекая воздух, устремился в южную сторону. Пока Джина, в своей манере, со свойственной ей медлительностью и достаточно долгим осмысливанием, расспрашивала Верону об Иртаре и Калифорнии, белые скалы вдоль берега неожиданно стали ажурными. Навстречу поплыли башни – гирляндой, причудливо вырезанной, с устремлёнными в небо шпилями и с прозрачными галереями. Марвенсен оживился и сказал с воодушевлением: «Наш Игеварт! Столица! Самый красивый город! Аналогов не имеется!» Верона не стала оспаривать, хотя пребывала в уверенности, что нет красивее места, чем Реевард в Иртаре, а Виргарт решил продолжить, бравируя компетентностью:

– Игевартская архитектура – дело рук Отцов-Прародителей. Его создали в первом веке. Технология уникальная...

Пока он просвещал своих слушательниц о строительных технологиях, корабль поднялся выше и белые башни города утонули в закатном мареве. Джина, слегка озябшая, достала из сумки пончо и быстро в него закуталась, на что Лээст подумал с тревогой: «Чёрт! Уже холодает! Верона, боюсь, замёрзнет! Эта курточка слишком лёгкая!» Джош, давно убедившийся, что проректор, не отрываясь, постоянно глядит в её сторону и в глазах его то и дело проявляются те эмоции, которых никто до этого пока ещё в нём не свидетельствовал, посчитал своим долгом отвлечь его:

– Я в июне чуть не женился, – поведал он в мрачной тональности. – Подвернулась одна красавица. Вроде бы скульптор, по-моему. Художник по декорациям.

– И что? – спросил Лээст. – Всё кончено?

– Ага, – ухмыльнулся Джошуа. – Застукал её случайно, ну и выставил после этого.

– С кем-то или за чем-то?

Маклохлан извлёк бумажник, помахал им с пренебрежением и ответил: «Пятнадцать тысяч! Взяла их без разрешения!»

– Бывает, – вздохнул проректор. – Хорошо, что заметил вовремя. Жениться всегда успеется.

«А лучше вообще не жениться...» – хотел было высказать Джошуа, но, покосившись на девушек, стоявших в компании Марвенсена, тоже вздохнул и промолвил:

– Если есть на ком, разумеется...

* * *

Через какое-то время Виргарт оставил красавиц и отправился к семикурсникам. Как только он отдалился – в направлении носа Парусника, Верона спросила тихо:

– Так что тут у вас с эртаонами? Я, конечно, была шокирована, когда узнала от Томаса, что Арвеарт был создан какими-то гуманоидами.

– Ты что?! – испугалась Джина. – О них говорить запрещается! Если узнает кто-нибудь, то нас отчислят сегодня же!

Верона, взглянув направо – на корму, уже затемнённую – оседавшими быстро сумерками, села на тёплую палубу и заметила саркастически:

– Между прочим, Маклохлан слышал, как мы о них разговаривали, но никак не отреагировал, так что я сомневаюсь в истинности подобного утверждения.

Джина сперва задумалась, но тут же нашла оправдание:

– Вы говорили в Дублине! Это – большая разница!

Верона, как в случае с Джошуа, осознав, что деваться некуда, кроме как применить суггестию, извинилась мысленным образом перед командой Парусника и спросила с прежней иронией:

– Ты действительно полагаешь, что мы никогда не будем обсуждать их каким-либо образом? Насколько ты в этом уверена?

Джина тут же воскликнула: «Уверена стопроцентно!» – но спустя секунду почувствовала, что на деле бояться нечего и что – больше того – Верона нуждается в объяснениях. Осознание этого факта, сопряжённое с тем обстоятельством, что Джина сообразила, что сможет найти в Вероне достойного конфиденанта по вопросам любого характера, изменило её отношение весьма кардинальным образом.

– А что ты о них узнала? – спросила она интонацией, означавшей её согласие.

– Только то, что они представлены какими-то разными уровнями. И ещё – что они прекрасны, и что мы для них – питекантропы. Маклохлан предупредил меня не смотреть на них по возможности.

– Так и есть, – подтвердила Джина, скосив глаза на астролога, чей вид вполне соответствовал термину «доисторический» – в силу его небритости, угрюмости и лохматости: – Они – как эктор проректор, но только моложе физически. Им всем – двадцать пять примерно, даже тем, кто третьего уровня.

Верона, стараясь не выдать возникшего в ней отношения – отношения к Эртебрану – переставшего быть платоническим и ставшего неуправляемым, спросила:

– А он – единственный? Я имею в виду... арвеартцы... Внешне они обычные или всё-таки есть исключения?

– Есть, – подтвердила Джина, – но они – такие, как Марвенсен. Вроде бы всё на месте, но если сравнивать с Лээстом... Чего-то им не хватает. Чего-то самого важного.

– Интеллекта, по всей вероятности. Интеллект, при прочих достоинствах, в мужчине самое главное.

Джина немного подумала, кинула взгляд на Томаса – с оценивающим значением, и спросила: «А как его выявить? Как ты, к примеру, вычислишь, что Томас умнее Брайтона? То есть интеллектуальнее?»

– Ничего вычислять не надо. Исходи из их поведения. Но мы отвлеклись, по-моему.

– Да! – спохватилась Джина. Глаза её засверкали от нервного возбуждения: – В общем, слушай! Самое главное! Арвеарт был создан искусственно! Говорят, эртаоны хотели воссоздать свою цивилизацию! У них там случилось что-то на межгалактическом уровне, они оказались без женщин и жили так очень долго, а потом они нас обнаружили и тогда они выбрали девушек! Самых красивых, считается, и забрали их в то измерение, в котором всё это создали!

Верона, внимательно слушая все эти пояснения, продолжала смотреть – не на Лээста, а на корму фрегата, и пыталась себе представить, каково это – быть бессмертными, и остаться вдруг одинокими, и отыскать случайно вполне подходящих для скрещивания красивых, но глупых девушек...

– И те, кто у них родился, тоже были мужчинами и это как раз и были эртаоны третьего уровня! Им опять подобрали девушек, а дальше всё уже было, как при обычном развитии! – выпалив это залпом, Джина чуть успокоилась, перевела дыхание, подтянула поближе сумку с монограммой *Prada Milano* и извлекла косметичку, чтобы немного подкраситься.

– Ясно, – сказала Верона. – Так значит, ты полагаешь, что из этой затеи с девушками совсем ничего не вышло? Всё было зря, получается?

Джина накрасила губы, невзирая на то обстоятельство, что в темноте – сгущавшейся – оттенки теряли значение, и ответила в новой тональности – теперь уже опечаленной:

– Ну да. Ничего, естественно. Они же нас игнорируют.

Верона, память которой воскрешала недавние образы Эрвеартвеарона Терстдарана – как он ходил, смеялся, пил «Гиннесс» и ел баранину, с азартом водил машину, бродил босиком по берегу, и давние образы Джона – как он поливал помидоры, расставлял на столе тарелки, рвал спелые сливы с веток, разбирал с ней схемы к конструкторам, объяснял, как рисуются лошади, учил, как делать мороженое, копался в моторе Форда, – тысячи разных образов, возразила:

– Не игнорируют. Мы для них – жизнь, Джина. Мы для них – самое главное. Ты никогда не думала, что «естественное развитие» с подачи такого рода – более чем искусственное? Эксперимент не закончен. Возможно, он только начат, с учётом того аспекта, что с точки зрения вечности их время неограниченно.

– Закончен, – вздохнула Джина. – Способности арвеартцев из века в век деградируют.

– А как же эктор проректор?! Он что – пример деградации?!

– Эктор Эртебран – исключение! Это яснее ясного!

– Джина, яснее ясного, что мы знаем о них ровно столько же, сколько знают простейшие в склянке о жизни микробиологов!

– Чушь! – возразила Джина. – Мы знаем, конечно, мало, но мы можем делать выводы, исходя из их отношения! Им всё теперь безразлично! И Арвеарт, и Коаскиерс!

– Им это всё «безразлично», и поэтому нас встречают на таком бесподобном Паруснике?! Прости, но поверить сложно! Всё это не случайно! Всё должно иметь основание, с первого дня до последнего, даже наше с тобой рождение!

– Нет! – закричала Джина. – Наше с тобой рождение – случайное из случайного!

– Тише! Не надо так нервничать! Подойдём к вопросу иначе. Послушай меня внимательно. Эртаоны третьего уровня обретаются в том измерении, к которому мы относимся, и у них иногда возникают отношения с разными девушками. Возможно, очень серьёзные. Тогда рождаются дети – эртаоны четвёртого уровня...

– Да, – согласилась Джина. – Рождаются и рождаются, но что из этого следует?

– Из этого следует многое. Ты встречалась с отцом когда-нибудь?

Джина, медля с ответом, раскрыла свой клатч с косметикой, извлекла из него сигареты, прикурила от длинной спички и, видя перед глазами не тонкую пачку *Vogue*, а снег и высокого парня на малиновых лыжах *Kästle*, ответила наконец-то:

– Хвастаться нечем особенно. Мама была с ним месяц, а потом она в лотерею выиграла уйму денег... пять миллионов фунтов. И как только это случилось, он сразу исчез куда-то. И я родилась после этого. А потом они снова встретились, но только не в Эдинбурге, а на курорте в Альпах. И мама опять забеременела. И он там пробыл неделю и больше не появлялся. Я его помню, но плохо. Только помню, что он высокий, красивый и синеглазый. Фотографий у нас не осталось, они все пропали куда-то. А Монике скоро семнадцать, она перешла в одиннадцатый... – на этом она затянулась – так сильно, что сразу закашлялась.

Верона дала ей минуту – прочистить горло и высморкаться, после чего спросила:

– А тебе не известно, случайно? Наши Отцы-Наблюдатели слышат нас телепатически?

Джина немного подумала, вспоминая примеры из прошлого:

– Слышат, я полагаю, с учётом всех их способностей, но точно я не уверена. Сама я с этим не сталкивалась, но Марвенсен мне рассказывал, что когда он был совсем маленьким, лет пять или шесть примерно, он однажды сорвался с крыши. Причём – с высотного здания. Он там с мальчишками лазил, а отец его появился, поймал его прямо в руки и пробыл с ним до самого вечера.

Верона крепко зажмурилась. Ромашки – крыша сарая – застывшее в небе солнце – дорога, покрытая пылью – бесконечное ожидание, длившееся минутами, часами, днями, годами – до слов эктор проректора: *«Кем бы ни был эктор Блэкуотер – человеком ли, эртаоном, ты не должна сомневаться ни в его любви к твоей матери, ни к тебе самой, соответственно...»*

Часы на людских запястьях продолжали вращать колёсиками – минута-другая-третья... между ними текли секунды, уносившие время жизни – человеческой – смертной жизни – абсолютно несоизмеримой с эртаонской бессмертной жизнью – бесконечной в своём исчислении.

Джина, с глубоким вздохом, означавшим: «Всё перемелется», – протянула к Вероне руку, погладила ей колено и прошептала тихо:

– Наши матери были счастливы. Полюбили. Смогли родить от них. Для женщины это – главное. Я бы всё отдала, наверное...

Смысл слов был прозрачен, как воздух. Верона подумала: «Боже мой. Так вот в чем дело, оказывается», – а Джина чиркнула спичкой из коробочки с надписью *Marriott* и, глядя на пламя – слабое – нервное и трепещущее, продолжила отстранённо, словно это не означало ни боли, ни унижений, ни бесконечных раскаяний, ни попыток лишиться себя жизни, ни любви – бесконечной, глубокой – обрётшей её на страдания:

– Знаешь, сколько я мучаюсь? Ровно четыре года. С нашего Дня Посвящения...

– Кто он? Один из Кураторов?

– Да. Старший Куратор Коаскиерса... Эрвеартвеарон Четвёртый. Ты его завтра увидишь. Он будет вести церемонию...

– Как?! – прервала Верона. – Эрвеартвеарон?! Терстдаран?! Ты влюблена в Терстдарана?!

– «Терстдаран» на эртаане. Ты про него уже слышала?

Возникла короткая пауза, что у Джины ушла на прикуривание, а у самой Вероны на вопрос: «Что делать?! Рассказывать?!» – к себе же и адресованный, и принятое решение: «Лучше сначала выслушать и сделать какие-то выводы». В результате она ответила:

– Да, от Томаса Девидсона. Он сообщил мне вкратце, что шесть эртаонов-Кураторов наблюдают за Академией и выдают свои санкции при проблемах с Седьмым департаментом.

– Возможно, – кивнула Джина. – Хотя я ни разу не слышала о каких-то конкретных санкциях. Эртаоны в такое не вмешиваются. Семёрки творят что им хочется, и всё это – безнаказанно.

– Меня уже информировали, что Вретгренское отделение – самое реакционное...

– Да! Они просто ужасные! Меня раз пять арестовывали!

– За что?! – поразила Верона.

Джина слегка замялась:

– Ну-у... в основном – за косметику. И ещё – за короткие юбки... Ну то есть не арестовывали, а делали предупреждение...

– Понятно, – Верона хмыкнула. – Полиция нравов в действии. Давай вернёмся к Терстдарану. Как часто ты с ним встречаешься?

– Редко, – вздохнула Джина. – На разных мероприятиях официального уровня.

– Он хоть раз с тобой разговаривал?

Джина сперва усмехнулась – но жалобно, а не презрительно, потом развела руками и ответила: «Нет, разумеется!»

– Почему это – «нет, разумеется»?

– Подобное исключается!

– Кем это исключается?

– Эртаоны второго уровня, и элагары тем более, со смертными не общаются!

– «Элагары»? А кто – «элагары»?

– Тебе лучше спросить у проректора.

Вероне пришлось усилить суггестическое вмешательство. Джина, подумав: «Бог с ним», – посмотрела на Джоша и Лээста, чьи силуэты – тёмные, были слегка подсвечены золотящимся полумесяцем, и пояснила сдержанно:

– Элагары – те эртаоны, которые лично связаны с эртаоном первого уровня.

– С Эркадором? – спросила Верона.

Джина кивнула молча, избавилась от окурка, достала духи из сумки и, брызнув себе на шею, поделилась предупреждением:

– Нельзя говорить без эпитетов. Сын Первой Звезды – как минимум.

– Эпитеты устоявшиеся?

– Да, – подтвердила Джина и с почтением перечислила: – Величайший из всех Великих, Всесильный, Не Знающий Равных, Властвующий Безраздельно...

– А их кто-нибудь видел когда-нибудь? Сына Первой Звезды с Советниками. Чем они занимаются? Есть какие-то сведения? Раз их называют «Создателями», то это они, получается, осеменяли девушек? А сколько там было девушек? Кто-то когда-то просчитывал? Занимался генеологией?

Джина – в стиле Маккафрея – сжалась в комок, зажмурилась и пробормотала: «Господи, прости мои прегрешения...» – на что Верона заметила, снимая сабо – тяжёлые – и отставляя их в сторону:

– Значит, никто не просчитывал. Устала от этой обуви. Платформа у них убойная. Можно орехи раскалывать.

Молчание длилось долго. Верона, вытянув ноги, с видимым наслаждением шевелила уставшими пальчиками, а Джина, выждав немного, сначала удостоверилась, что её не дезинтегрировали, и даже, для пущей уверенности, встала, прошлась по палубе, уселась – чуть успокоенная, и нервно пробормотала:

– На землю они не спускаются, но там у нас есть, в Академии, их портреты в центральном холле. В принципе можно составить какое-то представление...

– Что значит – «составить какое-то»? Портреты не лучшего качества?

– Нет, – прояснила Джина, – качество безукоризненное, но они там представлены в шлемах и забрала у них опущены.

– И фигуры у всех одинаковые?

– Да, у них всё одинаковое. И фигуры, и фреззды со шлемами.

– А что является «фрезздами»?

– Это такие туники. И ещё у них есть эртафраззы. Это плащи до пола, без пуговиц, но с застёжками.

Верона представила Джона облачённым в нечто подобное и, рассмеявшись, спросила:
– Это – как у Дарт Вейдера?! А мечи у них тоже имеются?! Обычные или лазерные?!

Джина воскликнула в ужасе:

– Сейчас нас разложат на атомы!

– Кто из них непосредственно?! Старший Куратор Коаскиерса?! Представляешь, какая сенсация! «Эрвартвеарон Терстдаран самолично дезинтегрировал студентку пятого курса...»

– Прекрати! – закричала Джина. – Подобное оскорбительно!

– Подобное просто глупо! Вас всех тут так прозомбироваи, что вы не видите главного! «Создатели!» «Величайшие!» Пора уже с этим заканчивать!

Джина зажмурилась в ужасе, а Верона – разгорячённая – продолжила в резкой тональности:

– Если любишь, пойдй объяснись с ним! Посмотри на его реакцию. Попроси его сделать что-нибудь! Предложи ему выпить кофе! Предложи ему съесть пирожное! Предложи смотаться в Ирландию! Я знаю, что он не откажется! Их тошнит от всех этих почестей! От всех этих преклонений! Любого бы затошнило! Ничего у них не получится, никакая цивилизация, пока вы тут все пресмыкаетесь как ничтожные пресмыкающиеся!

– А мы и есть пресмыкающиеся, – прошептала Джина с отчаянием. – Мы для них – инфузории.

– Ну нет! – возразила Верона. – Мы для них – не инфузории! Не ходя далеко за примерами, мы – равные им по сути особи женского пола, способные на зачатие! Эксперимент не окончен! Джина, слушай внимательно!..

– Нет! – закричала Джина и закрыла уши ладонями.

– Ну ладно, – сказала Верона. – Я объясню, как получится. Ты изучала генетику? Генетически мы подготовлены. В нас заложена их информация. Проблема – как ею воспользоваться. Здесь нужен скачок в развитии и, чтобы его спровоцировать, возникает потребность в факторе. И любовь как подобный фактор идеальна в любом отношении. Если смотреть фактически, ты находишься в том состоянии, когда в тебе происходит масса особых реакций, изменяющих состояние и твоих нейронных рецепторов, и гликально-липидных ансамблей, и в первую очередь – матрикса. Значит, они влияют, на молекулярном уровне, на все основные рецепторы, принимающие участие в физическом обеспечении свойственных им способностей... к трансгрессии, к телепатии, к изменению свойств материи. И чем больше ты его любишь, тем больше в тебе реакций. Любовь – как апгрейд, понятно? Однажды ты с ним сравнишься.

– Бред... – прошептала Джина. – Ты должна просить о прощении... Ты должна просить о помиловании...

Верона, прервав её жестом, встала, одёрнула курточку и произнесла с улыбкой:

– Я попрошу, пожалуй, о частной аудиенции. Ты посиди подумай, а я тут пройду немного. Эктор Эртебран сказал нам, что это не возбраняется...

Джина, почти лишившись своих речевых способностей, проследила, дрожа всем телом, как Верона уходит по палубе – не в сторону бака Парусника, а к корме – в обратную сторону, а затем, напрягая зрение, обернулась на Лээста с Джошуа. «Надо пойти и сказать им. Они ничего не заметили. Хотя уже поздно, наверное. Её теперь дезинтегрируют. Теперь ничего не поделаешь...»

IV

Верона прошла вдоль борта, поднялась по трапу с перилами, плохо себе представляя, что за всем этим последует, и замерла – потрясённая. Перед ней, в своём полном облики, предстала команда Парусника – тринадцать фигур – высоких, в эртафраззах и в шлемах с забралами, на что она, тихо ахнув, застыла в полнейшей растерянности, а эртаоны молча, совершенно синхронным образом, поклонились, медленно выпрямились и снова пропали из видимости – все, за одним исключением. Тот, что стоял по центру, остался стоять на палубе. Верона, скорей механически, присела в ответном книксене – запоздалом в какой-то степени, и прошептала: «Простите меня...» – ощущая себя инфузорией – крошечной и беспомощной – под стократным увеличением. Эртаон приподнял забрало и с улыбкой сказал:

– Ну здравствуйте! Я вас заждался, фройляйн! Не желаете выпить шампанского?!

На фальшбортах по нижнему уровню вдруг засияли фонарики. Лээст, увидев сразу, что Джина сидит в одиночестве, посмотрел на альтернативщиков – тех, что держались группами, встал и сказал Маклохлану:

– Оставайся на месте, пожалуйста.

«Проклятье!..» – подумал Джошуа, узрев как проректор решительно, после расспросов Джины, идёт на корму трёхмачтовика, всё ещё затемнённую, быстро взбегаёт по трапу и исчезает за парусом. Сам Лээст, в душе понимавший, по каким примерно причинам Верона, оставив Джину, оказалась на верхней палубе, увидел совсем иное – вопреки своим ожиданиям. Верона была не одна там. Она находилась в компании эртаона второго уровня и плакала, громко всхлипывая, а эртаон утешал её. Эртебран, потрясённый увиденным, просто застыл на месте и услышал секундой позже:

– Малышка, ну всё, успокаивайся. Эктор Эртебран подошёл к нам. Мне нужно с ним поздороваться.

«Бог мой, – подумал Лээст, – так это – Джон, получается...» Верона ступила в сторону, растирая слёзы ладонями, а Джон, со словами: «Пожалуйста, эктор Эртебран, без формальностей!» – успел подойти к проректору и предупредить приветствие:

– Простых поклонов достаточно! – добавил он в пояснение и поклонился первым, не ломая каноны с нормами, а распределяя позиции – как раз в соответствии с этикой.

Поклонившись ответным образом, Эртебран произнёс: «Простите меня. Великий Эктор, вы знаете... вы позволите мне спросить у вас?»

– Да, – сказал Джон, – конечно же! – и минуты четыре примерно делился с эктором проректором существенной информацией, но не вслух, а мысленным образом.

Пока они разговаривали, Верона, глядя на море, что мерцало лунными бликами, подумала: «Что я испытываю? Я успела влюбиться в Лээста, а Джон... я не знаю... я чувствую, что он мне – как брат скорее. Я буду с ним счастлива в будущем? Сомневаюсь, с таким отношением...»

Лээст и Джон тем временем завершили своё общение двумя короткими фразами, что были уже озвучены:

– Надеюсь, – сказал проректор. – Вам известна моя позиция.

– Эктор Эртебран, поверьте, вам не о чем беспокоиться!

На этом они простились – теперь уже не поклонами, а крепким рукопожатием. Лээст сошёл по трапу, быстро дошёл до Джины, что буквально тряслась от ужаса, успокоил её по возможности, а затем направился к Джошуа, кутившему в ожидании.

– Всё в порядке, – сказал он, приблизившись. – Пошли посидим с семикурсниками.

Свежий ветер усилился. Джон, возвратившись к Вероне, снял с себя шлем с эртафраззом и положил их на палубу, после чего улыбнулся и спросил:

– Ну что, инфузория? Больше уже не сердисься? Скажешь мне что-нибудь ласковое?

Верона – померкшим взглядом – посмотрела сперва в лицо его – мужественное – прекрасное, но лишённое той притягательности, что отличала проректорское, затем посмотрела на руки, украшенные браслетами, кинула взгляд на пояс – широкий, блестящий, с ножами, и наконец ответила:

– Нет, экдор, я не думаю. И, кроме того, я не думаю, что с вами я буду счастлива, как вы на это рассчитываете.

Джон покивал с согласием:

– Ты знаешь, на что я рассчитываю? Ты можешь сказать заранее? Определиться с будущим, ещё не прожив настоящее?

Ветер стих до умеренного. Верона, резким движением, опять повернулась к морю и, сжав ладонями планшир, просто сказала мысленно:

– *Джон, прошу вас, простите меня. Ведь вы же всё понимаете. Вы знаете, что я чувствую. Мне имеет смысл оправдываться?*

Джон приблизился к ней вплотную и произнёс: «Я ждал тебя. Ждал твоего рождения. Ждал его тысячелетиями, и ждал этой встречи... сегодняшней... чтобы сказать тебе главное. А что до того, что ты чувствуешь... твоё ко мне отношение... я это всё контролирую. Вынужден контролировать, иначе ты можешь не справиться. Так же, как в случае с Лээстом... Маклохлан не преувеличивал».

– Не верю, – сказала Верона.

– Не веришь? Хочешь проверить? Хорошо. Повернись, пожалуйста.

Она повернулась медленно. В следующую секунду её сердце запнулось, дрогнув. Тошнота подкатила к горлу – страшная – обволакивающая. В глазах замелькали пятна – зелёные и оранжевые, а палуба под ногами закачалась и стала проваливаться. Джон – прекрасный – немислимо – до слёз, до потери сознания, до остановки дыхания – до осознания истины – той, что теперь обрушивалась – подминала её сознание, подхватил её тело – безвольное, и стал покрывать поцелуями лицо её – запрокинувшееся, и шею – тёплую, тонкую, наслаждаясь её состоянием этих первых секунд любви к нему.

Звёзды на тёмном небе загорелись гораздо ярче, что заметила только Джина, подумавшая: «О боже мой! У меня уже галлюцинации!»

* * *

Верона, едва придя в себя, увидела ковш Медведицы – опрокинутый в небо – серебряный, и прошептала: «Вы помните? Мы сидели в саду, под яблоней, и звёзды были такие же...» Джон приподнял её в воздух, усадил – тихонечко ахнувшую – на край летящего Парусника и встал к ней предельно близко – между её коленями, раскрытыми в обе стороны:

– Конечно, помню, Малышка. Я тогда прочитал тебе Фроста, но он тебе не понравился.

Она, ощущая бездну, внутренне сжалась от ужаса, обхватила его за шею и одновременно почувствовала, как руки его смыкаются – кольцом у неё на талии. Долго – предельно долго – они, без слов, без улыбок, смотрели в глаза друг другу, вплоть до её признания:

– Это разные чувства, поверьте мне... к вам, и к экдору проректору.

Джон улыбнулся:

– Знаю. И разными и останутся.

– А папа? То, что я думала, когда уже встретила с Марвенсенем... Я его оскорбила... Он знает, что я раскаиваюсь?

– Конечно знает, Малышка. Запомни самое главное. Ты для него являешься основной в его жизни ценностью. Он любит тебя настолько, что мне просто не с чем сравнивать. Больше всего на свете. Он умрёт за тебя, не задумываясь. Я тебя не обманываю.

Верона по-детски всхлипнула и закрыла лицо ладонями, а Джон ещё крепче обнял её, осторожно спустил палубу и добавил: «Вы скоро с ним встретитесь...»

Джина в эти минуты нервно курила *Vogue*, Лээст думал о прошлом, а Джошуа думал о будущем – безысходном в его представлении.

Джимми, совсем заскучавший, решил, что пора развлечься и тихо полез по вантам, уходящим наверх, к грот-мачте, пользуясь тем обстоятельством, что Эртебран с Маклохланом сместились на бак фрегата – для общения со старшекурсниками. Аримани – в компании Томаса и Эамона Маккафрея – начал играть на флейте один из этюдов Бетховена, ожидая с большим нетерпением прибытия в Академию, где, по его подсчётам, должны уже были собраться остальные студенты Коаскиерса – арвеартского происхождения. Томас, под звуки флейты, испытал прилив меланхолии, окрашенный ярче обычного образами Вероны, а Эамон украдкой принялся за сладкую булочку и то и дело позёвывал, так как совсем не выспался.

– Простите, а чей это Парусник? – решила спросить Верона. – Одного из Дорверов Создателей?

Джон распустил ей волосы, спрятал куда-то гребень, а затем предложил с улыбкой:

– Малышка, забудь о Создателях! Давай лучше выпьем чего-нибудь!

Получив от неё согласие, он вытащил меч из ножен и, отложив его в сторону, первым уселся на палубу. Верона, усевшись рядом, проследила – с немим восхищением, как неизвестно откуда возникает ведёрко – серебряное, со льдом и бутылкой – откупоренной, и два высоких бокала, заметно люминесцирующих. Затем появилось блюдо с тремя шоколадными трюфелями.

– Вот, – сказал Джон, – те самые. Клубничный, имбирный, кокосовый. Это – твои любимые.

Перестав любоваться бокалами, Верона, робким движением, взяла его руку – правую, осторожно её погладила – ладонь его с длинными пальцами, прижалась к ним с поцелуем и прошептала:

– Простите меня. Мне было страшно до этого. А теперь это всё – как раньше. Или почти как раньше. Теперь я могу любить вас и не стыдиться этого...

Джон обратился к шампанскому:

– Выпьем, – сказал он, – за будущее!

– За вас, – сказала Верона. – За вас и за настоящее.

– За нас и твоих родителей!

Вино – сухое – бесценное – показалось ей обжигающим. Джон протянул ей трюфель. Вложив ему в рот половинку – от своей, перед этим откушенной, она внезапно подумала: «А вдруг это вправду – „Матрица“? Вдруг этого нет в действительности? Этого нет в реальности... в моей реальной реальности...» – на что он ответил сразу:

– Малышка, реальностей много, и они постоянно меняются, но они-то и формируют существующую действительность.

– В которой вы меня любите?

Он сжал её пальцы в ладони и произнёс с улыбкой:

– И в которой мы будем счастливы.

– Джон, – прошептала Верона, – а как вас зовут в действительности? Может быть, вы назовёте себя?

Он прервал её мягким жестом и ответил:

– Нет, моя милая. Я мог бы, конечно, представиться, но мне будет гораздо приятнее, если ты сама догадаешься. Даю тебе ровно сутки. Действуй любыми методами. Помощь не возвращается.

– Да?! – рассмеялась Верона. – Не Румпенштилькин, случаем?! Это имя бы вас украсило!

Румпенштилькин расхохотался:

– Rumpelstilzchen, meine Liebe Fräulein! Кто-то, я помню, отказывался заниматься со мной немецким! И вот! Полюбуйтесь, пожалуйста! Уж не знаю насчёт Дривара, но Рильке тебя убил бы за такое произношение!

– Немецкий мне не даётся!

– Займёмся им при возможности. А теперь послушай внимательно. Если завтра в это же время ты, при любых обстоятельствах, обратишься ко мне по имени, я обязуюсь выполнить любое твоё желание, в масштабах всего измерения и за его пределами.

Верона, услышав это, раскрыла рот от волнения, не в силах хоть что-то вымолвить, а Джон посмотрел на звезды, после чего констатировал:

– Сейчас у нас десять тридцать. Время уже отсчитывается.

– А если я проиграю?!

Джон, перестав улыбаться, опустил ей руку на голову, отвёл назад её волосы – тяжёлые и шелковистые, склонился к лицу – прекрасному, к губам её – чуть приоткрывшимся, и прошептал, помедлив:

– Тогда ты сама выполняешь любое моё желание...

Верона, в теле которой возникла лёгкая изморозь – сладкая, парализующая, покраснела – густо – мучительно, от мыслей, пришедших к ней в голову, а Джон, прошептав: «Конечно... Ты знаешь, чего мне хочется...» – провёл по губам её пальцами и закончил – совсем неожиданно:

– Но этого не случится, пока ты не окончишь Коаскиерс. Я обещал проректору. И я не могу целовать тебя. То есть пока ты учишься, я не имею права вступать с тобой в отношения.

– Как?! – ужаснулась Верона. – А как вы могли обещать ему?! Разве это в его компетенции?!

Джон кивнул:

– Конечно, любовь моя. Он несёт за тебя ответственность. Я по большому счёту дал своё обещание не нарушать те догмы, которые здесь исповедуются, и именно в том, что касается вопросов морали и нравственности.

Верона спросила гневно:

– А при чём здесь мораль и нравственность?!

– Будешь ещё шампанское?

Она отвернулась в сторону. Джон произнёс: «Ну ладно...» – взял бутылку, допил из горлышка, после чего поднялся и сообщил примирительно:

– Мы уже подлетаем! Встань посмотри на Замок! Зрелище впечатляющее!

Верона встала – насупленная, обиженная на проректора, на арвеартские догмы, на вопросы морали и нравственности, и в том числе и на Джона с его моральными комплексами. Он подвёл её к левому борту. Им открылся вид на Коаскиерс – грандиозный, квадратный сверху, венчающий скальный остров – монолит, уходящий в воду футах в двухстах от берега.

– Вот! – сказал Джон. – Любуйся! Постройка монументальная. Кроме надземных уровней в нём есть ещё и подземные, а под крышей – оранжерея, поэтому крыша стеклянная. И его, между прочим, выдалбливали. Башню, конечно, надстроили, а так – простыми кувалдами. Работа, представь себе, адова. Двести лет ушло на создание.

– Представляю, – вздохнула Верона. – Но вы сами читали мне «Поттера», поэтому вы понимаете...

– «Поттер», Малышка, – сказка. Там можно придумать всякое. И, кстати, этот ваш Петтигрю. Он залез на центральную мачту, а спуститься не в состоянии. Пусть посидит помучается или вернётся в компанию?

Верона повторно нахмурилась:

– Пусть посидит помучается.

Фрегат незаметно снизился. Замок стал увеличиваться, светясь и крышей, и окнами, и ярко горящими факелами, что шли по периметру здания; а море сияло дорожками – оранжево-золотистыми.

– Сейчас подлетим к террасе, – продолжил Джон пояснения. – Это – воздушная пристань в северном секторе здания. Там мы вас всех и высадим.

– А вы? – спросила Верона. – Куда вы потом отправитесь?

Он вновь посмотрел на звёзды – на висящие низко созвездия, и произнёс:

– Подрейфую. Далеко улетать не хочется.

– Да? А на чём подрейфуете? На этом же самом Паруснике?

Джон погладил ей голову:

– Да, на нём, разумеется. Это – мой дом, Малышка. И станет твоим когда-нибудь.

Верона вздохнула горько, вспомнив о нормах нравственности, а Джон, обняв её сзади, зарылся лицом ей в волосы, что пахли сладчайшим «Ангелом», и не размыкал объятия, пока Парусник шёл на снижение, в тот момент желая единственного – больше не отпускать её, больше не расставаться с ней.

* * *

Фрегат подлетел к террасе и завис в пяти метрах от берега – уравнивая свой фальшборт с балюстрадой – массивной, с большими балясинами, выточенными фигурно из красивого белого мрамора. Джон отпустил Верону – с обещанием: «Скоро увидимся!» – отошёл за мечом, поднял его, прокрутил в засвистевшем воздухе и исчез, оставляя всё прочее – эртафразз, бутылку, бокалы, бронзовый шлем, тарелочку и ведёрко со льдом – подтаявшим. Верона, подумав: «Скоро ли? Что есть „скоро“ в его понимании?» – спустилась на нижнюю палубу и обнаружила сразу, что студенты и оба профессора выполняют «форму прощания», идентичную «форме приветствия». «Эркадор... Эркадор... А какой он? Почему он – „первого уровня“? Он действительно самый могущественный? И, значит, он уже в курсе, что у Джона со мной отношения?» Задавшись такими вопросами, она опустилась на палубу и прошептала: «Слава... Слава Его Величеству...» Следующее мгновение ушло на телепортацию. Пристань – широкая, каменная, заполненная до этого студентами-арвеартцами, выполнявшими форму приветствия наряду со своими кураторами, заполнилась окончательно. Тишину, царившую в воздухе, прервали крики Брайтона:

– Эй, народ, поднимаемся!

Первым после «призыва» поднялся проректор Коаскиерса. Следом – одновременно – Верона, Томас, кураторы, Аримани, Маклохлан и Марвенсен, и за ним – остальные студенты, говоря об альтернативщиках. Арвеартцы, предельно шокированные – тем, что Парусник – подлетевший – несомненно был из флотилии эртаона первого уровня, дождались указаний старшего – проректора в данном случае, и встали – дестабилизированные – бледные и пошатывающиеся. Куратор первого курса – утонченного вида мужчина с красивой короткой стрижкой в стиле поэта Байрона, шагнул с замечанием к Джимми, который с готовностью выпалил: «Сэр, простите, пожалуйста! Это случайно вырвалось! От перевозбуждения! Мы же сюда прилетели на артвенгарском Паруснике!»

Эртебран объявил тем временем:

– Арверы, строимся парами! После этого все по очереди направляемся за кураторами! Начинаем с первого курса! Разговоры свести до минимума!

Куратор первого курса взглянул на мистера Хогарта – куратора второкурсников, а затем приблизился к Томасу: «Мистер Девидсон, счастлив приветствовать вас...» Поприветствовав Томаса Девидсона, профессор кивнул Арриго, мельком взглянул на Маккафрея, который, в свой манере, озирался в большой растерянности, и, подойдя к Вероне, посчитал своим долгом представиться:

– Джеймс Джонсон, куратор курса. Рад, что вы поступили к нам. Надеюсь, вам тут понравится.

– Я тоже, – сказала Верона. – Хотя кое-что настораживает...

– Понимаю, но вы привыкнете.

Пока они разговаривали, первокурсники начали строиться. Томас встал в паре с Гредаром – своим арвеартским приятелем – светловолосым парнем с правильными чертами и со спортивным сложением. Арриго встал в паре с Маккафреем, и все остальные тоже построились без промедления – и арвеартские юноши, крайне сосредоточенные, и четыре оставшихся девушки, о которых Верона подумала, рассмотрев их наряды – пугающие, – мешковатые юбки, жакеты, тёмного цвета блузы с застёгнутым наглухо воротом: «Лээст был прав, конечно. Мини-юбки здесь не приветствуются».

– Блэкуотер! – выкрикнул Джимми. – Вставай со мной! Не выпендривайся! Мы с тобой остались единственные!

Джонсон шагнул в его сторону:

– Ваше перевозбуждение чересчур затянулось, по-моему!

– Да-да! – подтвердил Арриго глубоким тембром проректора. – Применять «Виагру» с «Сиалисом» вам больше не рекомендуется!

– Ха-ха! – засмеялся Хогарт. – Вот это талант! Приветствую!

Арриго расцвёл улыбкой, а Джимми сказал с возмущением:

– Ему за такие шутки ещё комплименты отваливают, а мне – одни замечания!

– Уймись! – велел куратор.

«Построение» было окончено.

* * *

У дверей – высоких, широких, отделанных инкрустацией в виде летящего парусника, Джонсон остановился, привычно поправил манжеты – белоснежные и накрахмаленные, и шагнул на блестящую линию разводящего активатора. Тяжёлые створки разъехались. Первокурсники ровным строем прошагали вслед за куратором и оказались в зале – огромном, великолепном – отделанном сочетанием разнообразного мрамора, включая спиральную лестницу в правом торце помещения. Впрочем, мрамор был только фоном для того бесподобного зрелища, что меньше чем за секунду поглотило всё их внимание. Этим зрелищем были полотна, украшавшие длинным рядом золотистого цвета стену напротив входа в Коаскиерс. Полотен, точней – гобеленов, расшитых тончайшим шёлком и нитями из металлов, насчитывалось тринадцать. Двенадцать из них представляли портреты Великих Создателей – прекрасных, с бронзовой кожей, облачённых во фреззды – серебряные, в серебристые шлемы – гранёные, с опущенными забралами – узкими, а не широкими, оставлявшими губы открытыми, в штаны из светлой материи и в сапоги – перламутровые, с высокими голенищами. Центральный портрет – тринадцатый – являл Эркадора – сияющего, в золотистом по цвету фреззде и в шлеме из чистого золота, с высоким красивым гребнем, блистающем инкрустациями. Огромный меч Эркадора был длиннее мечей Советников, а на правой ладони – развёрнутой – светилась корона со стрелами – эмблема великой власти – великой и вечной власти эртаона первого уровня. Под эркадорским портретом находилась дверь – деревянная – из красивого тёмного дерева – высокая и двустворчатая.

Двадцать пять арвеартских студентов, выражая своё почитание, оставили вещи в сторону, склонились перед портретами, прижались лицами к мрамору и застыли в экстазе – внутреннем и для них абсолютно естественном. К ним присоединился доблестный сын Ирландии и следом, с меньшим экстазом, Аримани и Томас Девидсон. Джимми, решив, что с портретами церемониться не обязательно, не стал вставать на колени, а, напротив, начал расхаживать – словно был в тот момент в галерее, изучая с большим интересом и мечи Высочайших Совет-

ников, извлечённые ими из ножен – с иероглифами вдоль лезвия, и ножны – в камнях – драгоценных, и пояса – сверкающие, украшенные кристаллами. Джонсон, оставшись у входа, наблюдал за его движениями, а Верона, встав за Маккафреем, уделила своё внимание эркадорскому изображению. И чем дольше она смотрела – на руки его – загорелые, с рельефно-тугими мышцами, перехваченные браслетами, на плечи его – широкие, на рот его, жёстко очерченный, тем глубже её охватывало странное ощущение – ощущение внутренней близости с ним – сильное и пугающее. Взгляд его, через прорезь, обрёл вдруг живую силу – страшную и обжигающую.

– О нет... – прошептала Верона. – Только не это, боже мой...

Именно в эти секунды к ней подобрался Джимми и прошептал, посмеиваясь:

– Это тебе не Девидсон! Это – мужик со способностями! Он может усилием мысли уничтожить всю нашу галактику!

Пылающий взгляд Эркадора вернулся к обычной статике.

– Отвали, – пригрозила Верона, – а то я усилием мысли оставлю тебя без гипофиза!

– Хе-хе! – засмеялся Джимми.

– Брайтон! – окликнул Джонсон. – Здесь не место для шуток! Ясно вам?!

Студенты зашевелились. Джимми тряхнул причёской. Дреды взметнулись в воздухе:

– Мистер Джонсон, простите, пожалуйста, но Блэкуотер меня шантажирует! Она мне сейчас сказала, что лишит меня важного органа!

– Брайтон! – взорвался куратор. – Подойдите ко мне немедленно!

Джимми пришлось подчиниться. После этого мистер Джонсон провёл своих первокурсников в левый торец помещения – к стене из светлого мрамора в глубоких чёрных прожилках и золотых вкраплениях, и снова велел построиться, как он сказал – «классически», что Джимми интерпретировал в очередном высказывании самым дословным образом:

– Все коротышки – спереди, а сзади стоят высокие!

Первой в ряду «коротышек» оказалась стоять Верона, за которой он и пристроился, спасаясь от гнева профессора. Непосредственно рядом с Вероной встал Арриго, рост – метр восемьдесят, а за ним возвысился Томас, выше его на голову. Возле них встали Гредар с Маккафреем, затем арвеартские девушки и оставшиеся первокурсники. Рядом с двумя шеренгами, представлявшими первокурсников, мистер Хогарт быстро построил подчинённых ему второкурсников, следом профессор Акرويد построил своих третькурсников и так – курс за курсом, по очереди, главный холл заполнился полностью. Студенты седьмого курса, возглавляемые Маклохланом, разместились напротив первого, перед кручёной лестницей, а остальные курсы – напротив стены с портретами.

Будучи не в состоянии справиться с информацией, что на неё обрушилась и продолжала обрушиваться, со страшным – безумным желанием увидеть Генри Блэкуотера, с возникшими чувствами к Лээсту или, лучше сказать, трансформировавшимся, с возникшей любовью к Джону, Верона в эти минуты всё никак не могла сконцентрироваться, разобраться в своих ощущениях, осмыслить происходящее и сделать какие-то выводы. Впрочем – волей-неволей – она продолжала думать над возникшей проблемой с именем: «Раз это – его корабль, то он – один из Советников. То есть моя задача – разузнать имена у кого-нибудь, сопоставить их все с портретами и выявить, кто из двенадцати им как раз и является...»

– Блэкуотер, – сказал ей Джимми, – ты ж, кстати, так и не встретила с нашими гуманоидами?! Ну так вот! По моим наблюдениям, Эртебран – эртаон, понятно?! Он тут с особой миссией! У него на лице написано!

Верона, найдя глазами отдалённо стоявшего Лээста, спросила себя: «А действительно – в чём состоит его миссия? Ведь всё это не случайно. Всё, что я к нему чувствую, вся наша переписка, всё, что тому предшествовало... Ведь Джон это всё контролирует, разве что, кроме единственного...» Взгляд её быстро сместился к эртаону первого уровня – к его золотому

облику, исполненному величия. «Вот для вас я точно простейшее. Плаваю в чашке Петри и ещё на что-то рассчитываю...»

Створки двери раскрылись и вошли остальные эрверы во главе с седовласым мужчиной – высоким, одетым в чёрное, – ректором Академии. Джонсон, стоявший с Хогартом, повернулся к своим первокурсникам:

– Первый курс, выполняем приветствие! Опускаемся на колено!

– На какое?! – воскликнул Джимми.

– На правое, если получится!

Арвеартцы – и парни, и девушки – опустили без промедления, быстрее, чем альтернативщики, которые чуть замешкались, впрочем, все – по особому поводу: Эамон – из-за общей стеснительности, Арриго – из компанейства, Томас ждал, когда встанет Верона, а Верона никак не вставала, потому что Брайтон шепнул ей: «Эй, Блэкуотер, давай поторапливайся! Можешь сразу на оба колена! Обожаю эту позицию!» В результате она обратилась с просьбой о рокировке к отзывчивому Арриго и выполнила формальность с мыслью: «Тылы обеспечены...»

Ректор дождался момента, когда все студенты Коаскиерса преклонились – согласно традиции, и произнёс, волнуясь:

– Мы приветствуем вас, арверы! Примите от нас поздравления с началом учебного года, тысячного в истории! Прошу вас, арверы, вдумайтесь! Уже тысячу лет в этом Замке такие, как вы, студенты получают образование! Обретают глубокие знания! Пополняют ряды учёных! Пополняют ряды мыслителей! Вы – надежда всего Арвеарта! Вы – его цвет и гордость! Будущие эрверы! Элита нашего общества! Желаю вам всем успехов! И особые поздравления адресованы первокурсникам! Я выражаю надежду, что здесь вам откроется смысл – смысл бытия, арверы, сопряжённый с поиском истины! Этот год у нас – юбилейный, и нет никаких сомнений, что грядущий учебный период... – ректор выдержал паузу, – станет для нас особенным! И для этого утверждения у меня уже есть основания! Впервые за всю историю у нас теперь будет учиться иртарская альтернативщица! Рэа Верона, где вы?! Покажите себя, пожалуйста!

– Вставай! – скомандовал Джимми. – Очень жаль, что ты не в купальнике!

Верона, поправив чёлку, вышла вперёд на метр и присела в глубоком книксене, порождая в рядах волнение. Ректор, подумав: «Однако же! Эртаоны знали, что делали!» – спросил с несомненной искренностью:

– Вы можете нам ответить, что именно вас побудило обратиться к нам с заявлением?!

Верона едва не сказала: «„Бресвиарский Маяк“ Бекривара и моя любовь к биохимии», – но ответила по-другому, констатируя обстоятельство, что голос её усилен акустическими устройствами:

– Это то, о чём вы говорили! Это поиск истинных смыслов – и бытия, и сущего, сопряжённый с поиском истины!

Студенты переглянулись, половина эрверов хмыкнула. Хогарт – великий химик, подумал с лёгкой иронией: «Ох и шустра девчонка! Джошу не позавидуешь!» Куратор третьего курса – профессор Грегори Акرويد, отметил: «Да, интересно. Джину затмили полностью». Наставник пятого курса подумал: «Теперь понятно. Лээст пропал как пить дать. Если она здесь останется, история повторит себя...» Сам Лээст подумал: «Всё правильно. Это поиск смыслов и истины», – а Джош ухмыльнулся криво, посмотрел на портреты Создателей и сказал себе: «Нет, не думаю. Она здесь – из-за проректора...»

– Спасибо, рэа Блэкуотер! – произнёс Креагер с восхищением. – Вы прославите ваше имя и не только в стенах Коаскиерса!

Верона вновь поклонилась и вернулась в ряды первокурсников.

– Блэкуотер, – хихикнул Джимми, пользуясь тем моментом, что Джонсон отвлёкся на Хогарта, – ты ведь – конкретная хиппи! Твой аутфит выдаёт тебя! А секс – это смысл жизни,

согласно их представлениям! В этом я тоже хиппи! Так что учти, пожалуйста! Как только тебе захочется...

– Брайтон, заткнись, придурок! – оборвал его жёстко Девидсон. – Я вроде предупреждал тебя!

– Пошёл ты! – воскликнул Джимми. – Сам придурок! Хорош выпендриваться! – и тут же внезапно охнул, схватился за грудь руками и сжался от страшной боли – на грани потери сознания.

– Экстра-класс! – оценил Арриго. – Вот что значит удар чемпиона! Никто ничего не заметил, а Джимми уже валяется!

– Ну т-ты и с-сволочь, Т-томас... – прохрипел через силу Брайтон. – Это же – п-просто ш-шутка... Я с-сообшу к-куратору...

– Ну уж нет! – заявил Арриго. – Я сам сообщу куратору, что ты приставал к Вероне! Сексуальное домогательство! И тогда тебе светит кастрация! Или карцер на год, как минимум!

Джимми уселся на пол и простонал: «О господи... Блэкуотер, найди к-кого-нибудь... пусть с-сделают обезболивание...»

Секунда-другую-третью Верона смотрела на Томаса, проводя экспресс-диагностику, а затем усмехнулась:

– Карцер? Карцера он не выдержит. Пусть лучше сразу кастрируют.

– Блэкуотер, ну сделай что-нибудь! – взмолился повторно Брайтон. – Томас – садист! Законченный!

– Умолкни! – велела Верона. – Арриго, прикрой нас как-нибудь.

Эамон и Арриго сдвинулись. Проректор обеспокоился, так как увидел издали, что Верона, с какой-то целью, укрывается за их спинами вместе с ардором Брайтоном. Томас, казня себя мысленно – за то, что не смог сдержаться и Верона его просканировала, вспотел от стыда – удушающего, готовый сбежать куда-нибудь. В это время ректор Коаскиерса завершил свою речь приглашением:

– А теперь – основные новости! Эктор Эртебран, пожалуйста!

Лээст, который до этого собирался пройти к первокурсникам, едва ли не чертыхнулся, снял макинтош – мешающий, передал его Джошу Маклохлану и направился к центру зала – со словами: «Встаём, арверы! Основные новости вкратце! Третий курс, не болтайте так громко, пропустите информацию! Центром метасистемных исследований назначено семь стипендий лучшим студентам курсов по итогам каждого месяца! Стипендия – сорок тысяч, так что, арверы, стараемся...»

Студенты, чуть подуставшие, с шумом поднялись на ноги. Проректор встал рядом с ректором. Объявления были продолжены:

– Мы решили пойти навстречу бесчисленным просьбам учащихся! Время вечерней проверки будет теперь не в одиннадцать, – Лээст выдержал паузу, – а ровно в полночь, друзья мои! Примите мои поздравления!

После этой прекрасной новости в зале послышались возгласы: «Ура!» – «Наконец-то!» – «Пора уже!» Кто-то зааплодировал, кто-то выкрикнул на испанском: «Свободу студентам Коаскиерса!»

– Тише! – призвал проректор. – Увы, но эктор Маклохлан, по причине повышенной занятости, снял с себя руководство ансамблем! Новый руководитель – ваш скромный слуга, арверы! И информирую сразу же! Через месяц в Бревартеане – большой музыкальный конкурс студенческих коллективов в рамках «Недели Знаний»! Подготовку начнём послезавтра! И ещё интересная новость! На следующей неделе в «Медитеральном вестнике» выйдет первая публикация ардора Виргарта Марвенсена: «Спонтанная проскопия. Стадии реализации на уровне постсинапса»!

И студенты, и преподаватели дружно заплодировали. Марвенсен, крайне польщённый, поклонился на разные стороны. Проректор дождался внимания:

– А теперь – для любителей плавать! Бассейн в спортивном комплексе полностью реконструирован! И последняя новость, арверы! Теперь у нас по субботам вместо обычных занятий вводятся факультативы по предметам специализации! Форма одежды – свободная! Всем приятного отдыха! Увидимся с вами на завтраке!

* * *

Первыми за эрверами к створкам двери направились вышколенные Джошем взрослые семикурсники. Сам Джошуа – хмурый, мрачный, поспешил вдогонку за Лээстом, а Лээста, в свою очередь, вывел из зала ректор, предложивший ему «по стаканчику». Верона к тому моменту облегчила участь Джимми и теперь наблюдала внимательно за движением шестикурсников, покидающих помещение вслед за своим куратором, а Томас, всё ещё красный, продолжал смотреть себе под ноги. Куратором шестикурсников был толстый альтернативщик – лысоватый, странной наружности, лет пятидесяти или около.

– Смотрите! – воскликнул Джимми. – Этот – точь в точь как Крюгер, но только ещё ужаснее!

«Крюгером» оказался куратор пятого курса – высокий, длинноволосый, молодой, по всей вероятности, со страшным лицом – изувеченным – с одной стороны – ожогами, а с другой стороны – рубцами, сизыми и багровыми. Кто-то из девушек ахнул, после чего первокурсники, с внутренним содроганием, уставились в пол, вслед за Томасом, исключая Верону и Брайтона, которому были чужды и простое чувство неловкости, и сложное – сострадания. Профессор, сразу почувствовав, что стал объектом внимания, направил свой взгляд в их сторону – враждебный – в общем значении, от которого Джимми дрогнул и подумал: «Шизик, наверное!»

– О нет... – прошептала Верона, так как ей вдруг открылось будущее – не в виде чего-то конкретного, а больше как ощущение – ощущение поцелуя с ним – настоящего поцелуя, продолженного во времени.

Их взгляды слились с неизбежностью. Профессор остановился, увидев её реакцию – выражение полного ужаса и полнейшей – страшной – растерянности, попробовал ухмыльнуться, трактовал её выражение абсолютно неверным образом, прищурил глаза – стальные, засунул руки в карманы и дошёл до двери походкой, граничащей с явным вызовом – то ли Вероне лично, то ли в целом – всей Академии.

Верона, ошеломлённая, оставила без внимания куратора четверокурсников – явного арвеартца – бледного, синеглазого и в общем производившего приятное впечатление. Следом за четверокурсниками, непрерывной прямой цепочкой, прошли через зал – по центру – оживлённые третьекурсники вместе с профессором Акройдом, о котором Верона подумала, пытаясь отвлечься на что-нибудь от ситуации в будущем: «Наш саматург. Понятно. Грегори Акرويد из Йоркшира. „Представитель оккультных знаний“ согласно мистеру Марвенсену...»

«Представитель оккультных знаний» успел, выводя студентов, взглянуть сначала на Томаса, затем улыбнуться Джонсону и его приятелю Саймону и подмигнуть Вероне – для поднятия её настроения. Мистер Хогарт и мистер Джонсон говорили всё это время о генцианопикрине и эритроцетаурине, согласно чему первокурсники сделали предположение, что оба куратора, видимо, напрямую связаны с химией. Так – в беседе – Джонсон и Хогарт двинулись в сторону выхода, за ними пошли второкурсники – достаточно организованно, и затем – немного разрозненно – юные первокурсники. Верона, уже в коридоре, познакомилась с однокурсницей – прелестной хрупкой красавицей, державшейся отстранённо от трёх остальных студенток, однозначно её игнорировавших. Герэта, как звали девушку, оказалась весьма приветливой и на вопрос: «Ты не знаешь? Можно мне как-то выяснить имена Дорверов Советников?» – ответила дружелюбно: «Думаю, можно как-то, но о них говорить запрещается».

Коридор, уводящий из зала – расходящийся в обе стороны – тёмный, каменной кладки, освещаемый тусклыми факелами и странного вида лампами, плавающими в воздухе, привёл их к широкой лестнице, расположенной возле арки, за которой виднелась комната – по виду – большая гостиная, где стояли толпой семикурсники и, соответственно, Джошуа – мрачный и хмурый по-прежнему. Виргарт, увидев, что Джошуа глядит на Верону взглядом, изливающим чувство ревности – тотальное по значению, перекрыл ему вид на арку и сказал на английском: «Завязывай! Пошли, попьём „Фруденлюндер“! Я привёз с собой упаковочку!»

– Пошли, – согласился Джошуа и добавил с обычной иронией: – А что остаётся делать? Разве что взять да повеситься. Всё равно всё этим и кончится.

* * *

Когда Виргарт и Джош Маклохлан принялись за пиво – норвежское, студенты первого курса, минуя другие гостиные, добрались до верхнего уровня – под комментарий Джимми: «Так можно и окочуриться!» – и прошли под каменным сводом в собственную гостиную – большую красивую комнату с камином, с пятью диванами, с уютного вида креслами, с полками для журналов, со столом для настольных игр, с деквиантерами на стенах – стационарного профиля, и с широкой витражной дверью, тоже украшенной парусником, как центральная дверь Коаскиерса. Джонсон сказал: «Осматривайтесь», – и наблюдал с минуту за студентами-альтернативщиками, приходя к тому заключению, что Томас заметно нервничает и нуждается в уединении, что Верона чем-то расстроена, что Джимми не успокаивается и ищет проблем на голову, что Эамон – от стрессов – едва ли уже не в обмороке, и что пародист Арриго обладает актёрскими данными не сколько в жанре комедии, сколько в жанре трагедии. Сделав подобные выводы, Джонсон сказал: «Арверы, приготовились слушать, пожалуйста! – и, дождавшись внимания курса, указал на витраж – с пояснением: – Там – коридор и комнаты! Как войдёте, сразу от входа – душевые и туалетные...» – на этом он выдержал паузу и посмотрел на девушек – Верону с Геретой Травар. Верона о чём-то думала – очень сосредоточенно, а Герета украдкой поглядывала в сторону Томаса Девидсона. Рядом с ними крутился Джимми. Эамон пребывал у арки, стесняясь пройти в гостиную. Томас, в компании Гредара, занял место у кресла – пустующего, а Арриго сидел на диване – немного уставший с виду, но при этом внимавший куратору с должным на то вниманием.

– Душевые и туалетные... – повторил в результате Джонсон, – мужские, прошу учитывать. Далее – ваши комнаты. Затем, в конце коридора, женские душевые и в самом торце – ваша прачечная и хозяйственные помещения, а также чёрная лестница, но она сейчас заблокирована. Что касается формы, арверы, то ею вас обеспечат непосредственно первого августа. Это делают эртаоны, так что проблемы с размерами полностью исключаются. На стирку все ваши формы забираются в пятницу вечером. У арки будут контейнеры. Во избежание путаницы, в контейнерах будут ячейки с вашими именами. Как уже объявлялось, на факультативных занятиях форма одежды свободная. Точно таким же образом обновляются полотенца, комплекты белья и шторы. Шторы сдаём на стирку с месячной периодичностью. Теперь – что касается комнат... – Джонсон слегка нахмурился и чуть изменил интонацию, поскольку узрел, что Джимми, воспользовавшись моментом, засунул Герете за шиворот шуршащий конфетный фантик. – Арверы, не отвлекаемся! Брайтон, оставьте девушек! Пройдите вперёд, пожалуйста! Двери у нас, если знаете, на замках с цифровой комбинацией. Сейчас замки разблокированы. Это значит, что комбинация, которую вы себе выберете, будет запрограммирована и сохранится в памяти. Номера у замков шестизначные. Мой совет – не впадайте в крайность. Шесть единиц, к примеру, – лучший из вариантов. Кроме этого, администрация, включая всех наших кураторов, имеет в распоряжении дубль-код для экстренных случаев. С этим, надеюсь, ясно?

– Ясно, профессор Джонсон! – громко ответил Джимми, который теперь обретался в его непосредственной близости. – Каждый из наших кураторов может войти к нам в комнаты, когда ему пожелается!

– Да, – сказал Джонсон, – вот именно. Я рад, что вы это усвоили. Переходим к распределению. Пожалуйста, встаньте группами. Мне нужно сориентироваться.

Джимми вернулся к девушкам. Арриго, поднявшись с диванчика, приблизился к Тому и Гредару. К ним же прошёл от арки доблестный сын Ирландии. Три арвеартских студентки – Иртана и Тёрна с Лирёной – стоявшие обособленно, сдвинулись чуть плотнее, демонстрируя единение. Герета, вслед за Вероной, тоже направилась к Девидсону.

– Вы куда?! – возмутился Джимми.

– Брайтон, – сказал куратор, – я ведь сейчас поселю вас в самую дальнюю комнату непосредственно рядом с прачечной.

Джимми, с несчастным видом, последним приткнулся к группе, представленной альтернативщиками, Геретой Травар и Гредаром.

– Прекрасно, – сказал профессор. – Занимайте семь комнат слева и начните с первой, пожалуйста.

Затем он переключился на Иртану и Терну с Лирёной, а Томас шепнул Вероне: «Извини, что я не сдержался там».

– Полагаю, оно того стоило на предмет воспитания Брайтона.

– Разве что ради этого.

– Так ты – чемпион Арвеарта?

Томас кивнул: «Да вроде как. Мне повезло с наставником».

– А ты, случайно, не знаешь имён эркадорских Советников?

– Это – из школьной программы. Запишу, когда всё закончится.

– Да?! – просияла Верона. – Я буду крайне признательна! Мне, собственно, нужно выяснить, кто из них кто конкретно. То есть как это правильней выразиться?.. Увязать имена с портретами. Или, ещё желательнее, увязать имена с фрегатами, исходя из названия Парусников.

– С фрегатами не получится. Просто в анналах истории ничего подобного не было. Мы не владеем их письменностью, и никто никогда не фиксировал взаимосвязи с названиями. Гораздо проще с портретами. По отношению к центру каждый в своей позиции. Я запишу по порядку, начиная с крайнего правого.

Брайтон, активно прислушиваясь и услышав слово «позиция», тут же откомментировал:

– Хе! Говорят о «позициях»! Блэкуотер, поверь мне на слово! Может, Том и силен в теории, ничего отрицать не буду, но в том, что касается практики, с ним лучше не консультироваться!

Бледные щёки Томаса стали ярко-пунцовыми, глаза за густыми ресницами заблестели ярче обычного. Джимми довольно хмыкнул. Арриго подумал: «Сволочь!» Эамон невольно попятился, ожидая чего-то ужасного. Арвеартцы – Герета и Гредар – тревожно переглянулись, поскольку не знали английского, но зато смогли засвидетельствовать томасовскую реакцию.

– Отлично! – сказала Верона. – Тогда можно я загляну к тебе? Сразу после полуночи...

– Да, – сказал Томас, – пожалуйста. Приходи когда хочешь, на будущее.

– Хе-хе! – засмеялся Джимми. – И ко мне приходи, Блэкуотер! У Девидсона – теория, а у меня – всё прочее!

Верона, взглянув в его сторону, сказала с такой интонацией, от которой у Джимми на время пропала охота выделяться:

– Я точно лишу тебя органа, но только уже не гипофиза. Ты когда-нибудь слышал о термине «химическая кастрация»?

Брайтон сместился к куратору, что закончил распределение и вернулся к своим инструкциям:

– Арверы, прошу внимания! Слушаем дальше, пожалуйста! Расписание ваших предметов не является постоянным, имея в виду их последовательность! Каждую ночь, на проверке, я буду вас информировать, есть ли у нас изменения. И здесь у вас два деквиантера. Для вашего же удобства в меню содержится список с номерами эрверов Коаскиерса, начиная с эктора ректора. Вы можете выбрать функцию письменного сообщения, либо голосового. Видеосвязь отключена. Напрямую звонить не стоит, только в самых экстренных случаях, особенно после двенадцати. В полночь, как вы уже слышали, в Коаскиерсе проверка. Вы обязаны быть в гостиной, где мы с вами сейчас находимся. И имейте в виду, пожалуйста, что Замок стоит на острове и с полуночи до рассвета дорога к нему отрезана. Для студентов, как вы понимаете.

– То есть?! – воскликнул Джимми. – Я не знал, что Замок на острове!

– А что, – удивился Джонсон, – вы этого не заметили при полёте фрегата к Коаскиерсу?

– Я был занят! – ответил Джимми.

Джонсон невольно хмыкнул и спросил с очевидной иронией:

– И чем же вы были заняты?

– Научными экспериментами!

Арвеартцы переглянулись. Куратор сказал: «Сомнительно».

– Эктор, – разъяснила Верона, – он сидел в тот момент на мачте и боялся спуститься на палубу.

– Враки! – воскликнул Джимми. – С чего бы я вдруг боялся?! И вообще докажи, Блэкуотер! Тебя со мной рядом не было!

– Брайтон, – вздохнул куратор, – чтобы сейчас не возникло каких-либо разногласий, я сам за вас выберу комнаты. Остальные согласны, я думаю? – он посмотрел на Томаса. Томас кивнул утвердительно. – Итак, Томас Девидсон – «первая», Гвелдеор – «вторая», пожалуйста. Рэа Блэкуотер – «третья», Герета Травар – «четвёртая». Аримани, за вами – «пятая». «Шестая» – за Эмоном, и «седьмая» – за Джеймсом Брайтоном. Возражения не принимаются.

«Неплохо, – решила Верона. – Достаточно близко к выходу». Герета заметно смутилась. Маккафрей вздохнул с огорчением, а Джимми, заслушав Джонсона, подскочил к оставшимся девушкам:

– Эй, кто в «восьмой»?! Раскалывайтесь!

«Восьмая» досталась Терне – миловидной румяной девушке с веснушками и кудряшками, что посмотрела на Джимми с открытым негодованием. Сам он соорудил ей рожу, за что получил от Джонсона новое замечание:

– Брайтон, хватит кривляться! Вы – студент Академии, а ведёте себя как детсадовец! Стойте спокойно и слушайте. Повторяю самое главное. Замок стоит на острове. До берега – двести футов или двадцать семь декатеров. Мы связаны с сушей мостами. Один расположен ниже. Он – под водой, арверы, и служит служебным целям – гаражи, доставка продуктов, вывоз мусора и так далее. Он построен в виде тоннеля, въезд в который идёт от трассы. На въезде, как вы понимаете, проводится процедура полной идентификации. Верхний мост разводится на ночь. Таким образом здесь обеспечивается полная изоляция. Теперь переходим к следующему. За прогулы учебных занятий, нарушения дисциплины и несоблюдение правил мы начисляем баллы. Сто баллов – и вы отчислены. Так что, арверы, пожалуйста, следите за поведением! Если у вас возникают какие-то обстоятельства, ставьте в известность заранее. Джеймс, вам это ясно?

– А сто баллов в какой период? – осведомился Джимми. – За год или семестр?

– Баллы аккумулируются за период всего обучения.

– А если меня отчислят, восстановиться можно?

– Нет, – сказал Джонсон, – не думаю. Отчисленных не восстанавливают. Им приходится обучаться в колледжах первой ступени для техников-тривералов, а что до альтернативщиков, то их просто ждёт депортация без права обратного доступа. И, кстати, могу поздравить. Вы,

Брайтон, с момента прибытия заработали восемь баллов. По два балла за замечание. А теперь расходитесь по комнатам. Завтра утром я жду вас в восемь на этом же самом месте. Не забудьте поставить будильники. У кого-нибудь есть вопросы?

Джимми поскрёб затылок, скрытый под толстыми дредами. Больше вопросов не было. Джонсон сказал: «Отдыхайте!» – и быстро покинул гостиную. Лирена, Иртана и Терна направились в комнаты первыми, за ними – едва ли не строем, после баллов, полученных Брайтоном, прошли арвеартские парни.

– Джеймс, – сказал Арриго голосом мистера Джонсона, – это у нас называется «подрезать цыплёнку крылья».

– Да гад он! – воскликнул Джимми. – Ни за что ни про что придирается!

– Ничего, – усмехнулась Верона. – Недолго тебе выдываться. Это я гарантирую.

«А тебя, Блэкуотер, не спрашивают!» – едва не ответил Джимми, но наткнулся взглядом на Томаса и, процедив сквозь зубы: «Вечер ещё не закончился», – первым покинул гостиную из компании альтернативщиков.

– Пойдёмте, – сказал Арриго. – Интересно, что там за комнаты.

В результате Герета с Вероной прошли в коридор последними, поскольку Герета решила, что должна позвонить родителям, а Верона, задавшись мыслью, что должна известить проректора о своём уговоре с Джоном, отправила сообщение со второго из деквиантеров:

– *«Экдор Эртебран, я – в „третьей“. Мне нужно спросить у Вас кое-что. Это довольно срочно. Загляните ко мне, пожалуйста».*

* * *

Коридор за витражной дверью оказался просторным, длинным, украшенным и картинами, и старинного вида светильниками, и небольшими ковриками – уютными – тёмно-коричневыми. Несколько арвеартцев ещё не выбрали коды и пребывали в задумчивости, а один из них – в светлом костюме, большеглазый и худощавый, стоял у «*тридцатой*» комнаты – напротив комнаты Девидсона, и с ним же и разговаривал. Речь шла о пьесе «*Души*» драматурга Кобера Ругерта. Томас делился с приятелем собственными впечатлениями:

– Я прочитал её летом. Финал впечатляет, естественно. Лэварт ставит её в «Нерквире». Надо будет сходить обязательно.

Герета смущённо потупилась, прошла до двери в «*четвёртую*», набрала на панели цифры и, закрывшись, взмолилась к Создателям: «Святые Отцы-Покровители! Сделайте с этим что-нибудь!» Когда она скрылась за дверью, Арриго шепнул Вероне:

– Травар из наших девчонок единственная нормальная, а все остальные – так себе.

– Да, – согласилась Верона. – Я уже это заметила.

Ближайший приятель Томаса арвеартского происхождения посчитал своим долгом представиться и просто назвал своё имя, без каких-то особых формальностей: «Гредар. Рад познакомиться». В ответ он услышал:

– Взаимно! Мне повезло с соседями!

Тут к ним приблизился Томас и указал на парня, что выбрал «*тридцатую*» комнату:

– Верона, а это – Неар!

Арвеартец кивнул с улыбкой. Улыбка была приятной – искренней и обаятельной.

– Неар пишет рассказы! – поспешил известить Арриго. – Он трижды публиковался!

В альманахе: «Дебют» для школьников!

Гредар добавил:

– Фантастику. А Арриго – флейтист, между прочим. И сам сочиняет музыку. Он у нас очень талантливый.

– Да чего уж... – смутился Арриго. – Музыка – так – развлечение.

– А Брайтон? – спросила Верона. – Он у нас чем занимается?

– Ничем, – усмехнулся Томас. – Покер и всё такое. Ну и портит всем жизнь вдобавок. Сплошная дегенерация.

Дверь «*седьмой*» распахнулась и появился Джимми, разразившийся громким высказыванием:

– Девидсон, я всё слышал! Хорош на меня наговаривать!

– Подтверждаю, – сказала Верона. – Типичная дегенерация без надежды на исцеление.

– Ну всё! – возмутился Брайтон. – Я вам сейчас устрою! И тебе, Блэкуотер, в особенности! За переход на личности и гнусное оскорбление!

Девидсон стиснул челюсти.

– Брайтон, – сказала Верона, – ты бы мог поучиться у Томаса, как надо вести себя в обществе.

Джимми презрительно хмыкнул:

– Ты, я смотрю, в восторге от этого рыжего мамсика?! Ну да, чемпион! Конечно! Только он не мужик, понятно?! Живёт на чужих гормонах! Ему кое-что отбили, и он – в импотентах, ясно?! Об этом все уже знают, но сам он, боюсь, не признается! А я, между прочим, за правду, чтобы ты потом не расстраивалась!

Повисла страшная пауза. Томас рванулся с места, не выдержав унижения, прорвался за дверь – в гостиную, оставляя створки открытыми, пробежал под высокой аркой и бросился вниз по лестнице.

– Хе! – ухмыльнулся Джимми. – Теперь он не скоро появится!

– Ну и мразь ты! – сказал Арриго.

– Сам мразь! – отозвался Джимми. – Но с такими, как ты, я не связываюсь!

– Мудак, – процедила Верона и пнула его – с размаху, не особо себя контролируя, в зону паховой области.

Джимми согнулся с воем, затем повалился – корчась, и завыл как труба – иерихонская. Маккафрей испуганно выглянул, в ужасе посмотрел на него и юркнул обратно в комнату.

– Он же тебя заложит, – бледнея, сказал Арриго, так как первым заметил проректора, что самым стремительным образом пересекал гостиную. – Верона, тебя отчислят...

Глаза её потемнели:

– Скорее отчислят Брайтона.

Эртебран, сопоставив увиденное со встреченным Томасом Девидсоном, что пронёсся мимо, по лестнице, в невменяемом состоянии, вдобавок к тому, что Брайтон продолжал завывать как помешанный, потребовал:

– Рэа Блэкуотер, пройдите к себе, пожалуйста! То же самое – Гредар и Неар! Аримани, а вы останьтесь. Проясните мне ситуацию.

Верона дошла до «*первой*», взяла свой рюкзак – нахмуренная, вернулась обратно к «*третьей*» и быстро ввела комбинацию, задуманную заранее – два числа – «девятнадцать» и «семьдесят» – год рождения Генри Блэкуотера. Комната – очень уютная, с рядами стеллажных полок; с кроватью с двумя подушками; с большим деревянным шкафом; с просторным столом – двухуровневым, с сенсорной клавиатурой и панелями управления, – освещалась настольной лампой с достаточно сильным свечением. Верона с минуту осматривалась, с удивлением признавая себе, что не ожидала подобного – ни такой современной мебели, ни такого окна – высокого, с красивыми лёгкими шторами и заниженным подоконником, ни таких потолочных балок – массивных, сложной конструкции, потом подошла к кровати, опустила рюкзак у ножки из солидного чёрного дерева, сняла с себя лёгкую курточку и легла, размышляя о будущем в свете всего случившегося.

Отправив Верону в комнату, Лээст склонился над Брайтоном и самым действенным методом – прямой контактной суггестией – стал снимать ему чувство боли, а Арриго, предельно взволнованный, в двух словах сообщил проректору, что Джимми сболтнул Вероне, что

у Томаса есть проблемы, а Верона его проучила и, естественно, правильно сделала. Лээст, прекрасно знавший о томасовском диагнозе, поскольку, по долгу службы, читал медицинские карты на каждого из поступающих, никак не откомментировал подобную точку зрения, а Джимми – парень без комплексов, дождался конца суггестии и заявил с возмущением:

– Экдор Эртебран, понимаете, я просто хотел как лучше! Чтобы она с ним не связывалась! Разве такое нормально?! Мы не успели приехать, а он там уже старается – начал её заманивать! Успел с ней договориться, что она придёт к нему в комнату! А он же – вы понимаете?! – человек с такими проблемами! А если он извращенец?! У него восемьсот по Эйверу! И он бы её использовал!..

Проректор, немного прищурившись, прервал этот всплеск красноречия:

– Достаточно, Брайтон! Достаточно! Избавьте меня, пожалуйста, от ваших интерпретаций! Если вас ударила девушка, поймите совесть оправдываться! Девушки в этих случаях обычно не ошибаются! Идите к себе обратно и поразмышляйте немного на темы морали и нравственности!

Джимми пришлось заткнуться и возвратиться в комнату. Как только он удалился, Лээст провёл Арриго в пустую гостиную, где сказал: «Давай-ка присаживайся и всё по-порядку, пожалуйста. Самым развёрнутым образом». Арриго сел на диванчик, вспоминая все обстоятельства, начиная с инструкций Джонсона, и, немного сбиваясь, начал:

– Верона спросила у Томаса, не знает ли он случайно имён Высочайших Советников, а Томас сказал, что знает и пообещал записать ей... а профессор Джонсон тем временем занимался распределением... И потом он нас всех оставил, а мы постояли немного и пошли занимать свои комнаты, и пока разбирались с кодами, начали там разговаривать, и Джимми сказал ей прямо – прямо в присутствии Томаса: – «Ты, я смотрю, в восторге от этой сопки и мамсика?! А он – на чужих гормонах! Мол, импотент полнейший!» Представляете, сволочь какая?! – Арриго, разгорячившись, энергично потряс кулаками. – Так вот – перед девчонкой! И потом он сказал после этого, что Томасу всё отбили, и что все уже знают об этом, и что только она не в курсе, а он как доброжелатель ставит её в известность! Ну Томас рванул оттуда, а дальше вы уже знаете.

– Понятно, – сказал проректор. – Ты загляни к ней, пожалуйста, и скажи, что пора ложиться. Скажи, что проблему с Советниками ночью решать не следует.

– Конечно! – кивнул Арриго.

– А я разыщу сейчас Томаса. Он, видимо, на террасе. Больше идти ему некуда.

Проследив за фигурой проректора, что энергичным шагом направился в сторону лестницы, Аримани покинул гостиную, занёс свою сумку в комнату, огляделся, сказал: «Недурно!» – и поспешил к Вероне – обсудить ситуацию с Девидсоном.

– Полагаю, это – серьёзно? – поделилась она впечатлением. – Исходя из его реакции, картина пока безнадежная?

– Серьёзно, – вздохнул Арриго. – Делали две операции, правда, не здесь, а в Лондоне, но обе прошли безуспешно. И, кстати, мало кто знает. Знаем мы как друзья и Неар. Он тоже с Томасом дружит. И те из преподавателей, кто знаком с медицинскими картами.

– Ладно, – сказала Верона. – Возможно, не всё так плохо.

Передав ей слова проректора и простившись с ней рукопожатием, Арриго сходил в душевую, освежился, вернулся в комнату, расчесал свои буйные кудри, взял коробку конфет – бельгийских, и отправился в комнату к Гредару. Гредар, узнав от приятеля, что Брайтона обезболили, Верону не наказали и что Томас, возможно, на пристани и экдор Эртебран уже ищет его, вздохнул с большим облегчением и помянул Создателей, воздав им хвалу за участие.

– И кстати, – сказал Арриго, – я неделю провёл в Брюсселе. Это – столица Бельгии. Вот шоколад оттуда. Попробуй. Тебе понравится.

– Хорошо, – согласился Гредар и отставил коробку с конфетами на одну из стеллажных полок, с мыслью вручить её позже одной из своих сокурсниц – Иртане Артварден, в частности.

* * *

Разобрав свои вещи наспех, Верона взяла полотенце – пушистое, темно-зелёное, и отправилась в душевую – в жёлтых сланцах с красными розочками. «Женские душевые» оказались большим помещением из совмещённых секций: отделения с умывальниками, отделения с туалетами и просторной и светлой комнаты с пятью душевыми кабинками. Разобравшись с устройством кранов, Верона намылилась гелем и поймала себя на мысли, что думает не о Джоне и даже не о проректоре, а о том, чьё изображение – прекрасное и сияющее – осело в её сознании, словно якорь из чистого золота. Что до эйдора Смита, то образ его распался. Одна его часть – отдельная – вписалась в картину прошлого; другая – в картину будущего; а третья вошла в настоящее – яркими, тёплыми всполохами. Ощущая вину – усилившуюся, она попыталась уверить себя, что возникшее ней желание – оказаться в центральном холле и увидеть портрет ещё раз – портрет Эркадора Великого – эртаона первого уровня – более чем невинное и абсолютно не связанное с чувственными мотивами. «И то, что он посмотрел на меня... он не смотрел в действительности... просто мне показалось... из-за яркого освещения... И зачем я об этом думаю? Мне надо думать об имени...» В мыслях такого рода она быстро помыла голову, затем обсушилась у зеркала и, одевшись, вернулась в комнату.

В комнате её ждали. Джон – в кофейном по цвету фреззде, в светлых штанах из замши и в сапогах – перламутровых, сидел на столе, посмеиваясь, и держал её *Volume Двенадцатый*, раскрытый на том разделе, что назывался «*Прошлое*» и содержал рисунки – схематичные – карандашные – эпизодов из детской жизни, где именно сам он присутствовал в центре любой композиции. Папка была отложена.

– Я смотрю, – произнёс он с иронией, – наш Эхнатон Великий поразил твоё воображение.

Верона – порозовевшая – румяная и распаренная, покраснела ещё сильнее и лишь опустила голову. Джон встал, подошёл к ней медленно – высокий, широкоплечий, с иридиевыми браслетами на предплечьях с рельефными мышцами, забрал полотенце – влажное, откинул куда-то в сторону и нежно сказал:

– Не расстраивайся. Естественные реакции. Можно ли с этим справиться?

– Да, – прошептала Верона, глядя на нити фреззда – по виду достаточно грубые, с фактурным переплетением.

– Не семнадцатилетней девушке, которая толком не знает, где она оказалась и что за всем этим последует.

Верона, опять ощутив себя бессмысленной инфузорией – со всеми своими реакциями – на него самого, на проректора, на «*Минотавр*» Маклохлана, на куратора пятикурсников, на портрет «Эхнатона Великого», зажмурилась и заплакала.

– Ну вот, – сказал Джон, – приехали. Хотя нет, ещё не приехали. Дай мне одну секунточку...

* * *

Эртебран, обнаружив Томаса сидящим на парапете – на самом краю у пропасти – той, что в себя заманивает и обещает навеки избавление от страданий, ненадолго присел с ним рядом – в целях стабилизации, а потом повёл в свою комнату – выпить горячего чаю и поговорить на темы с общего рода значением.

Джимми Брайтон в эти минуты не испытывал ни благодарности, ни раскаяния за содеянное, а, напротив, вынашивал планы на весьма интересную тему – как отомстить Вероне и опозорить прилюдно каким-нибудь хитрым образом. «Пукалка не подходит, – думал он с огорчением, роясь в своих вещичках, представленных громкой «пукалкой», растворимых в горячих

жидкостях капсулах со слабительным, баллончиком с этантиолом, небольшого размера флаконом (пока что ещё не опробованным) с искусственными феромонами, целым набором стикеров с разнообразными надписями и пачкой цветных журналов, изданных в Амстердаме. «Может, ей порно подбросить?! Baskets этот дурацкий! Хотя нет, догадаются сразу! О боже! – Брайтон подпрыгнул. – Надо ей презик подкинуть! Кончить в него и подкинуть! Или сказать импотенту, что я с ней всю ночь протрахался! Этого он не вынесет!»

Джина курила *Vogue*, сидя на подоконнике, и мечтала о встрече с Куратором – на фоне идей Вероны, что прозвучали на Паруснике. Представляя, как Старший Куратор отвечает ей – Джине – согласием – на просьбу «смотреться в Ирландию» и гуляет с ней вместе по Дублину, приглашает в кафе на ужин, угощает её шампанским, всю ночь напролёт целует её, Джина – в своих мечтаниях – дошла до самого главного – как в порыве любви и страсти он лишает её невинности и делает ей предложение, а она отвечает согласием. Рама окна была поднята на семь допустимых дюймов, которых вполне хватало для вытяжки и для воздуха. Мысли влюблённой Джинины покидали пределы Замка – вслед за дымом – столь же рассеяно, а время, в её ощущениях совсем перестало двигаться и застыло как замороженное. Великий Экдор Терстдаран читал в это время книгу – третий том «*Сиггрийского Права*», и хмурился то и дело, поскольку джинины мысли создавали ту атмосферу, при которой чтение книги юридического порядка представлялось достаточно сложным и, больше того, неправильным с этической точки зрения.

Верона – в своих страданиях – совсем ничего не почувствовала, кроме объятия – сильного, и в ту же секунду услышала: «Малышка, ну всё, успокаивайся! Посмотри-ка, где мы находимся!» После нескольких нервных всхлипываний, она осторожно высвободилась и увидела небо – чёрное, в бесчисленных звёздах – мерцающих, совершенно ей незнакомых с учётом любого ракурса.

– Красота, – сказал Джон, – не правда ли?! Сейчас мы снова на паруснике, в сотнях парсек от Солнца. Как тебе это нравится?

Верона по-детски ахнула и прошептала в ужасе:

– Но это же невозможно... ни при каких условиях...

Джон вытер ей слёзы пальцами – те, что ещё просачивались, и ответил, садясь на палубу:

– Конечно возможно, Малышка моя, если ты сможешь представить, что наша с тобою скорость – это не скорость фотонов, а скорость собственной мысли, способной за полсекунды преодолеть пространство во всех существующих формах, невзирая на расстояния.

Верона, силясь представить, тоже уселась на палубу, прижалась плечом к руке его и опять посмотрела в небо. Звезды рассыпались бусинами – от мельчайших синих пылинок до крупных, слепящих шариков с лазурными ареолами, которые чуть затуманились. Перед её глазами появился вдруг образ «Крюгера» – куратора пятикурсников. Она прошептала:

– Господи, ведь это – неправда... скажите мне...

Джон обнял её нежно, погладил длинные волосы – прохладные, всё ещё влажные, стекавшие вниз до палубы, и ответил:

– Вы поцелуетесь, но здесь волноваться не о чем. Это не самое страшное из того, что случится в августе.

– А что будет самым страшным?

– Будет много чего, любимая, но ты не бери себе в голову. Ты – здесь. Ты – со мной. Это – главное...

– Как вы живёте с этим? Вы знаете всё, что я думаю.

Джон прикоснулся губами к её лбу – всё ещё горячему, спустился к глазам – закрывшимся, и прошептал, целуя их – то один, то другой – по очереди:

– Так и живу, любовь моя. И чем больше я узнаю тебя, тем дороже ты мне становишься...

* * *

После крепкого чая с проректором, Томас, дойдя до гостиной, был встречен своими приятелями – Гредаром и Арриго, а сам Эртебран, умывшись, рухнул – в буквальном смысле – на кровать в своей маленькой спальне и уснул через три минуты, прибегнув к самовнушению.

Джина Уайтстоун полночи делала разные маски: сначала из белой глины, затем – из фруктовых энзимов и в конце – из репейного масла. Одновременно с этим она долго красила ногти, выпрямляла волосы плойкой и курила периодически, созерцая своё отражение в красивом настольном зеркале и вытирая слезы, приходящие к ней от мысли, что всё, чем она занимается – более чем напрасно, и прекрасный Старший Куратор опять её не заметит и не уделит ей внимания, пусть даже и мимолётного – самого минимального.

Герета, тоже влюблённая, писала дневник – виртуальный, и то и дело поглядывала на фотографию Томаса, – его портрет из журнала «*Мир Спорта и Состязаний*»:

«Сегодня ТОМАС впервые посмотрел на меня по-другому! И мы живём по соседству – между нами только две комнаты! Сначала мы все там стояли, и ОН разговаривал с Неаром. Я тоже читала „Души“, но я никогда не осмелюсь заговорить с НИМ об этом, иначе ОН может подумать, что я прочитала с той целью, чтобы хоть как-нибудь выделиться...»

Вернувшись с Вероной в «*третью*», Джон дал ей переодеться, и когда она в чёрной майке с надписью *I am a dreamer* села на одеяло и стала приглаживать волосы, пропуская их между пальцами, то опустился рядом, любуясь её выражением – смущённым, но полным нежности и одновременно – восторженности. Она спросила:

– Мой гребень... Он так у вас и останется?

– Да, – сказал Джон, – останется. Не лишай меня удовольствия обладать твоими предметами.

– Которые я теряла?

– Которые ты выбрасывала, начиная с раннего возраста.

Тут же в её представлении возникла большая куча – из фантиков, из бумажек, из обгрызенных карандашиков, из пенальчиков от помады, из расчёсок, лишившихся зубчиков, из коробок из-под печенья, из носков с протёршейся пяточкой. Картина была специфической. Джон рассмеялся:

– Вот именно!

Верона запыхала, но нашла в себе силы сказать ему:

– Вы можете брать, что хотите, а не ждать, пока что-нибудь выбросится.

Он посмотрел на полки. Взгляд его стал мечтательным:

– Ну, может быть, эти сланцы, и эти духи, и зеркальце...

Она глубоко вздохнула:

– Сэр, я могу попросить вас?..

– Ложись, – сказал Джон, – уже поздно. И не беспокойся о Томасе. К утру он уже поправится.

Долгий день наконец закончился. Верона уснула – счастливая, а Джон просидел с ней рядом всю ночь – до рассвета по времени, охраняя её сновидения и любуясь её очертаниями.

V

Первым из наших героев утром проснулся Джошуа. Проснувшись, он встал, позевывая, поскрёб на щеке щетину и отправился в ванную комнату, где достаточно долгое время изучал отражение в зеркале. Зеркало отражало густые чёрные волосы, мускулистые грудь и плечи и лицо – по мнению Джошуа – абсолютно непривлекательное. Затем он побрился быстро и, одевшись спортивным образом, отправился на пробежку – на футбольное поле Коаскиерса, где к нему через четверть часа присоединился Марвенсен.

Томас, всегда встававший ровно в четыре тридцать, проснулся намного позже и осознал моментально, что это странное чувство – то, что его разбудило, вызвано напряжением – очень конкретным – физическим, которого он в своей жизни никогда ещё не испытывал. Обливаясь холодным потом, он отбросил с себя одеяло и с минуту смотрел на плавки из плотного трикотажа, не скрывавшие результата столь странной метаморфозы. Затем он спустил эти плавки и, увидев себя полноценным, заплакал навзрыд – как в детстве, как не плакал класса с четвёртого.

Брайтон – сова, а не жаворонок – проснулся в семь, по будильнику, и решил поваляться немного, но тут же, припомнив вчерашнее, вытащил из-под подушки упаковку с презервативом и журнал под названием *Basket*, содержащий в себе картинки с мастурбирующими девицами.

Следом проснулась Джина. «О господи! Наконец-то!» – с этим чувством она покурила и пару минут примерно провела над набором шампуней, пытаясь определиться: «„Апельсиновый“? Нет, не сегодня. „Хвойный“? Наверное, „Хвойный“. Хотя, может быть, „Земляничный“? Нет, наверное, всё-таки „Хвойный“. А что, если этот – новый?» Она извлекла из пакета маленький пузырёчек, открутила круглую крышку и вдохнула приятный запах – сладкий, с оттенком ванили и лёгкого бергамота.

Именно в эту секунду наконец проснулась Верона. Она поднялась с кровати и увидела чашку с блюдцем. В чашке было какао. На блюдце лежала плюшка. Прошептав: «Мой экдор, что вы делаете?! Так вы меня избалуете!» – она прошла к подоконнику – посмотреть на море – синее, с золотистыми яркими бликами, и увидела слева, в стенке, сенсорный пульт управления, поднимавший оконную раму до глухого щелчка фиксатора. Подкрепившись какао с плюшкой и сходя в умывальную комнату, где ей встретились Терна с Иртаной, сухо с ней поздоровавшись, она отправилась к Девидсону – проверить его состояние. Томас открыл, не задумываясь, так как ждал появления Гредара, и предстал пред Вероной в джинсах, с обнажённым торсом до пояса. Выглядел он впечатляюще и получил – комплиментом:

– Если бы Микеланджело взял тебя за основу, то Давид бы мог соответствовать моим собственным представлениям!

– Каким?! – засмеялся Томас.

– О мужской красоте, разумеется!

Когда тема была исчерпана, разговор их сместился в сторону – от его исключительной внешности к вопросу его исцеления. Верона – со всей деликатностью – попыталась узнать, есть ли новости на предмет его состояния, и, получив подтверждение, возликовала внутренне. Томас сказал:

– Эртаоны! Это они помогли мне! И ещё мне тату оставили! На правой руке! Показать тебе?!

«Тату» – золотые символы – украсили его руку – от запястья до ямки локтя, и сияли заметным свечением.

Верона вытерла слёзы, на этот раз – слёзы радости, и ещё минут пять примерно сентиментально всхлипывала, пока Томас заваривал кофе в компактном стальном кофейнике. Когда он протянул ей чашку, она осторожно спросила:

– А это слово, оставленное, оно может быть чьим-то именем?

Томас пожал плечами:

– Здесь только восемь знаков, а у них имена очень длинные. Исключений не наблюдается. Эрневинтерадон, к примеру.

– Эрневинтерадон?! А кто это?!

– Один из Великих Советников. Он всегда находится слева. Первый слева от «первого уровня». И, кстати, я обещал тебе... Сейчас запишу до завтрака.

Верона присела в книксене и, услышав в ответ: «My pleasure!» – хотела спросить об имени – просто так, интереса ради, – сына Первой Звезды – Эркадора, но тут в коридоре послышались громогласные крики Брайтона: «Напрасно не хочешь слушать! Знаешь, что она сделала?! В начале третьего ночи пришла ко мне извиняться! У девчонок одна психология!»

Томас, с бурной реакцией – сжав кулаки и зубы, метнулся к двери и замер. Голос звучал всё громче: «И знаешь, чем всё закончилось?! Полночи с ней кувыркался! Этой ночью опять притащится!»

Нажав на дверную ручку, Томас взглянул на Верону и прошептал: «Мерзавец... Сейчас я его уничтожу и мне наплевать на последствия...»

– Постой! – возразила Верона. – Уничтожим его морально! У нас целых три обстоятельства: и то, что я – в твоей комнате, и то, что ты – без рубашки, и то, что кровать – не заправлена...

– А ты не боишься тем самым испортить свою репутацию?

– Уж если её и портить, то никак не при помощи Брайтона!

– Да, – сказал Том, – согласен!

Секунд через пять примерно Джимми, прижатый к стенке, выдавил с хрипом: «Не верите? Я д-до ут-тра с ней т-трахался... Она п-попросила, к-конечно, чтобы я н-никому не рассказывал... С-сказала – особенно Д-девидсону».

– Осторожней! – призвал Арриго, ставший сначала слушателем известных инсинуаций, и следом – невольным свидетелем надвигавшегося возмездия.

Томас ослабил хватку. Брайтон засунул руку в карман баскетбольных шортов и вытащил средство мести:

– Вот, посмотрите, парни! Я его поднял с пола! Выбросить собирался!

Томас взглянул на латекс с некоторым количеством мутного содержимого, а затем произнёс:

– Любопытно. Только, боюсь, мне придётся уверить тебя в обратном.

– В чём?! – изумился Джимми.

– Верона была в моей комнате, как мы и договаривались. Так что припрячь свой презик для следующего раза.

– Гонишь! – воскликнул Брайтон.

Томас, не отвечая, набрал на замке комбинацию. Картина, им всем представшая, подтверждала его заявление. Верона – в одной футболке – сидела на подоконнике и допивала кофе. Её клёши висели на стуле, а волосы были распущенными и казались немного взлохмаченными. Обнажённые длинные ноги – точёные, с узкими ступнями, – приковали внимание юношей на долгий отрезок времени. Томас опять почувствовал сильное возбуждение; Арриго подумал: «Здорово! Это, конечно, розыгрыш, но оно того стоит, наверное!» – а Джимми, взяв себя в руки, разразился громким высказыванием:

– Жалко мне вас, ребята! Уж как бы вы ни старались, результата у вас не будет! Я понимаю, естественно, что Томас у нас – красавец, но повторюсь, Блэкуотер, в мужчине внешность – не главное!

Верона отставила чашку и произнесла, посмеиваясь:

– Согласна, Брайтон, согласна. В мужчине внешность – не главное, на примере того же Крюгера, но Тому не на что жаловаться не только по части внешности, но и по части прочего. В этом я убедилась, чего бы ты там ни рассказывал!

Джимми скосился на Томаса, который шагнул к гардеробу, вновь посмотрел на Верону, что перешла к кровати, чтобы расправить простыни, и произнёс: «Не понял. Ты чё, на деле поправился?!»

– Допустим, – ответил Томас. – Но даже если поправился, тебя это не касается.

– Да врёшь ты! – воскликнул Джимми.

Тоггертсвултец надел рубашку, затем подошёл к Вероне, демонстративно обнял её, поцеловал – с решительностью, не встретившей возражения, и повернулся к приятелю:

– Нуждаешься в демонстрации?

– Нуждаюсь! – воскликнул Брайтон.

Томас взглянул на Арриго, приоткрывшего рот от волнения, затем отпустил Верону, что отвернулась в сторону, уважая вопрос приватности, опять посмотрел на Джимми и процедил сквозь зубы, расстёгивая ширинку:

– И что ты на это скажешь?

Брайтон – морально поверженный – искажился в лице и выдавил, придавая отвисшей челюсти нормальное положение:

– Хе! Ничего удивительного! Если Блэкуотер разденется, на неё у покойника встанет, а у всех остальных – тем более!

«Проректор!!! – решил Арриго. – Это он его ночью вылечил!!!»

Верона, услышав Джимми, сказала с сарказмом в голосе:

– Зато если ты разденешься, то лучше я стану покойницей, чем буду иметь несчастье взирать на твоё достоинство.

Поскольку достоинство Джимми уступало в своих размерах обрётённым достоинствам Томаса дюйма на два или около, то продолжать эту тему он счёл для себя унижительным и, пробормотав: «Ну ладно... Выискались любовнички...» – быстро покинул комнату, исполнившись намерением донести на Верону с Томасом по вышестоящей инстанции в лице куратора Джонсона.

* * *

Джонсон, встававший рано, был, как считали студенты, «хронически пунктуален». Подобная пунктуальность привела его к каменной арке именно в ту секунду, когда Брайтон, поднявшись с кресла, подумал: «Какая точность!» – часы над высокой аркой указывали на время: короткая стрелка – на восемь, минутная – на двенадцать.

– Сэр, извините, конечно, – начал вкрадчиво Джимми, – но, мне кажется, я обязан довести до вашего сведения, что мисс Блэкуотер сегодня ночевала не в собственной комнате, а вместе с Томасом Девидсоном, с вытекающими последствиями...

– Что?! – поразился Джонсон. – Джеймс, вы в этом уверены?!

– Уверен! – воскликнул Джимми. – Минут десять назад я увидел, как она от него выходит, а потом я зашёл к нему в комнату, а он ещё был раздетым и кровать была незаправлена! Тогда я спросил: «В чём дело?» – а Девидсон мне ответил, что это меня не касается! И я просто сделал выводы! Эти выводы сами напрашиваются! И ещё я обязан добавить, что Томас вполне состоятелен... по части его проблемы. Его излечили как-то! Господин Эртебран, наверное!

– Понятно, – сказал куратор.

Витражные створки раздвинулись. Верона – с листком бумаги, улыбаясь, вошла в гостиную и присела в изящном книксене. За ней появился Томас – с извинением за опоздание. Джонсон кивнул им приветственно и повернулся к Брайтону:

– Ну вот, а теперь послушайте. Что бы там ни случилась, я прошу вас в это не вмешиваться и больше не обращаться ко мне с подобными донесениями.

«Ладно, – подумал Джимми. – Раз не прошло с куратором, донесём до ушей проректора! Либеральничать он не будет! Этот Девидсон вылетит сразу же!»

– Пойдёмте! – призвал куратор.

Процессия первокурсников двинулась вниз по лестнице – на свой первый завтрак в Коаскиерсе. Столовая находилась в южном секторе здания. При их появлении в зале часть студентов зааплодировала. Первокурсники – засмутившиеся, вереницей прошли за профессором до левой стены помещения и, столпившись у длинной стойки, принялись украдкой осматриваться. Пол был выложен тёмным мрамором, на стенах пылали факелы, с потолка – на цепях из бронзы – спускались вниз канделябры – круги с оплывшими свечками, шесть столов, плюс один пустующий, занимали студенты Коаскиерса, а восьмой был преподавательским.

– Ну вот, – пояснил куратор, – здесь принято самообслуживание. Берёте подносы в окошке и туда же их и возвращаете.

– А добавки?! – выкрикнул Брайтон.

– Берите подносы по очереди, – продолжал инструктировать Джонсон. Столы здесь шестиугольные. Это значит – садимся по пятеро. И имейте в виду, пожалуйста! Не расходимся после завтрака!..

На завтрак у первого курса, как у всех остальных в Коаскиерсе, был омлет, тарталетки с грибами и заварные пирожные. Иртана, Лирена и Терна, первыми взяв подносы, сели так, что в их обозрении оказались и преподаватели, и раздаточное окошко, и студенты седьмого курса, и студенты шестого курса, и даже двери в столовую, на что Верона заметила, обращаясь к новой приятельнице: «Придётся садиться рядом. Стратегические позиции». Все девушки, таким образом, заняли общую линию. Угол стола рядом с девушками был выбран стратегом Томасом. Дальше сели – в привычной последовательности: Гвелдеор, Аримани, Маккафрей и Джимми – на крайней позиции, нисколько не помешавшей ему следить за столом эрверов и, в частности, за проректором. Лээст сидел между Джошуа и куратором пятикурсников, нестандартная внешность которого претерпела одно изменение.

– Ну и ну! – поразился Джимми. – Крюгер у нас обстригся! Это кто же так обкромсал его?!

Верона, сразу отметившая – уже при входе в столовую, что куратор пятого курса укоротил свои волосы и стал, сообразно Джимми, «ещё больше похож на пугало», снова невольно подумала: «Как?! При каких обстоятельствах?! О нет, это просто немыслимо...» Эртебран широко улыбнулся ей, что было подмечено Джонсоном и парой других кураторов, а Джош, при виде футболки – исцветшей, предельно заношенной, спросил себя: «Это – сознательно? В противовес своей внешности? Или проблема в средствах? И ничего ведь не сделаешь. Ведь не пойдёшь и не скажешь ей: „Мисс Блэкуотер, простите, пожалуйста, но одежда такого рода вас просто дискредитирует“. Надеюсь, она сумеет заработать эту стипендию... Сумма, конечно, смешная, но, возможно, в её положении... Я бы слетал с ней в Дублин, и она бы там приделалась бы. И надо сказать ей, кстати, что взносы необязательны. Что они могут жить в Лисканноре, сколько заблагорассудится. Надо только продумать срочно, как ей сказать об этом, чтобы она не обиделась... чтобы она не расстроилась... как-то поделикатнее...» Пока он размышлял об этом, его завтрак остыл окончательно, в результате чего астрологу пришлось подьесть холодное.

Сама Верона – счастливая – и выздоровлением Томаса, и заботами Джона – трогательными, и тем, что она приблизилась к разгадке проблемы с именем, завтракала с удовольствием, не в пример пятикурснице Джине, не съевшей ни тарталеток, ни десерта – весьма изысканного, и лишь вкусившей омлета – с трагическим выражением, сопряжённым с переживаниями личностного характера.

Профессор шестого курса тоже, как мистер Джонсон, заметил реакцию Лээста на приход Вероны в столовую и сказал себе: «Любопытненько. Наш проректор запал на студенточку. Конечно! Такая штука! Таких до неё здесь не было. Но я, на его бы месте, вёл бы себя осмотрительнее...»

После завтрака ход событий несколько убыстрился. Джонсон прошёл с первокурсниками обратно в гостиную комнату и объявил торжественно:

– Арверы, прошу внимания! Начинается самое главное! Сегодня вы все приобщаетесь к Великому Братству Коаскиерса! У вас на столах, в ваших комнатах, пергаменты с «Клятвой» и «Правилами»! Заучите дословно, пожалуйста! Также вы обнаружите теарады и фреззды с арвфеерами! Теарады – это сандалии, арвфееры – платья для девушек, а фреззды – одежда для юношей! Будьте готовы к одиннадцати! Из гостиной я вас забираю ровно в одиннадцать тридцать и отвожу на пристань перед главным входом в Коаскиерс! Церемония Посвящения состоится на пятимачтовике!..

Когда Джонсон покинул гостиную, Верона, сославшись на Джину, упорхнула вслед за куратором, на что Томас отреагировал долгим взглядом в сторону лестницы. Герета, павшая духом, ушла к себе и расплакалась. Арриго – переживающий – и за Томаса, явно влюблённого, и за свою однокурсницу арвеартского происхождения, взялся с расстройства за флейту – за один из этюдов Генделя. Джимми, в мечтах о возмездии, переместился в комнату и стал сочинять для проректора чрезвычайно гадкую кляузу. Эамон, всю ночь провертевший и представлявший с ужасом, как эртаоны-Кураторы объявляют во всеуслышание, что у него – Маккафрея – нет никаких способностей, расклеился окончательно при виде пергамента с буквами. Буквы были старинные, сложные для прочтения, и в целом весь текст представлялся невысказанным для заучивания.

Верона, спустившись по лестнице, быстро сориентировалась и двинулась в сторону холла – по коридору с окнами, что смотрели во двор Коаскиерса. В руках её был листочек с именами Отцов-Прародителей. «Арленáравирóн? – размышляла она. – Нет. Имя какое-то странное. Джона оно не украсило бы. Безерингеданóн? Не думаю. Тревелáрлеатóн? Сомнительно. Эларинтеарóн? Не особенно. Варневирлегарóн? Отрицательно. Реларинкордеван? Без шансов. Эрневинтерадóн? Пожалуй... Это имя мне точно нравится. Ведь недаром же Томас назвал его...»

Коридор увенчался дверью. Зал за тяжёлыми створками был пуст и залит сиянием – от нескольких люстр – хрустальных, от странных шаров – светящихся, что просто парили в воздухе, и от портретов Создателей. Верона, свернув налево, прошла до уровня лестницы, встала лицом к гобеленам и начала изучать их. Ни один из шести Советников не вызвал в её сознании ни отклика, ни желания признать его исключительным, ни каких-то ассоциаций, хотя все они безусловно, со своими рельефными мышцами и твёрдыми подбородками, не уступали Джону – согласно её восприятию. Когда она констатировала: «Эрневинтерадон, простите меня. Имя у вас прекрасное, но вы тоже не Джон, мне кажется...» – взгляд её, по инерции, обратился к портрету в центре – к эртаону первого уровня. Плавающий взгляд Эркадора вошёл в неё с тем эффектом, с каким бы вонзилось в масло раскалённая сталь – вольфрамовая. Верона едва не упала, ощущая слабость – смертельную, примерно такого свойства, как накануне с Джоном, – на грани потери сознания. Секунду-другую-третью она всё пыталась справиться – со страшным головокружением, со звоном в ушах – оглушающим, с тошнотой, продолжавшей усиливаться, но сумела найти в себе силы лишь на то, чтобы снова выпрямиться. Эркадор улыбнулся внезапно. Верона похолодела и одновременно почувствовала, что слабость её исчезла, а в теле возник тот вакуум, что предвещал начало сильного возбуждения.

– Великий Экдор, вы не смеете! – взмолилась она в отчаянии.

Тем не менее ощущения – прекрасные, нарастающие – охватили все её тело и начали концентрироваться – так, как могло бы случиться от физического воздействия. Внутренне сопро-

тивляясь, она – с максимальным усилием – сделала шаг, качнулась и стремительно села на пол, предотвратив падение. Затем она просто сжалась. Тело её – беззащитное, абсолютно ей неподвластное, в тот момент продолжало испытывать резкое наслаждение, примерно такого уровня, когда разум уже отказывает, а блаженство подходит волнами – глубокими и горячими. Эркадор перестал улыбаться. Глаза его полыхнули – лазуритовым – ярким – пламенем.

– Нет, я смогу... не дождётесь... – прошептала Верона, борясь с ним, и тоже пошла на крайность, закусив губу – так решительно, что почти прокусила полностью.

Все её ощущения куда-то пропали сразу же. Осталось лишь чувство боли – сильное и усиливающееся – острой, до слёз, пульсацией. Сплюнув кровавый сгусток, она поднялась – негодующая, дошла до подножия лестницы и, поднявшись на пару ступеней, присела – с целью лечения. Не успела она сконцентрироваться, как дубовые створки разъехались и возникла фигура «Крюгера» – куратора пятикурсников. Он тоже направился к лестнице и остановился, приблизившись. Верона не отреагировала. Губа её – окровавленная – распухшая и посиневшая – выглядела устрашающе. Кровь продолжала сочиться – струйкой – по подбородку, и дальше – чёрными каплями. Так протекла минута. Арвеартец стоял, не двигаясь. Верона, глаза которой ещё хранили презрение, разглядывала профессора – сюртук его – грязный, болтающийся; рубашку десятой свежести; гармошки штанин над туфлями; торчащие в стороны волосы; и от мысли, что в этом августе он – безобразный, запущенный, пахнущий грязью и потом, решится поцеловать её, гнев продолжал в ней усиливаться. «Крюгер», глаза которого тоже были полны презрения – в виде защитной реакции в ответ на её эмоции, ухмыльнулся, потёр свои шрамы и сказал с показным равнодушием:

– Встаньте, рэа Блэкуотер. Вас что, не учили в школе, что при встрече с преподавателем вы всегда обязаны кланяться?

Услышав его замечание, в сущности – справедливое, невзирая на все обстоятельства, Верона дерзко ответила:

– Учили, экдор, представьте! Но момент упущен, по-моему, так что с этим уже не получится!

Тем не менее она встала и сошла к основанию лестницы. Неприятный запах усилился. Профессор спросил внезапно:

– Что с вашей губой? Вы поранились? – в расчёте на откровенность, вместо возможной грубости – той, что в ней концентрировалась.

– Нет! – ухмыльнулась Верона. – Я её прокусила! Я подвержена мазохизму в самых худших его проявлениях!

Пауза вышла долгой.

– Простите, – сказал арвеартец. – Я бы мог попытаться помочь вам, но боюсь, что с вашими баллами здесь помочь вам некому, за единственным исключением.

Верона, представив Лээста, едва уловимо пахнущего – чем-то тонким, предельно волнующим, более чем ухоженного, одетого с крайней изысканностью – сочетание строгого стиля с благородно подчёркнутой роскошью, резко спросила:

– Вы шутите?! Я не нуждаюсь в помощи! Я крайне самодостаточна!

– Забудьте, – сказал профессор, уловивший в её ответе глухую ноту отчаяния – почти на грани растерянности и детского чувства беспомощности, и нейтрально добавил: – Попробуем. Попытка не пытка, знаете? Закройте глаза, пожалуйста.

Верона, пожав плечами, хмыкнула, но зажмурилась. Зажмурилась и почувствовала, как «Крюгер» платком – очень бережно – промокает ей кровь – текущую, после чего, сконцентрировавшись, пытается сделать что-нибудь – в меру своих возможностей – под восемьсот по Эйверу. Через десять секунд примерно он сказал: «Получилось, кажется. Кровь уже не идёт, по-моему...» Глаза её вновь раскрылись. Профессор, худыми пальцами, смял свой платок –

бумажный, сунул в карман не глядя и добавил: «Но без реверсии». Секунду-другую-третью они просто стояли молча, изучая друг друга на уровне, близком к молекулярному.

– Скажите, зачем вы приехали? – спросил он, нарушив молчание, становившееся бессмысленным. – У вас ведь есть Академия. Неплохая, насколько я знаю, и Таерд вам покровительствовал.

Чуть свыкнувшись с его запахом – настолько, чтобы не думать о нём, Верона спокойно ответила:

– А вас это не устраивает?

– Представьте, что не устраивает. Я был изначально против вашего зачисления.

Глаза её потемнели:

– Не только вы, полагаю, но ещё кое-кто во Вретгреене. Вретгреенское отделение известного Департамента. Но я уже здесь тем не менее, так что смиритесь, пожалуйста.

При фразе о Департаменте лицо его – искажившееся – то ли гримасой боли, то ли гримасой ненависти, стало настолько страшным, что Верона невольно съёжилась, а сам он, заметив это, бесцветно сказал:

– Разумеется, но только, пожалуйста, помните, что ваше здесь появление будет стоить жизни кому-нибудь.

Она опустила в книксене, посчитав разговор оконченным. «Крюгер» заметил: «Не стоило. Поклоны в первую очередь свидетельство уважения...» – и направился вверх по лестнице, а сама она, с мыслью: «Ясно... „Может стоить жизни кому-нибудь...“ На этом всё и завязано...» – отправилась к новой приятельнице – как к источнику «*Вога*» – ментолового, и источнику информации.

Джина, как вскоре выяснилось, обреталась в конце коридора, у душевых, в «шестнадцатой». Комната её – светлая, с прозрачными занавесками, с пушистым ковром из шёлка, с вазами и картинами, – источала благоухание и казалась весенним оазисом. Джина – царица оазиса – в длинном салатном платье, в балетках, ярко накрашенная, при виде Вероны ахнула:

– Ты что, целовалась с кем-нибудь?! Тебя укусили?! Боже мой!

– Увы, – вздохнула Верона, – целоваться тут не с кем, мне кажется. Даже Крюгер далёк от подобного, хотя я полагала обратное. Назовём это «производственное».

– «Крюгер»?! Какой ещё «Крюгер»?! – спросила Джина в растерянности.

– Ваш куратор. Не знаю имени.

– Брареан! – сообщила Джина. – Он точно далёк, уверяю тебя! Но не могу быть уверенной относительно Джоша Маклохлана!

– Да! – рассмеялась Верона. – Ваш Виргарт уже намекнул мне, что если мне вдруг захочется «чего-нибудь романтического», то Джошуа – вне конкуренции!

– Ага! – усмехнулась Джина. – «Чего-нибудь романтического». То есть – виски или «Парламента».

– Он – молод? Ему лет тридцать?

– Джошуа?

– Нет, Брареану.

– Двадцать во... Двадцать девять, по-моему. А почему ты спрашиваешь?

– Да так. Интересно стало. Не часто встретишь подобное.

– Да, – согласилась Джина. – Брареан в своём роде уникал. Но лучше скажи мне, пожалуйста! У вас через час – Посвящение! Это же надо залечивать! Там же будут Кураторы!

– Нет, – возразила Верона. – Залечивать я раздумала. Пусть это служит символом... – и поскольку во взгляде Джины проявилось недоумение, пояснила: «Моей независимости», – чем повергла свою приятельницу в ещё большее недоумение.

* * *

В это время проректор Коаскиерса, получивший письмо от Джимми или лучше сказать – донесение, связался с профессором Джонсоном и обратился с просьбой направить к нему Верону, при этом – незамедлительно. Куратор, обеспокоившись, поспешил выполнять задание. Так как самой Вероны на месте не оказалось, Джонсон решил обратиться за поддержкой к Томасу Девидсону. Томас, проинструктированный, побежал на этаж пятикурсников. Таким образом в скором времени Верона, покинув Джину, поспешила в обратную сторону – к центральному холлу Коаскиерса, где, взглянув на плевок – подсохший, скосилась на Эркадора – на портрет его, ярко сияющий, пробормотала: «Монстр!» – и быстро направилась к лестнице, полная негодования – того, что опять закипело в ней. Подъем до нужного уровня несколько не охладил её. Разыскав кабинет проректора – согласно табличке с именем над квадратом идентификатора, она приложила пальцы к дисплею с сенсорной поверхностью – мало на что рассчитывая и просто экспериментируя. На дисплее сразу же высветилось: «Личность не установлена», – и следом раздался голос с механическими интонациями:

- *Вы не идентифицированы. Вы должны пройти регистрацию.*
- Где? – спросила Верона. – Надо думать, в Седьмом департаменте?
- *Да, в Седьмом департаменте. Во Вретгреенском отделении.*
- Хорошо, я учту на будущее. А с кем я сейчас разговариваю?
- *Данный вопрос некорректен. Обратитесь с новым, пожалуйста.*
- Хорошо, – согласилась Верона. – Как мне найти проректора?
- *Экдор Эртебран отсутствует. Вы можете подождать его.*
- Понятно – сказала Верона. – Я подожду, разумеется.

Завершив разговор с дисплеем, она опустилась в кресло – стандартное – для ожидающих, и попыталась занять себя размышлениями об имени: «Шестеро отпадают. Джон – из числа оставшихся. Тралавэрстреларан? Наверяд ли. Хотя имя в целом чудесное. Просто язык сломаешь. Рум-пель-штильц-хен бы умер от зависти...» Попытка была напрасной. Образы Эркадора не давали ей сосредоточиться. Не просто портретные образы, а новые – продуцируемые, где он – во плоти и крови – затмевал собой Джона полностью. Тело её – повторно – сковала сладкая изморозь.

- «*Это тебе не Девидсон! Это мужик со способностями!*»
- «*Наш Эхнатон Великий поразил твоё воображение...*»
- «*Великий Экдор, вы не смеете...*»

Через какое-то время раздался голоса на лестнице. Определив безошибочно приближение Джоша Маклохлана, «Крюгера» -Брареана и мистера Грегори Акройда, Верона, поднявшись с кресла, попыталась унять волнение, порождённое теми картинами – более чем откровенными, что возникли в её сознании, но картины не исчезали, соответственно – и волнение. Боль в губе внезапно усилилась. Маклохлан, узрев Верону, задался сперва вопросом: «Чего ей нужно у Лээста?!» – но, увидев её травмированной, растерялся до крайней степени.

«Чёрт! – озаботился Акройд. – Как её угораздило?! Ох как это не вовремя!»

«Взвинчена до предела... – было отмечено „Крюгером“. – И губа до сих пор не залечена. Что это? Ультиматум? Кому? Эртебрану? Вряд ли. Через час у них Посвящение. Эртонам, по всей вероятности...»

– Рэа Блэкуотер, скажите, – резко спросил астролог, – почему вы не в общежитии?! Ведь вам сейчас полагается готовиться к Посвящению!

«Бедняга... – подумал Акройд. – Так ревнует её к Эртебрану, что не может себя контролировать».

Верона смиренно ответила:

– Простите меня, дорверы, но просто меня сюда вызвали, через профессора Джонсона. Я пришла. Проректор отсутствует.

– Проректор сейчас находится в малом конференц-зале, – поспешил известить её Грегори, опережая Маклохлана, явно намеревавшегося продолжить свои выяснения. – Нас всех туда только что вызвали. Это что-то в связи с Посвящением, так что ваша встреча откладывается.

– Спасибо, – сказала Верона, поднимая глаза на кураторов.

Акройд стоял с улыбкой. Ирландец, напротив, хмурился, а «Крюгер» в эту секунду приглаживал волосы пальцами. Сюртук он сменил на новый – более-менее вычищенный, и даже сменил рубашку на тщательно отутюженную и принял душ, по всей видимости, так как запах теперь отсутствовал, но брюки остались прежними – собравшиеся гармошками. Впрочем, при взгляде студентки он прекратил свои действия. Выразив извинения, она поклонилась низко и, после кивка саматурга, направилась в сторону лестницы.

– Рана весьма характерная... – констатировал Акройд задумчиво.

– На завтраке этого не было! – агрессивно заметил Джошуа.

– Нас это всё не касается, – произнёс Брарен с выражением, отбившим у Джоша желание обсуждать эту тему далее. – И уже три минуты двенадцатого. Пойдёмте, дорверы. Опаздываем.

* * *

На последнем витке перед холлом Верона, замедлив движение, прошептала: «Силы небесные, как мне теперь смотреть на него?» – и, спустившись на пару ступеней, увидела Джонсона с Хогоартом, куратора четверокурсников и порядком уже запыхавшегося наставника шестикурсников. Лицо его было красным, а лысина ярко посверкивала. «Надо же, как торопятся! Вероятно, плохие новости...» – сделав подобный вывод, она опустила в книксене, а Джонсон, быстро приблизившись, спросил: «Вы в порядке, простите?! По-моему, вы травмированы!» Не успела Верона ответить, как Хогарт сказал: «Разумеется! Стоит на ногах – это главное! – после чего скомандовал: – Ефрейтор, бегом в общежитие! Всё остальное успеется!»

Джимми, буквально сгоравший от детского нетерпения узнать результат своей кляузы, расхаживал по гостиной и размышлял напряжённо, как ему справиться с Томасом, если экдор проректор не произведёт отчисления. Именно в это время Верона возникла в арке – в испачканной кровью майке и с распухшей губой – ужасающей.

– Хе! – поразился Брайтон. – Это кто постарался?! Девидсон?!

– Ага! – подтвердила Верона. – На пару с Виргартом Марвенсенем!

Джимми застыл в изумлении, а Верона прошла в свою комнату, пытаясь занять себя мыслями о предстоящих событиях. «Арвфеер и теарады... Надо переодеться. И надо выучить Клятву. Надеюсь, она короткая...»

Арвфеер оказался платьем – перламутровым, шелковистым, расшитым шитьём из бусин, непостижимым по сложности. Верона разделась в спешке и сменила бельё – простое – на красивый набор из кружев, приобретённый в Дублине. Затем она надушилась, надела арвфеер, сандалии – с ленточными завязочками, просмотрела пергамент с «Клятвой» и, не выдержав одиночества, постучалась в соседнюю комнату. Герета была на месте и – при виде своей подруги – побледнела смертельным образом. Через минуту выяснилось, что прекрасный арвфеер Вероны – это арвфеер невесты, надеваемый в день обручения. Арвфеер самой Гереты оказался обычным платьем, простого прямого кроя, из плотной хлопчатой ткани, без каких либо бусинок с вышивками.

– Так-так, – усмехнулась Верона, выслушав пояснения, – Интересно у нас получается. Я пойду к себе и подумаю.

Покинув «четвёртую» комнату, она отправилась в «первую». Томас сидел с приятелями – Гредаром и Арриго, что деликатно отклонялись и переместились в «пятую».

– Что с губой? – спросил Томас. – Прокушена?

– Было дело, – кивнула Верона, – но это сейчас не главное. Ты мог бы со мной поделиться хоть какой-нибудь информацией о том, кто у нас тринадцатый...

– Ты имеешь в виду Эркадора?

– Да. Расскажи мне хоть что-нибудь. Самое общеизвестное.

Томас – в красивом фрезде – тёмно-синем, с широким поясом, сперва предложил: «Присаживайся!» – проследил за её движениями, невольно любясь арфвеером, что облегал её тело полупрозрачными волнами – серебристыми и сверкающими, сел на стул, что стоял напротив, пощёлкал на пальцах суставами и наконец ответил:

– Эркадор по своим способностям превосходит всех, вместе взятых, эртаонов второго уровня.

– Получается, это правда, что он может усилием мысли уничтожить нашу галактику?

– Он может, теоретически, уничтожить нашу вселенную со всеми её измерениями.

– Кроме того измерения, что было когда-то их собственным? Того, что никак не просчитывается?

– Да нет, – сказал Томас, – просчитывается. Но проблема в другом, если честно. Это их измерение является антиматерией. Вернуться они не могут. Их сразу аннигилирует.

– Ты серьёзно?! Но Джош сказал мне...

Томас вздохнул:

– Серьёзно. Маклохлан не в курсе, наверное. А я услышал от Неара. У него старший брат – астрофизик, занимается нуклеосинтезом. И он это знал с института... Академия космологии. Он там специализировался в изучении тёмной энергии. Уравнение состояния. И там это всё обсуждалось – ситуация с эртаонами. Одним словом, известно следующее. Первый шлюз, что они открыли, был экспериментальным. Эртаоны тогда разбирались с квантовой гравитацией и пытались найти решение для проблемы перемещения не по ходу течения времени, а во всех его направлениях. В результате они из прошлого переместились в будущее, снова вернулись в прошлое, опять отправились в будущее, но уже в иной вариантности, с учётом суперпозиции, и в какой-то момент случилось нарушение когерентности. Поэтому невозможно восстановить параметры. Так что всё, что им остаётся, это смириться с действительностью.

– В таком случае, он – не всемогущий?!

– Всемогущий в известной степени. Но это, конечно, трагедия... вся эта их ситуация. Ты ведь слышала от Маклохлана, что создание Арвеарта считается их попыткой воссоздания цивилизации?

– Да, – кивнула Верона. – От него и от Джины, на Паруснике.

– Ну вот, – сказал Томас, – ты в курсе. Теория общепринятая, но дело в другом, я думаю. На самом деле, мне кажется, ими как раз была создана земная цивилизация, а Арвеарт с Иртаром – просто уже ответвление... дополнительная селекция, но чисто из интереса, без особых планов на будущее.

– Так сколько им лет примерно?

– Миллионы, по всей вероятности. Бессмертие их обеспечивается постоянной регенерацией за счёт энергии космоса. И что самое интересное, они ещё могут поддерживать подобное состояние в любой живой материи. То есть делать смертных бессмертными. «Приобщать», как у нас выражаются.

– Наблюдатели – «приобщённые»?

– Да, – сказал Томас, – вроде как, но мы – уже нет, к сожалению, хотя у альтернативщиков срок жизни гораздо дольше, чем у самих арвеартцев. Для них полтора ста – максимум, а мы набираем за двести, стареем гораздо медленнее и пользуемся привилегиями, потому нас недолюбливают. И, кстати, ты что-нибудь выяснила? В плане имён Советников?

– Частично, – сказала Верона. – Дело за малым, мне кажется. Ты ведь в курсе, по-моему? Их мечи – именные, правильно? На них какие-то надписи...

– Да, именные, конечно! Нам говорили в школе. Мы как раз проходили диффузию и нам сообщили по ходу, что мечи у всех эртаонов – сталь и вольфрам с иридием. А мы тогда моделировали осаждение на графите покрытие из тантала... из карбида тантала.

– Пиролизом пентахлоридов?

– Да, совершенно верно! Вот нам тогда и сказали, что у них на мечях покрытие из карбида тантала и что все мечи – именные. Они сами их отливают и сами же их и подписывают.

– Интересно, – сказала Верона, вспоминая, что меч у Джона казался стальным по виду. – Высший карбид тантала – он золотистого цвета, а мечи на портретах – стального.

– Их мечи, как и меч Эркадора, это сплав из карбида вольфрама с добавкой карбида титана, что как раз создаёт впечатление...

– Спасибо, – сказала Верона. – Мой вопрос на этом исчерпывается.

* * *

Ровно в одиннадцать тридцать Том с Вероной вышли из комнаты. В гостиной первого курса было уже многолюдно, но гораздо тише обычного. В ожидании мистера Джонсона арвартцы стояли молча, с отрешёнными выражениями. Верона, с которой Арриго поделился своим наблюдением: «Наши ребятки во фреззах похожи на тихопомешанных из древнегреческой клиники», – начала внезапно смеяться и смеялась секунд пятнадцать, пока Томас не взял её руку, чтобы она успокоилась. Пока он её успокаивал, прошло полторы минуты. Ещё через три минуты Арриго сказал на английском – голосом мистера Джонсона:

– Джентльмены, простите, пожалуйста! Я вынужден был задержаться... из-за приступа диареи... можно сказать, хронической...

Теперь засмеялся Джимми, в результате чего арвартцы – те, кто стоял поблизости, стали смотреть в его сторону, словно сам он явил пациента, но буйного, а не тихого. Сам Джимми какое-то время тоже пытался скопировать голос мистера Джонсона, а затем оставил попытки и разразился высказыванием:

– Эй, Блэкуотер, скажи пожалуйста, а с чего у тебя арвфеер не такой, как у всех, а украшенный?! Это чё, за красивые глазки?!

– Да, – сказала Верона. – Щедрый дар Эхнатона Великого, Всесильного и Всемогущего, Сына Первой Звезды и так далее.

– «Эхнатон»! – засмеялся Джимми. – Между прочим, это – сенсация! Я бы даже сказал...

– Куратор!

Этот возглас издал Маккафрей и тут же сместился за Томаса, в ужасе от содеянного. Джонсон влетел в гостиную. Его галстук – тёмно-малиновый – был перекошен полностью, верх рубашки раскрыт на три пуговицы, а шнурки от туфель болтались – просто-напросто были развязанными.

«Спятил! – подумал Джимми. – Мало нам было Крюгера!»

Кто-то из девушек ахнул. Кто-то воскликнул: «Создатели!»

– Матта миа! – вскричал Арриго. – Неужели война с иртарцами?!

– Хуже, – сказала Верона. – Надо думать, война с марсианами.

Джеймс обвёл студентов взглядом, полным безумия, и выдавил через силу:

– Леди и джентльмены! Я п-приношу извинения. Меня задержало известие... чрезвычайча... ч-чрезвычайчайной... важности... Это п-просто... с-сверх... в-выходящее... Г-господа, я прошу заслушать м-меня...

Речь была прервана Девидсоном:

– Сэр, смените язык, пожалуйста!

Профессор взглянул на Томаса с откровенным недоумением, после чего опомнился и, пробормотав: «Простите», – продолжил на арвеартском:

– Арверы, прошу, присядьте... Так будет лучше, наверное... Я обязан вас информировать... Сообщить ч-чрезвычайную новость... сообщить... это – просто сенсация... сенсация для Коаскиерса...

– Хе-хе! – засмеялся Джимми. – Сенсация за сенсацией!

– Идеи? – спросил Арриго, обращаясь к альтернативщикам.

– Не знаю, – ответил Томас. – Возможно, визит сенаторов.

Точно такую идею подал арвеартцам Неар – за неимением прочих, хоть сколько-нибудь состоятельных.

Джонсон всхлипнул в салфетку и продолжил дрожащим голосом:

– Ах, арверы, да что там Коаскиерс!!! Мы все удостоились чести... Самой высокой чести!!! П-простите меня, арверы, но это... вы п-понимаете... – на этом он прослезился и утратил речь окончательно.

Арвеартцы, уже осознавшие, что вряд ли дело в сенаторах, побледнели – все до единого. Верона, недолго думая, присела перед куратором, завязала шнурки на туфлях, следом взяла его за руку – для прямой контактной суггестии, и быстро вернула профессора в адекватное состояние. Он разобрался с пуговицами, поправил сместившийся галстук и тихо сказал на английском:

– Мисс Блэкуотер, я крайне признателен.

Верона, выполнив книксен, вернулась к альтернативщикам. Джонсон – стабилизированный – ещё раз поправил галстук, следом пригладил волосы, убрал с рукава пылинку и объявил торжественно:

– Арверы! Я – ваш куратор – довожу до вашего сведения, что сегодня, впервые в истории, церемонию Посвящения удостоит своим присутствием Величайший из всех Великих, Всесильный, Не Знающий Равных и Властвующий Безраздельно...

Закончить ему не дали. Лирена, Иртана, Терна и – последней из них – Герета, разом лишились сознания, не справившись с этой новостью, непосильной для их восприятия.

– Аримани, – потребовал Джонсон, – в прачечной есть аптечка! Раствор гидроксида аммония! Отправляйтесь за ним немедленно!

Арриго бросился в прачечную. Томас, без колебаний, поднял Герету с пола и присел с ней на край дивана, обменявшись с Вероной взглядами. Гредар схватил Иртану и сел по соседству с Томасом. Куратор взглянул на Джимми:

– Займитесь Терной, пожалуйста! Вы не должны бездействовать в критической ситуации!

Джимми, с кривой ухмылкой, склонился над однокурсницей, чьё лицо – обычно румяное – стало блее белого, и тоже взял её на руки. Лирене – четвёртой девушке – досталось внимание Неара – юного литератора. Арриго, вернувшись вскоре, передал пузырёк профессору, а сам подошёл к Вероне, заметив в глазах её панику – мало чем объяснимую в его собственном понимании.

Минут через пять примерно Джонсон пришёл к тому выводу, что состояние девушек всё равно остаётся критическим.

– Арверы, – сказал он, – внимание! Мы не должны опаздывать! Боюсь, что для ускорения вам придётся сейчас понести их!

Гвелдеор покраснел от волнения. Неар слегка смутился, а Джимми, державший Терну, тут же шепнул ей на ухо: «Щас вот как уроню тебя и будет землетрясение!» – отчего несчастная девушка чуть опять не лишилась сознания.

– Ну всё, – сказал Джонсон, – строимся! Томас с Геретой – первые, Гредар с Иртаной – вторые, Неар с Лиреной – третьи, Джеймс и Терна – четвёртые, потом Аримани, Маккафрей и далее – все оставшиеся. Рэа Блэкуотер, пожалуйста, будьте у нас замыкающей!

Длительный спуск по лестнице, коридоры с круглыми лампами... – Верона так погрузилась в себя, что почти ничего не видела, почти ничего не слышала и просто шла механически, готовая к самому худшему.

* * *

Через какое-то время процессия первокурсников добралась до холла с портретами, где Джонсон дал разрешение поставить девушек на ноги, и затем обратился к студентам с проникновенным высказыванием:

– Не мне говорить вам о значимости такого рода события! Сегодня определяется ваше дальнейшее будущее, и мы уже с вами знаем, кто станет тому свидетелем! Настройтесь на самое лучшее! Впервые в нашей истории, в истории цивилизации, происходит нечто подобное! Я счастлив за вас, арверы! Счастлив, что я причастен... Сегодня у нас начинается новый этап в истории, вероятно, самый значительный, и вы – у его истоков! Вы сами – участники этого! Удачи вам, дорогие мои!

Джимми заплотировал – единственный из первокурсников, а затем наклонился к Терне – поделиться новыми мыслями:

– Теперь у нас так и будет – что ни мероприятие, так Эркадор с Советниками будут на них присутствовать!

Терна шарахнулась в сторону.

– На пристань! – призвал куратор и первым покинул Замок, не заметив того обстоятельства, что Верона осталась в холле; зато Джимми блеснул наблюдательностью:

– Эй, братва, Нефертити застряла! – сказал он альтернативщиками.

Томас остался с Геретой, а встревоженный Аримани поспешил к Вероне на выручку. Она была рядом с дверью – под центральным портретом коллекции, и смотрела на изображение, высоко запрокинув голову. Арриго быстро приблизился.

– Пойдём-ка! – позвал он. – Чего-ты?! – и осёкся, увидев лицо её – застывшую маску отчаяния.

– Нет, – прошептала Верона. – Я останусь. Я не пойду туда.

Аримани взял её за руку:

– Ты ж не Иртана какая-нибудь! Поверь мне – бояться нечего!

– Я не могу...

– Ты можешь! Надо стабилизироваться!

Вероне пришлось смириться. Когда они вышли на пристань, зазвучала сигнальная музыка и вдаль, над синееющим морем, возник пятимачтовый парусник. Студенты к тому моменту были уже построены и стояли пятью рядами между правым краем террасы и левым краем террасы, а ректор с другими эрверами пребывал у входа в Коаскиерс. Верона остановилась. Лээст шагнул в её сторону:

– Рэа Блэкуотер, простите, можно вас на минуточку?

Куратор шестого курса, узрев её появление, выразил своим взглядом интерес плотоядного уровня.

– Я – к нашим, – шепнул Арриго.

Проректор быстро приблизился и спросил:

– Прокусила? Ударилась? Как тебя угораздило?!

– Прокусила, – сказала Верона. – Со мной иногда случается.

– Ладно, – вздохнул проректор, – доверим это Кураторам. А что тебя задержало?

– Экдор, мне не стоит, наверное...

– Тебе не стоит так нервничать. Теперь скажи мне, пожалуйста, где ты спала этой ночью? Навряд ли в компании Девидсона?

– У себя, – подтвердила Верона. – Просто Джон обещал его вылечить, и я зашла к нему утром, и его действительно вылечили, и пока мы с ним разговаривали, там Брайтон возник в коридоре и стал на меня наговаривать, и тогда мы его разыграли, чтобы он перестал выделываться.

– Хорошо, – улыбнулся Лээст. – Я рад, что Томаса вылечили, – и, протянув к ней руку, прикоснулся к одной из бусинок: – Мне раньше не доводилось видеть чего-то подобного...

– Это арвфеер невесты?

Эртебран ответил: «Не думаю. Он слишком прозрачен для этого. И, кстати, мне можно спросить у тебя? Что за проблема с Советниками? Ты ведь по этому поводу отправила мне сообщение?»

– Да, – подтвердила Верона. – Просто Джон вчера, понимаете?.. Он сказал, что не назовётся, и сказал, что если я выясню... Выясню его имя, он исполнит моё желание. Он сказал, что любое желание. Он дал мне на это сутки.

– Какими действуешь методами?

– Методом исключения.

– А желание ты придумала?

– Нет, ещё не придумала.

– Ну ладно, с этим успеется.

Разговор на этом закончился. Лээст вернулся к эрверам, а Верона прошла к первокурсникам.

– Блэкуотер, тебя отчислили?! – выпалил тут же Джимми. – Ты чего такая несчастная?!

– Брайтон, – заметил Джонсон, – ещё одно замечание и два балла вам гарантированы!

Джимми едва не охнул – и не только при слове «баллы», а скорее от угрозы Томаса: «Придурок, ты доигрался! Ломаю тебе запястье!»

– Мистер Джонсон, – воскликнул Джимми, – мне тут Девидсон руку ломает!

– Хорошо бы ещё и ногу, – усмехаясь, ответил Джонсон. – Или сразу две, для симметрии.

Тем временем пятимачтовик, подлетевший к скале вплотную, медленно опустился до необходимого уровня. Широкая балюстрада исчезла из общей видимости, как и фальшборт на судне – отрезок напротив пристани. Вслед за этим возникли сходни – проход между сушей и палубой.

Креагер, соблюдая традицию, вышел вперёд с обращением – воодушевлённый событиями:

– Арверы... мы все понимаем значимость происходящего... Этот день стал главным в истории... Это – день, который показывает, что связь сынов Арвеарта... нерушима... с их Прародителями... Величайшими Прародителями... И я бесконечно счастлив... Простите меня, арверы... – на этом ректор откашлялся, – тем, что это случилось... случилось в нашем Коаскиерсе... Я прошу профессора Джонсона провести на борт первокурсников...

Джеймс направился к сходням – со словами: «За мной, пожалуйста!» Первый курс потянулся цепочкой – Лирена, Иртана и Терна – полностью обесцвеченные; затем – арвеартские юноши, тоже всё ещё бледные; Томас – само хладнокровие; Гредар – просто ликующий – не в связи с величайшим событием, а в связи со словами Иртаны: «Я без тебя умерла бы! Я сама не дошла бы до пристани»; – Арриго, счастливый за Гредара; Эамон, подзабывший Клятву; Джимми – с новыми планами мщения и отмщения, и в конце – Верона с Геретой; Верона – пепельно-серая, а Герета, напротив, – пылающая. Палуба пятимачтовика выглядела классически – канаты, бочонки, ванты, высокий штурвал в отдалении...

– Арверы, – сказал куратор, указав на вторую мачту, – вам надо сесть синусоидой. Девушки сядут по центру. Надеюсь, вам всё понятно?

– Да! – отозвался Джимми. – Хорошо, что не косинусоидой!

– Молодцы! – похвалил профессор. – Теперь посмотрите, пожалуйста, на центральную мачту парусника. Если всё пойдёт, как обычно, то именно к ней трансgressируют шесть Великих Дорверов Кураторов. Всё, что от вас потребуется – это просто подняться на ноги, дойти до центральной мачты, снова встать на колени – перед Старшим Экдором Куратором и произнести свою Клятву. После этого Старший Куратор огласит результаты сканирования. Как только это случится, возвращайтесь на место, пожалуйста. А теперь начинаем усаживаться! И помним самое главное... – профессор немного помедлил, – Сына Первой Звезды – Эркадора, эртаона первого уровня, и его Высочайших Советников мы приветствуем по-особому. Вы становитесь на колени, затем опускаете голову и лбом касаетесь пола. Приветствие продолжается, пока с вами не поздороваются.

Быстро закончив с инструкциями, Джеймс подошёл к Вероне и сказал: «Мисс Блэкуотер, простите, но, мне кажется, вам нездоровится. У нас минут пять в запасе. Вам хватит для самолечения?»

В этот момент по сходням, ведомые мистером Хогартом, на борт прошли второкурсники. За ними Грегори Акرويد провёл своих третьекурсников, а куратор четвёртого курса – соответственно – четверокурсников. Напротив трёх этих курсов, размещённых, согласно традиции, по центру вдоль левого борта, кураторы старших курсов разместили своих подопечных по центру вдоль правого борта. Ректор и те эрверы, что не являлись кураторами, сгруппировались рядами за спинами первокурсников. К ним постепенно примкнули все эрверы-кураторы, из которых последним был Джонсон, всё это время выравнивавший неровную «синусоиду». Верона, попытки которой заняться самолечением оказались безрезультатными, даже хуже – скорей усугубили её внутреннее состояние, решила в конечном счёте, что должна обратиться к Лээсту и взять у него разрешение не присутствовать на церемонии, с любого рода последствиями – пусть даже и отчислением. Задавшись такой идеей, она шепнула Герете: «Я отойду на секундочку», – и покинула своё место под комментарий Брайтона:

– Нефертити, куда намылилась?! Твой Эхнатон щас появится!

Эртебран, безотрывно следивший за ней, сразу пошёл навстречу, быстро взял её под руку и отвёл подальше от публики – в сторону бака парусника. На уровне первой мачты он спросил:

– Почему ты так нервничаешь? Из-за платья? Не надо расстраиваться. Джон ведь знает что делает.

Верона шмыгнула носом:

– Нет... Эркадор... понимаете? Он... Я... У меня не получится...

– Нет, я не вполне понимаю.

– Мне надо уйти!

– Не думаю. Тебе надо взять себя в руки и вернуться к своим однокурсникам.

Верона вздохнула судорожно и закрыла лицо ладонями. Плечи её задрожали. Послышались громкие всхлипывания. Лээст, совсем растерявшись, решил обратиться за помощью: «Великий Экдор, – подумал он, – проявите своё участие...» Участие было проявлено. Откуда-то крикнула чайка и следом внутри «синусоиды», образованной первокурсниками, возникла группа Кураторов – прекрасных, в кофейных фрезздах, при мечях в драгоценных ножнах и при плащах до пола – эртафраззах, откинутых за спины. Смертные низко склонились. Джина крепко зажмурилась. Старший Куратор Коаскиерса, скосив глаза в её сторону, обогнул конец «синусоиды» и быстро прошёл по палубе:

– Экдор Эртебран, – попросил он, после крепкого рукопожатия, – возвращайтесь на место, пожалуйста.

Лээст вернулся к эрверам и тоже склонился в приветствии, а Великий Экдор Терстдаран произнёс со всей убедительностью:

– Дэара Верона, прошу вас, не надо так сильно расстраиваться! Вам не о чем беспокоиться!

– Не-е-еет, – прорыдала Верона, – он меня д-дезит-тегрирует!

– Никто вас не дезинтегрирует! Возвращайтесь к своим однокурсникам!

Верона, уняв рыдания, отняла от лица ладони и взглянула в лицо Куратора с нескрываемым недоверием. Эрвеартвеарон улыбнулся:

– Я счастлив вновь лицезреть вас! И позвольте мне сделать кое-что... с этим «символом независимости»...

Потрогав губу – исцелённую, Верона растёрла слёзы и, не видя иного выхода, вернулась к своим однокурсникам, а Терстдаран, встав с эртаонами, объявил торжественным голосом:

– Арверы, прошу приготовиться к прибытию Эркадора, эртаона первого уровня, и его Высочайших Советников!

После этого эртаоны тоже склонились в приветствии. Затем потекли секунды всеобщего ожидания, по истечении коих на парусник трансгрессировал Величайший из всех Великих – в своём золочёном фреззде, в чёрном как ночь эртафраззе, и в шлеме с острыми гранями, украшенном гребнем с кристаллами. Артвенгары в серебряных фрезздах возникли секундой позже – когда люди уже припадали головами к нагретой палубе.

На второй минуте приветствия Верона внезапно почувствовала, что с ней происходит что-то – абсолютно ей незнакомое – на гормональном уровне – выброс сератонина и ацетилхолина, сразу же в ней спродуцировавших чувство экстаза – глубокого и стремительно нарастающего. Она попыталась хоть как-то заблокировать эту реакцию, но вышло совсем иное – после толчка, секундного, она осознала с ужасом, что видит всех первокурсников и саму себя, соответственно, с иного – верхнего – ракурса, и так же – с верхнего ракурса – видит Дорверов Кураторов и Эркадора с Советниками. «Это – астрал?! О господи...»

– Астрал, – подтвердил ей кто-то. – Прости за такое вмешательство, но так мне будет удобнее. Я просто хочу сказать тебе, что дерзость всегда наказуема. И также пойми другое – здесь ни в чём нельзя быть уверенной. Я говорю о Джоне. Ты что, всерьёз полагаешь, что один из моих Советников мог бы, жертвуя временем, не говоря об обязанностях, перебраться отсюда в Гамлет? Следить за твоим развитием? Заниматься с тобой ботаникой? Обсуждать с тобой всякие глупости? Общаться через картину? Дожидаться, когда ты вырастешь? И ты всерьёз полагаешь, что он сейчас здесь, на паруснике? Ты забыла слово «иллюзия»? Если ты мне не веришь, то вот они все – пожалуйста! Смотри на них сколько хочешь! Займись идентификацией... Что? Не хочешь?! Отказываешься?! И по какой причине? Ты согласна, что он – иллюзия? А?.. Мы все тут иллюзия?! Хорошо, мы вернёмся к этому. И заодно, при возможности, обсудим тему «насилия». Или другую тему... Как ты сказала Джоне? «Мы – особи женского рода, равные им по сути и способные на зачатие»? Я бы подверг сомнению центральную мысль тезиса, но первое утверждение в целом меня устраивает. Скажу тебе откровенно – ты мне как раз интересна именно в этом качестве...

* * *

На этом «астрал» закончился. Верона, ошеломлённая, опустила лицом на палубу и закрыла глаза – в отчаянии, чувствуя взгляд – эркадорский – через прорезь в забрале шлема – сжигающий её заживо. Так протекла минута.

– Я приветствую вас, арверы... – произнёс Эркадор наконец-то – низким глубоким голосом с властными интонациями.

Эртаоны-Кураторы встали, смертные распрямылись. Величайший из всех Великих, которому – сообразно его высочайшему статусу – полагалось общаться со смертными исключительно через посредников, попросил без особых эмоций: «Эрвеартвеарон, начинайте». После этого он и Советники отошли к серединной мачте и сели там полукругом. Эрвеартвеарон, поклонившись, вышел на центр палубы и сказал, не скрывая волнения:

– Сегодня – великий праздник! Сегодня мы принимаем в ряды студентов Коаскиерса тридцать выпускников, или я скажу по-другому – тридцать птенцов – неоперившихся, которым придётся однажды расправить крылья над Замком, над этим прекрасным морем и над землёй Арвеарта! Взгляните на них, прошу вас! Эти дети живут в ожидании! Живут в ожидании чуда и от вас, эрверы, зависит...

Верона, почти не слушая, в тот момент желала единственного – оказаться обратно в Гамлете, на веранде со старыми стульями, в том прекрасном далёком прошлом, где всё вершилось в действительности, где Джон ещё не был иллюзией, где она не была инфузурией для чьих-то безжалостных опытов.

Эрвеартвеарон тем временем завершил своё выступление, несколько патетическое, снова взглянул на Джину, как всегда ничего не заметившую, и пригласил к себе Томаса:

– Томас Девидсон Джуниор, выйди вперёд, пожалуйста!

Томас встал, посмотрел на Верону, затем посмотрел на Герету, по-прежнему ярко пылающую, и уверенно вышел к Кураторам:

– Я, Томас Девидсон Джуниор, даю священную Клятву находящимся здесь эртаонам – Сыну Первой Звезды – Эркадору, Величайшим Отцам-Прародителям, Великим Дорверам Кураторам и эрверам – старшим собратьям, в том, что с этого дня и часа я служу своему призванию...

Герета внезапно заплакала и снова взмолилась к Создателям: «Прошу вас, сделайте что-нибудь...»

Так началось Посвящение. Вслед за счастливым Томасом, причисленным к биохимикам, за вердиктом проследовал Джимми, чьим призванием определили атретивную медитацию, на что Джош огорчённо подумал: «Да, а чего удивляться? Эртебрану – пшеница без плевел, а мне – плевела без пшеницы». Аримани, призванный третьим, был отнесён к диагностам. Затем Эрвеартвеароном был приглашён Маккафрей – пунцовый, страшно вспотевший, едва не упавший в обморок, но это не помешало курирующим эртаонам расшифровать его сущность и причислить его к саматургам, на что Акرويد подумал: «Бог с ним. Главное, что не Брайтон. Маклохлану не позавидуешь». После этого Старший Куратор стал вызывать арвеартцев, начиная с ардора Гредара.

Верона не замечала течения церемонии. «Мне всё равно, если честно, – мелькало в её сознании. – Я ничего не знаю. Моя жизнь не имеет значения. Вы доказали мне это. Вы взяли и уничтожили... Уничтожили всё моё будущее... Всё потеряло смысл. Зачем вы всё это делаете? Вряд ли бы вас задели все эти мои высказывания... И вы же прекрасно знаете, что за всем этим скрывается. Я не прошу снисхождения, но вы не имели права поступать со мной таким образом. Эктор Эртебран сказал мне, что в вопросах морали и этики вы намного нас превосходите, но теперь я не верю этому. Вы просто экспериментируете. Все вы, без исключения. Расчётливо и безжалостно... Вы просто паразитируете! В вас нет ничего человеческого! И я рада, что я ошиблась! Вы недостойны счастья! Вы – просто химеры, вот вы кто! Химеры, а не Создатели!»

Назвав эртаонов «химерами», она повернулась в их сторону. Теперь на неё смотрели и сам Эркадор с Артвенгарами, и все эртаоны-Кураторы, за единственным исключением в лице Эрвеартвеарона, который, по долгу службы, смотрел на ардора Неара, объявляя его призвание – психофизиологию. Глаза её потемнели. Она прошептала гневно:

– Вы что на меня уставились?! Это – что, групповое насилие?! – Эртаоны не отреагировали. Лишь на губах Эркадора проявилась усмешка – секундная. – Садист! – прошептала Верона.

Неар вернулся к сокурсникам. Теперь и Старший Куратор посмотрел на неё внимательно – вслед за своим приглашением, дополняя картину полностью:

– Дэара Блэкуотер, пожалуйста!

Верона медленно встала и направилась к центру парусника. Эрвеартвеарон улыбнулся ей – не самым заметным образом. Встав перед ним на колени, она сказала вполголоса, уставившись в бляхи пояса – массивные и сверкающие:

– Я не хочу учиться здесь. Я уеду сегодня же.

Эрвеартвеарон наклонился к ней:

– Следуйте протоколу. Вы знаете, кто здесь присутствует. Проявите своё уважение.

Верона глотнула воздух. Деваться ей было некуда – теперь на неё смотрели и Эркадор с Артвенгарами, и шесть эртаонов-Кураторов и все студенты Коаскиерса, и все эрверы Коаскиерса...

– Я, Верона Блэкуотер Авейро, приношу священную Клятву находящимся здесь эртаонам – Сыну Первой Звезды – Эркадору, Величайшим Отцам-Прародителям, Великим Дорверам Кураторам и эрверам – старшим братьям, в том, что с этого дня и часа я служу своему призванию. Отныне мой дом – Коаскиерс, храм медицинской науки на священной земле Арвеарта. Я клятвенно обязуюсь выполнять все Великие Заповеди и следовать Нормам и Правилам, установленным Братством Эрверов, и клятвенно обещаю обращать каждый день своей жизни во благо служения истине и истинным идеалам...

– Арверы, – сказал Терстдаран, как только она закончила, – я прошу отнестись к нашим выводам с серьёзностью и вниманием. Мы находим Дэару Верону исключительно одарённой и, согласно объёму знаний, которым она обладает, выносим своё решение об её зачислении на пятый курс Академии.

Акройд подумал с юмором: «Не могли бы уж лучше сразу вручить ей диплом и грамоты и поздравить её с окончанием?» Джимми шепнул Арриго: «Блэкуотер вконец зазнается!» Джина возликовала, а Маклохлан, увидев, как Лээст вытирает глаза и высмаркивается, подумал с горькой иронией: «Плачь не плачь – ничего не изменится. Тебя прокератомируют. Ты этого добиваешься?»

– Мне плевать, – ухмыльнулась Верона.

Терстдаран подал ей руку:

– Прошу вас Дэара, встаньте.

Проигнорировав помощь, она поднялась – негодующая, и направила взор на Создателей: «Чёртовы манипуляторы!» Эта мысль была услышана – Эркадор кивнул в знак согласия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.